

Вадим Ледов

ОНИ ВСЕ УМРУТ

НЕ ЭТО НЕМОЖНО

**Записки Мелового
ПЕРИОДА**

Каждый из нас куда-нибудь да попадал. Мы всё про это знаем. Тысячи книг об этом написаны. Но эти ребята и девчата попали по самое, что называется, не балуй, да еще целым Институтом! Так далеко в прошлое, даже Макар телят не гонял.

Что-то вроде "10 негритят" в сеттинге Мелового периода.

Наши современники.

Они все умрут, но это неточно.

Глава 1

Когда старенький институтский "пазик" трясясь и завывая раздолбаным двигателем, въехал на территорию базы отдыха, времени было, что-то около полудня. Автобус остановился и шофер, зачем-то просигналив хриплым клаксоном, открыл, наконец, двери. Вновь прибывшие, слегка очумевшие от тряски и пыли, с шуточками и смехом нескрываемого облегчения, чрезвычайно довольные окончанием сурового двухчасового испытания разбитыми дорогами и просёлками, принялись выбираться из смертельно надоевшего, раскалённого как печка автобуса, разминая утрамбованные жёсткими сидениями зады и озираясь по сторонам. Некоторые, едва вытащив вещи, сразу же устремились к видневшемуся невдалеке месту общественного пользования.

— Ну, он пёр по этим кочкам! — ворчал Марек, потирая натруженный зад. — А автобус-то... как будто без рессор ваще.

— Русский, — пояснил Илья, — любит быструю езду!

— Вообразил себя болидом на формуле один, — резюмировал Марек, — Шумахер сраный!

Уютный, маленький лагерь отдыха располагался в прозрачном сосновом бору, на самом берегу Обского водохранилища, гордо называемого местными жителями "морем". Включал он несколько брусчатых домиков, да около десятка разноместных, цветастых палаток. Была там волейбольная площадка, с лёгкостью превращаемая в танцевальную, не покореженный теннисный стол, бильярд, а несколько поодаль у воды, расположилась, гордость базы, только в этом году срубленная маленькая бревенчатая баня. В крошечной заводи покачивалась, на едва доходящих сюда волнах, одинокая, свежескрашенная лодка. Патриархальная тишина нарушалась только щебетом птиц, да детскими воплями, доносящимися с недалёкого пляжа.

Жарища, надо сказать, стояла совершенно дурная, совсем не характерная для наших умеренных широт. Компьютеры умудрились виснуть в самое неподходящее время, несмотря на снятые корпуса. У Марека из-за этой напасти то и дело накрывалась работа. Поскольку прогнозы синоптиков обещали, что несущий прохладу циклон надёжно обходит их стороной и жара продлится еще не менее недели, он предложил плюнуть на все и предаться разгулу в диких местах. Илья не возражал, поскольку сам уже одурел от духоты, и ему было невообразимо лень, обливаясь потом, работать, над диссертацией.

Местом разгула была выбрана институтская летняя база отдыха, по той, главным образом причине, что недельная путевка туда стоила совершеннейшие гроши, так как почти целиком оплачивалась профкомом. Марек радостно заявил, что сэкономленные деньги, нужно потратить на создание питейных запасов, совершенно, по его мнению, необходимых для отдыха на природе. На ехидный вопрос Ильи, Марек невинно ответил: "Ну, ты спросил! На Канарах, разумеется, сэкономленные!", и протянул ладонь. Илья вздохнул и начал рыться в карманах.

— Давай, давай! — подбадривал его Марек. — Отслюнявливай, не жмоться! И, в конце концов, выбил из друга требуемую сумму.

Всё дело происходило в самом начале недели, Отъезжающая, предыдущая смена, уже гужевалась у автобуса. Вновь прибывших отдыхающих, по сравнению с ними было совсем немного, поэтому пустых палаток оказалось предостаточно, Марек с Ильёй выбрали себе

крайнюю со стороны залива. Палатка была красной, двухместной и разбита возле небольшого, поросшего редким кустарником обрывчика, под которым уже начиналась узкая белая полоска песчаного пляжа.

Когда выбор был свершён, Марек, бормоча, что-то об удачном месте и плеске волн принялся распаковывать их объемистый багаж, в значительной степени состоящий из звенящей и булькающей тары, а также большой металлической канистры с пивом, которую он намеревался закопать во влажный песок, под обрывом. Илья же, как болтающийся без дела, был отправлен к хозяйственному домику, получать спальные принадлежности. Там уже собралась маленькая очередь из новеньких и Илья, вертя в руках свою и Марека путёвки, пристроился в её конце.

Бельё выдавал сам директор базы — пожилой, толстый, лысый дядька. Потев в полуденную жару в своём синем тренировочном костюме и поминутно вытирая платком загорелую конопатую лысину, он подолгу изучал путёвки, уточнял фамилии и время пребывания на базе, потом заставлял расписываться, в каком-то большом потрёпанном журнале и только после этого выдавал маленькую желтоватую стопку белья, строго предупреждая при этом, что полотенцами и постельными принадлежностями пользоваться необходимо аккуратно, по назначению, не рвать и не пачкать. Отдыхающие покорно сносили его наставления, очередь двигалась медленно, Илья заскучал, и от нечего делать принялся глазеть по сторонам. Ветер, налетая порывами, шумел в верхушках сосен. Деревья, тихонько скрипя, покачивались, заставляя больших солнечных зайцев, как угорелых метаться взад-вперёд по земле и по стенам домиков. Дверь ближайшего домика отворилась, распространяя стойкий запах кухни, и оттуда высунулась пожилая, краснолицая толстуха, в белом свежезахвачанном переднике. Поведя по сторонам энергичными маленькими глазками и очевидно не найдя искомое, она остановила свой взгляд на директоре.

— Да где ж то она ходит? — спросила она его, почему-то полушёпотом. — Обед же уже, вот.

И вдруг вскричала зычным, визгливым голосом, заставившим многих вздрогнуть.

— А-нн-а, А-ню-т-а! — и опять полушёпотом. — Тьфу ты, лентяйка, прости ты мини госпыди.

Услышав это имя, Илья встрепенулся. Что за Анюта? Неужели... Да нет, не может быть. Анют сто тысяч, наверное. Миллион! Это очевидно такая же краснолицая толстуха, но помоложе.

— На пляже наверно, валяется, где же ей ещё быть, — отвечал ей директор, морщась как при запоре, от её зычных воплей.

— Обед жи сейчас! — жаловалась повариха, призывая его в свидетели. — Посуда жи ещё не готова! Что за девка, а? Божье наказание. А-нн-а! — завопила она снова. Директор опять болезненно сморщился, делая жест рукой, словно закрывая ей рот.

— Да тише ты, — и обречённо. — Иди, готовь, сейчас пригоню ее. Дети малые, ей богу! — он повернулся к очереди. — Подождите товарищи, Всех за ручку тут надо водить. Детский сад, честное слово. Ясли, какие-то.

Присутствующие скроили сочувствующие физиономии, а директор уныло поплёлся в сторону пляжа, где за соснами переливалась на солнце бесконечная голубая гладь озера, и доносился мерный шум волн. "Она или не она?" — лихорадочно соображал Илья. Теоретически вероятность, конечно, есть. Все работающие здесь — сотрудники Института,

желающие таким образом, как бы продлить себе отпуск. А практически? Практически — это невероятно, просто невообразимо, потому что было бы слишком большой удачей. Слишком! А поэтому невозможно.

Послышался голос директора, он ругался и обещал принять меры. И тут Илья увидел её! Лицо у "божьего наказания" было хмурое и сонное, она шла, волоча длинные ноги, на ходу стряхивая узкой ладошкой, прилипший к золотистой коже песок. Её короткие каштановые волосы растрепались и торчали вихрами. Вокруг бёдер в виде длинной юбки, было обёрнуто и завязано узлом на боку, большое оранжевое полотенце, которое при каждом шаге бесстыдно распахивалось, целиком обнажая загорелое бедро. А грудь была прикрыта, не слишком-то широкой, бирюзовой полоской купальника. Шедший немного впереди директор, всё время оборачивался к ней и что-то сердито внушал, один раз даже, чуть было не налетел на дерево. Она вяло и односложно ему отвечала. Когда они, наконец, дошли, директор первым делом стал обтирать платком коричневую потную лысину и лоснящееся лицо. А Анна, хмуро глянув на отдыхающих, лица которых подхалимски изображали осуждение, видимо окончательно проснувшись и осознав свою вину, поспешила к своему домику, забавно семеня, стараясь не наступать босыми ногами на колючие шишки, в изобилии валявшиеся здесь на каждом шагу. Когда она проходила мимо Ильи, он, расширив ноздри как жеребец, уловил слабый мимолетный запах, как ему показалось, моря и горячего песка, смешанный с каким-то сладким незнакомым ароматом. Давешнее томление пошло разливаясь по его груди, горячим ручейком стекая в пах. Только на этот раз, чувство было значительно более хлётким, очевидно из-за её необычно экзотичного наряда и волнующе пьянящего запаха её тела.

Получив бельё и отойдя в сторонку, Илья встал возле толстой сосны и, приняв беззаботный вид, стал дожидаться пока она выйдет. Она появилась минут через пять, уже с влажными причёсанными волосами, намазанными помадой губами и переодетая в невообразимо короткий, белый халатик, задержалась на несколько секунд возле открытой двери, поправляя перед зеркалом непослушную чёлку. Илья жадно пялился на неё из-за дерева.

До этой поездки, Илья и Анюта в течение нескольких лет лишь случайно встречались в институтских коридорах. Она по сменам дежурила у кабин высокого давления, в которых аппараты работали день и ночь. При этих мимолётных встречах Илья каждый раз, не без удовольствия, отмечал про себя её изящную, ладную фигурку. Она же, казалось, не обращала на него никакого внимания. А он не мог с ней заговорить. К своему сожалению, Илья никогда не отличался решительностью в отношении слабого пола.

— Че ты такой трусливый? — всегда поражался Марек, считавший себя крупным специалистом в отношении женского вопроса, — Ты же у нас вон какой... здоровый лось — красавец! На тебя, любая баба клюнет, только свистни внятно, чтоб они поняли! Тоже мне фифы... Бери их за задницу! Они только этого и ждут.

При этом Марек всегда рассказывал скабрёзный анекдот о поручике Ржевском, и ржал, что да, конечно, бывает и по морде, но в основном все-таки впендюривает. Илья над хамоватым другом посмеивался, но в душе густо сожалел о своей не сложившейся. Конечно, нельзя было сказать, что он был обойдён вниманием дам, но как-то всё получалось, что женщины сами его выбирали в любовники. А он, по доброте душевной и врождённой деликатности, не мог отказать. И хотя по большому счёту, Илья всегда был тайным гурманом

в отношении женской красоты, тем не менее, все его подруги, по его же собственному определению, красавицами не уродились, хотя каждая из них и имела нечто своё, выдающееся, позволяющее Илье тешить свой глаз, на некоторое время, позабыв про остальные части тела. Например, это были прекрасные, длинные, ноги, или удивительной красоты, чётко очерченная линия груди, а может быть дивный крутой переход от талии к бёдрам. Любовался, любовался, а потом надоедало. В общем, как-то не складывались постоянные отношения.

Когда же Илья видел Анюту, у него случалось, к стыду будет сказано, некое чрезвычайно сладкое томление в груди (простите за пошлый слог) скатывающееся через желудок и застревающее где-то в паху. "Может быть, — думал он, — настоящая сексуальность вовсе не в идеальных формах, а в некотором с ними противоречии". В общем-то, не было в ней ничего идеального. Лицо её можно было назвать скорее милым, чем красивым, мальчишеская стрижка коротких каштановых волос. Тонкие, длинные ноги, всё же не идеально прямые и ровные, и походка у нее была вовсе не как у манекенщиц, и бедрами она не виляла, и каблучков никогда не носила. Но что-то было в ее походке, что придавало ей, забавный неподражаемый, не нарочито пританцовывающий характер. Как у молодой породистой лошадки, думал он, когда видел её в мини.

— Эй, отец, ну чо ты там встал?! — некстати заорал Марек. — Я его жду, а он стоит!

Анюта мельком оглянулась на его рев. Илья поспешно отвернулся и, придав лицу индифферентный вид, проще говоря, сделав "морду тяпкой", излишне поспешно направился к своей палатке.

— Чо ты орёшь, балда?! — тихо и сурово спросил он, подойдя. Марек, стоял руки в брюки, с ухмылкой через всю физиономию:

— Ах, как она на тебя смотрит! — сказал он, глядя мимо Ильи. Тот, почувствовав, как жар ударяет в лицо, обернулся... И никого не увидел. Марек за спиной, оскорбительно заржал:

— Обманули дурака на четыре пятака!

— Ах ты, гад!.. — начал Илья. — Да я тебя, сейчас с этого обрыва!..

Марек, не переставая ухмыляться, поспешно зашёл за палатку.

— Шпионишь? — доброжелательно спросил он оттуда. — Ну-ну! Тоже мне, агент ноль, ноль семь, по кличке "Жопа"! Понравилась, что ли цыпка? Ничего, мы её мигом разьясим.

Они выпили по маленькой, в честь приезда. Илья, расслабившись, рассказал, наконец, Мареку, что давно наблюдает за этой девочкой, и хотел бы с ней познакомиться. Вот чудак, удивлялся Марек, — хочет познакомиться и не знакомится. Но у нее, наверно, кто-то есть, возражал Илья, не может, чтобы у неё никого не было. Да это не беда, говорил ему Марек, раньше был кто-то, теперь будешь ты. Или может быть ты, глумливо осведомлялся он, хотел бы девственницу. Илья смущался в том плане, что да, он, конечно, реально смотрит на вещи. Да и вообще, не любит он девственниц.

Бам-м — разнеслось над лагерем. Друзья обернулись на этот странный звук и увидели директора, стоящего возле столовой с молотком в руке. Перед ним висел, привязанной верёвкой к ветке дерева, короткий кусок стального швеллера, по которому он бил. Бам-м, бам-м.

— Какого хуя он долбит? — Марек поморщился. — Пугает народ, мудака старый, с

МОЛОТКОМ!

— Рядом с ним повариху бы нашу поставить, — здраво рассудил Илья, — с серпом! Хорошая бы, статуя получилась, в назидание народам древности. Вообще-то, обед, наверно.

— Давай сейчас не пойдём, — предложил Марек, — сейчас там очередь, а попозже пойдём. Давай ещё по одной, для аппетита, и обсудим план сражения.

Они дали ещё по одной.

— Главное... — выдохнул Марек и замолчал, занюхивая кусочком хлеба.

— Главное, что бы костюмчик сидел! — перебил его слегка окосевший Илья.

— Да не болтай, — отмахнулся Марек. — Главное, чтобы быстро и с наименьшими потерями. Блицкриг, отец, понял? — после этого, он путано, но напористо, в течение примерно десяти минут, излагал своё видение женской психологии (отец, я знаю, что говорю), сопровождая свою речь, энергичной жестикуляцией.

— Слушай. Мы жрать-то пойдём? — утомившись слушать этот затянувшийся монолог, спросил, наконец, Илья.

— А? — Марек сбился с мысли и остановился на середине фразы. — Жрать? А конечно... Жрать — это святое. И бабы — это святое. Вот я, люблю жрать, и я люблю баб. Я, святой человек, отец. А ты думал...

Когда они появились в столовой, вернее у столовой, потому что это была большая площадка, примыкающая к кухне, сверху закрытая большим тентом.

Так вот, когда они появились там, весь народ уже питался, как будто, только за этим сюда и приехал, активно гремя ложками и вилками о металлические же, миски. Директор базы, чинно прохаживался тут же. В окошке раздачи, Илья увидел Анюту. Она стояла, облокотившись на прилавок, и равнодушно следила за плановым процессом приёма пищи. Вот посмотрела на них и на лице её появилась странная полуулыбка. Илья, обрадовавшись, хотел было улыбнуться ей в ответ, но тут вовремя заметил, что, глядя на них, начали улыбаться и другие люди. Тут только он сообразил, что они, сгоряча раздевшись по прибытию, явились в столовую в одних трусах. Почему-то на их базе считалось неприличным принимать пищу, не надев брюк.

Короче, друзья были смущены. Но надо было знать Марека, он от смущения становился ещё более развязным:

— Ну что дорогой друг? — официально спросил он Илью. — Пойдём, пожалуй, подкрепимся. И бодро направился к раздаче. Делать было нечего, не стоять же одному под перекрёстными взглядами, и Илья устремился за ним. Директор стеной встал у них на пути:

— Почему молодые люди, опаздываем? Почему э... без штанов?

Сражённый таким напором нравственности, теснимый директором Марек не нашёл, что ответить кроме, как задать откровенно хамский, встречный вопрос:

— А вы почему без волос? — сказано было тихо, но все услышали.

Илья краем глаза заметил, как Анюта прыснула в ладошку и отвернулась. В окошке показалась любопытная физиономия поварихи. Директор покосился на них, лысина у него начала темнеть. В столовой нависла предгрозовая тишина, даже ложки казалось, стали стучать тише. "Сейчас выпрут" — подумал Илья. Но ничего подобного не случилось, воспользовавшись возникшей паузой, Марек ловко обогнул директора, и, схватив поднос, уже приплясывал перед раздачей, а Анюта, которая очевидно была на их стороне, принялась выставлять полагающиеся им чашки с первым и вторым.

— Если подобное повторится, в следующий раз останетесь без обеда! — рявкнул ему

вслед директор. Но инициатива уже ушла из его рук. Не обращая больше на него внимания, Марек, гримасничая и остря по поводу здешних патриархальных порядков, в конце концов, Анюту рассмешил, правда, при этом, увлѣкшись, чуть не опрокинул себе на трусы тарелку с горячим супом.

— Вот видишь? — говорил он после, обжигаясь, заглывая тушёную картошку — самое главное? произвести впечатление! И мы его произвели.

— По-моему, глупое впечатление.

— Не важно! — возбуждённо продолжал Марек, яростно тычѣ вилкой в котлету. — Надо, чтобы женщина тебя заметила. А впечатление, какое оно; плохое, хорошее, глупое... Хорошее, конечно лучше, но и глупое тоже сойдѣт.

— Но ведь впечатление оставил ты, а не я, — продолжал сомневаться Илья.

— Опять не важно. Ты был со мной. В данном случае я представляю тебя. А то, что глупое, так это даже хорошо, вали всё на меня, дескать, дурачок, что с него взять. Свое мнение о тебе она составит потом, вот тут ты и постарайся, прояви себя героем. Я, конечно, и тут тебе бы мог помочь, но ты ведь не захочешь, а? — он, на секунду оторвавшись от котлеты, взглянул на Илью. — По глазам вижу, что не захочешь. Ну и ладно. По мне, так она тоща, как из Бухенвальда и к тому же слишком длинна, куда мне такую. Это тебе, ты вон, какой лось. Что ты таких тощих любишь? Нет, — продолжил он, снова взявшись за котлету, — не в моём она вкусе. Хотя сиськи, ничего.

— А тебе, — сказал ему Илья, допивая компот, — никто её кушать и не предлагает, харчись побыстрее своей котлетой, да болтай поменьше. Одни, мы тут уже сидим. Кстати, — вдруг вспомнил он — чем мы сегодня вечером, закусывать будем, деятель, опять коркой, что ли занюхивать?

— Не бойсь, — покровительственным тоном отвечал Марек. — Она, — последовал выразительный тычок кружкой с остатками компота в сторону раздачи, — будет закусывать сегодня с нами. Этих котлет, тебе сто штук принесѣт.

В окошко выглянула толстая повариха.

— Долго ишо ждѣть вас, господа хорошие?

— Она что ли? — усмехнулся Илья.

— Дурак! — спокойно возразил Марек. — Идѣм мать, идѣм. Айн секунд! — и одним глотком допив компот, сгрѣб пустые чашки. — Пошли, что ли развивать инициативу, май дия миа френд?

Они вышли со столовой и остановились в тенечке, крутя головами словно, подводные лодки, перископами.

— О! — сказал Марек, невежливо тыча пальцем. — Я её вижу, вон она!

Анна расположилась на травке, как на ковре, расписанном солнечными зайцами, рядом с двумя баками с водой и горой грязной посуды. Вид у неё был довольно скучным. Она вяло тѣрла тряпкой очередную ненавистную чашку.

— Так, — бодро сказал Марек, — девушка наша созрела, и готова выслушивать любую чепуху. Ты иди к палатке, а я ей займусь. Сегодня я в ударе! — он зверски раздул ноздри. — Я чувствую охотничий азарт! Правда, роль у меня скорее охотничьей собаки. Я как спаниель, притащу тебе утку, а ты будешь её хавать. Чего только не сделаешь для друга... — и он бодреньким шагом, направился к кухне, пиная по пути чѣрные сосновые шишки.

От палатки Илья видел, как Марек подошѣл к Анюте и даже услышал, как он её о чём-то спросил. Она подняла голову, несколько удивлѣнно посмотрела, что-то односложно

ответила и опять занялась своим делом. Он опять спросил, надоеда, и ей опять пришлось отвечать. Потом, он видимо завёлся, и уже тархтел не останавливаясь. Анна, как Илье показалось, озадаченно, некоторое время смотрела на него, и даже перестала мыть посуду, потом вдруг расхохоталась, откинув голову назад. Затем, Марек показал рукой в сторону Ильи, и они вдвоём, вдруг посмотрели на него. Илья густо покраснел и быстро, как бурундук, юркнул в палатку.

— Идиот! — с тоской подумал он. — Кому доверил? Этому трепачу... О горе мне! Он же гад сейчас меня опозорит не только перед ней. Перед всем лагерем опозорит! Да что лагерем, перед всем институтом. Пойдёт теперь трёп, что ты... Двадцатипятилетний мальчик, хотел познакомиться с девочкой, годиков двадцати с чем-то, три года не мог никак решиться... И вот послал свата, гада ползучего, волка позорного. Я же теперь мимо неё пройти не смогу, со стыда сгорю. И она тоже сидит, хи — хи — хи. Шалава, сразу видно, что шалава. А я к ней, нежные чувства: ах, какие ножки, ах, какая грудка. Тьфу, болван, идиот!

Так он сидел, гневно рассуждая сам с собой, мысленно посыпая голову пеплом и готовясь к позору, пока, наконец, не посмотрел на часы. Прошло уже пятнадцать минут. "Вот черт!.. — подумал он, — о чём можно так долго трепаться с незнакомым человеком?" Впрочем, для Марека, это в порядке вещей. Трепло и бабник, милостью божьей. Илья по сравнению с ним, мог считать себя схимником, аскетом, и стойком. Это он гад, врал только, что Анята не в его вкусе, у него и вкуса-то нет, он всеядный. С какими только Илья его не видел, и с женщинами баскетболистками, и с женщинами лилипутками, ко всем змей, подход умеет найти. Как это он раньше Аню не закадрил? Потому что не видел, наверно, поэтому и не закадрил. Заслуженный мастер по клиньям, мать его так. Мочалок командир. Впрочем, Илья с большей частью своих подружек познакомился, как раз через него.

В палатке было невыносимо душно и жарко. Илья, обливаясь потом, стащил через голову насквозь мокрую майку, которую перед тем зачем — то надел. Пить хотелось ужасно, а вода питьевая на кухне. Как же, пойдёшь туда теперь. Лучше от жажды умереть. Тут его озарило: "Может вина выпить? Так от него потом ещё больше пить захочется. Или пойти искупаться. Пусть себе треплется, ботало, — потом пришло соломоново решение. — Ладно, выпью сначала вина, а потом пойду, искупаюсь. Спрыгну с обрывчика, чтобы не переться у всех на виду".

Подумав так, Илья осторожно выглянул из палатки. То, что он увидел, поразило. Эти там, ржали уже втроём. Марек, Анята и присоединившаяся к ним повариха. Причём Марек уже вошёл в раж, на месте ему не стоялось, он приплясывал вокруг Аняты, пытаясь говорить ей, что-то сквозь бульканье, которое у него означало смех, причём умудрялся почти одновременно отечески похлопывать её по плечу и поглаживать по спине. Та совсем скисла от смеха, утирала полой халата слёзы и махала на него рукой, а повариха рядом хохотала с визгливыми переливами, хватаясь за могучие бока.

Илья не выдержал и тоже улыбнулся: "Во ржут, весело им. Чем это он их так рассмешил? А я тут сижу, как дурак, без подарка. Точно дурак! Нет, обязательно надо выпить. Вот только тёплое, сволочь, и закусить нечем. Ладно, так обойдусь, гусарам не впервой!"

Он налил себе из распечатанной бутылки полстакана вина и выпил в три крупных глотка. Скривился и занюхал кулаком. Тёплое вино продрало горло и моментально зашумело в голове. Вот так, уже лучше, мысли потекли спокойнее, но как-то отрывками: "Хороший мужик всё-таки Марек, умеет он у баб найти дорожку к сердцу. Они его любят. То есть,

сначала, конечно, любят, а потом уж... это, как придется. Ну, так извините, всем не угодишь, чего уж тут обижаться. Да и так, друг он, конечно, не плохой, хотя и... Ладно, надо ещё выпить! — Илья налил ещё полстакана. — Всё! И сразу купаться, только купаться! Идите вы все со своей любовью в баню. Кстати, о бане... — он выпил, снова переморщился, но занюхивать на этот раз не стал, — так, о чём это я? Ах да, о бане. Надо будет непременно сходить в баню. С Марекком, с Анюткой. С поварихой, сватьей — бабой — бабарихой... Нет, с поварихой не надо, пусть Марек сам с ней идёт... В отдельный люкс, — он представил Марека в отдельном люксе с поварихой, и ему стало глупо смешно. — Ха-ха! Вот и мне весело стало. Не всё же вам ржать. Ой, чего-то меня разморило... Жара, проклятая... треклятая!"

— Ты чего это тут в одиночку надираешься? — Марек присел в проходе палатки, загородив свет.

— А, тебе-то что? — вздрогнув от его неожиданного появления, агрессивно осведомился Илья, бурча животом. — Явился, не запыхался! Хочу и надираюсь тут.

— Интересное дело!.. — удивился Марек, — я ему невесту сватаю. А он сидит, вино жрёт без закуски. Ещё и не доволен. Хоть бы из палатки вышел, сидишь в жаре, духоте. Обалдел вон совсем.

— Ты давай не крути, садись, рассказывай.

— Что рассказывать?

— Ну-у, как сватовство прошло? Сосватался?

— Дурак! — презрительно сказал Марек. — Приревновал, что ли? Нужна она мне, как и проруби веник. Я ж для тебя, болвана стараюсь. Я если хочешь знать, специально сюда приехал, чтобы от баб отдохнуть. Короче говоря, дело на мази.

— В смысле? — не понял Илья.

— Ну, всё, — нетерпеливо пояснил Марек, — удочка закинута. Сегодня вечером, рыбка наша приплывёт, как пить дать. А там уж ты её сачком.

— Она что, тебе сама сказала?

— Что сказала?

— Ты Ваньку-то не валяй! — рассердился Илья. — Сказала, что придет?

— Это я тебе говорю. Ты, что мне не веришь?

— Тьфу, болван! Ты толком можешь сказать? О чём говорили, о чём договорились?

— Да о чём с бабами можно договориться? — Марек пожал плечами. — Так трёп один. Ну ладно, ладно... Ну, подошёл, спрашиваю. Что мол, девушка заскучала? Может, я смогу вам чем-нибудь помочь. Она говорит, конечно, сможешь, посуду говорит, за меня помой. Ну, я думаю, нашла дурака. А сам ей тютти — пути, хурды — мурды, вокруг скирды. Ну, чушь, короче, собачью несусь. Смотрю, красавица наша ожила, заулыбалась. Я развиваю успех, мол, так и так, зовут меня Марк, а вас как? Можете не отвечать, я и сам знаю. Она мне, молодец, говорит, что знаешь. И что тебе молодцу надо? Я ей, дело говорю у меня к вам, важное. Удивилась. Какое дело? Сватать вот вас пришёл. И за кого же? А вон говорю, за того красивого, высокого парня, возле красной палатки, который, так быстро слинял.

Илья поморщился, как от зубной боли. Худшие его опасения сбывались. Марек продолжал:

— Ну, она похихикала, а что же, говорит, он сам не пришел. Скромный, говорю, очень. Три года уже вас любит, жить без вас не может, а сказать стесняется...

При последних словах, увернувшись от рук потянувшегося к нему Ильи, дать мерзавцу

по шее, Марек, гадко хихикая, выскочил из палатки.

— Кр — ретин! — прорычал Илья, высовываясь следом. — Я так и знал! Почему спрашиваешь, в палатке сижу? От позора прячусь, в который ты, скотина, меня вогнал, на старости лет.

— Брось ты, отец, — говорил Марек, пританцовывая возле палатки, — какой позор? Это же естественно. Цель оправдывает средства. Ты хотел получить эту цыпку? Ты её получишь. Наберись терпения до вечера.

— Что она тебе ответила, сволочь?

— Да ничего. Что ты хочешь, чтоб она ответила? Что она тебя без ума любит и согласна быть твоим интимным другом? Похихикала, да и всё.

— Так с чего же ты, кретин, тогда взял, что она придет?

— Ну — у... — Марек вытянул губы дудкой. — Ты уж поверь моему жизненному опыту. Я этих баб нутром чую. Ты бы видел, как её глазки лисьи загорелись. И потом, отец, главное, ей же просто больше некуда идти. Всех её друзей приятелей, из прошлого заезда, а Фая говорит, что их было до фи́га, увёз тот же самый автобус, что привёз нас. А в этом заезде у неё никого знакомых нет, и это пол беды, долго ли познакомиться, но кроме нас приехали ж все семейные, представляешь. Вот тут тебе повезло, отец. Хотя и не знаю... Короче, у неё такая альтернатива, или спать, или слушать Фаины рассказы про внучков, или с нами гулять, веселится. Угадай с трёх раз, что она выберет.

— Слушай... — смягчился Илья, — иди сюда, садись. Да не бойся, нужен ты мне больно. Садись, выпьем.

— Вот ещё, боятся тебя, — возразил на это Марек, — лучше ты иди сюда, что в палатке парится. Здесь и выпьем. Только, по-моему тебе уже хватит, а то до вечера не дотянешь.

— Ерунда! — отмахнулся Илья, переходя с бутылкой и стаканами на бугорок возле Марека. — Сейчас искупаемся, и всё пройдёт.

— А пройдёт, так на фи́га пить, добро переводить?

— Слушай... — опять начал Илья, пропуская его слова мимо ушей и разливая вино по стаканам. — Так ты говоришь, хахалей у неё много тут было?

— Ну, я не знаю на счёт хахалей, но мужики вокруг неё крутились, девок, правда, тоже было полно. В общем, Фая говорит, прошлый заезд шибко весёлый был.

— А кто это, Фая?

— Да повариха же наша. Башкирка она или татарка, не знаю, смешно так говорит. Я к ней на кухню потом зашёл, водички вроде попить. Ну и там, слово за слово, разговорились... Ладно, давай дёрнем, чо оно выдыхаться-то будет.

— Короче, — продолжал Марек, отдышавшись и отхрюкавшись, — был тут у неё какой-то дружок, но потом они разосрались и он уехал. У него машина вроде своя.

— Что ж ты мне про дружка-то сразу не сказал? — удивился Илья.

— Да сдался он тебе, хрен с ним. Я же говорю, разругались.

— Ну-у, сегодня разругались, завтра помирятся. Может у них любовь?

— Да пошёл ты! Любовь — морковь. Тебе-то что? Ты на ней жениться собрался?

— Ладно, — махнул рукой Илья, — проехали, давай дальше.

— Так вот, я и говорю. Потом заезд тот. Там было много, как бы это сказать, несемейных, молодых парней и девок. Вот они игулеванили. Фая говорит, каждую ночь, пьянки-гулянки. Танцы. Разожгут костры возле волейбольной площадки и пляшут до рассвета. Директор уже начальству жаловаться собирался. Ну и Анька твоя с ними. Каждый

день под утро являлась, а потом дрыхла до обеда. Как сегодня, да ты сам видел. Она с ними хотела уехать, да директор не пустил, сказал сволочь, что пока смена не приедет, будет работать, а не то зарплату за весь месяц не получит. Вот она и осталась. Если б не он, ты бы сегодня её здесь уже не увидел. Ту-ту!

— А сейчас она где, не знаешь?

— Да дрыхнет наверно опять, на пляже. Что-то вроде она про это говорила.

Они помолчали, глядя на озеро и на виднеющиеся в отдалении белые треугольники парусов.

— Пойдем, что ли в бильярдишко перекинемся? — предложил Марек, лениво потягиваясь.

— Пойдем, — согласился Илья.

— В бильярд-то, надеюсь можно без штанов? Слушай дружище... — сказал вдруг Марек, — ты только не подумай чего. Просто я тебе, как другу хочу посоветовать. Ты с этой девчонкой поосторожнее. Я ж тебя дурака знаю, ты же влюбишься, как кот. Сердцем чую, это оторва ещё та. Хлебнёшь ты с ней.

— Эх, Марек, — отвечал ему Илья, — хлебнуть бы с ней!

Она появилась внезапно, из только что сгустившихся сумерек. И шагнула прямо к костру. А может, они просто ждали её с другой стороны и смотрели не туда. Во всяком случае, её появление в первый момент осталось не замеченным.

— Эй, мальчики, — позвала она, — кого-нибудь ожидаем?

Они разом обернулись.

— Господи, Анюта, — сказал Марек, — так ведь можно и зайками остаться.

Она довольно улыбалась. Рот у неё был большой, а губы полные и яркие от помады. Костёр загорелся сильнее, и Илья заметил, что верхний ряд зубов у неё был идеально ровным, а в нижнем — два передних зуба немножко заходили один на другой, что, впрочем, не портило впечатления от её улыбки. Она стояла перед костром, расставив ноги, обтянутые голубыми линялыми джинсами, засунув большие пальцы рук в петли для ремня. На ней ещё была жёлтая короткая майка-топик, как тогда носили, где на одной стороне написано Yes, а на другой No.

— Анечка, — сказал Марек, делая нетерпеливый приглашающий жест, — ну, что ты стоишь, как шериф на диком западе. Мало того, что напугала до икоты. У меня такое впечатление, — обратился он к Илье, — что она сейчас выхватит кольт и перестреляет нас, как этих, э — э... — он пощёлкал пальцами, ища подходящее определение.

— Куропаток? — осторожно подсказал Илья.

— Да, курокрадов! — согласился Марек.

Она мелодично, коротко рассмеялась, как давеча откинув назад голову:

— Какие вы забавные, мальчики. А я думала, что последнюю неделю здесь, от скуки помру.

— Нет! — важно подтвердил Марек, — С нами от тоски не помрёшь. Скорее от цирроза печени.

Она опять хохотнула:

— Да действительно, Марк меня днём чуть до истерики не довёл, своими шуточками.

— Сегодня просто времени не хватило, — ухмыльнулся Марек, — завтра с утра начну.

— Да вы садитесь, Аня, — вставил своё слово Илья, — вон на бугорок. Мы тут вам и

пледик подстелили уже. Хотите по-турецки, хотите по-татарски.

— А по-русски можно? — невинно поинтересовалась она.

— Мне лично, живот мешает, — отозвался Марек.

Анюта как-то грациозно опустилась, попав точно в цель, и села, обхватив колени руками.

— Да, друзья мои!.. — спохватился вдруг Марек, — я же вас не представил. Хотя... — он глупо и многозначительно хихикнул, показывая, как много ему известно. — Вы, как будто... вроде знакомы?

Илье захотелось его пнуть, за такое кондово-напористое начало. Однако Анюта грубого намёка не поняла или сделала вид, что не поняла. Она неопределённо пожала плечами и подтвердила:

— Встречались...

— Мы ваши котлеты тут греем... — непонятно зачем сказал Илья, — тёпленькие уже.

— А я сейчас купалась! — неожиданно заявила она.

— Так, а ты, по-моему, целый день... — заметил Марек, старательно очищая, то ли лук, то ли чеснок.

— Целый день — не то! — возразила она. — Самый кайф — это сейчас. Вода, как парное молоко! Темно. Плывёшь, ничего не видно, кроме своих рук. На спину перевернёшься, особенно когда ясное небо. Луна, звёзды. Красота!

— Хе, — ухмыльнулся Марек, — надо попробовать. Впрочем, я плавать не умею. А ты как, Илья? Может, сгоняете с Анюткой на пару, до островов и обратно? Саженками, а? Я пока чеснок дочищу.

— Ха-ха, — раздельно сказал Илья, — смешно, Петросян!

— Правильно, Илья! — неожиданно повернулась к нему Анюта. — Поставьте его на место, чтоб не насмешничал всё время над девушкой.

Илья немедленно воспрял духом.

— Ой-ой! — кривляясь, сказал Марек. — Как мы друг друга понимаем! — и внезапно сменил тему. — А что это мы не пьём, други мои? Посмотрите, ночь-то, какая лунная. Илья, ты чего не разливаешь, у тебя дама заскучала.

— Ничего, я не заскучала! — возразила Анюта. — А что мы пьём?

— Что мы пьём? — эхом вторил ей Марек.

— Вот — Илья показал бутылку — портвейн "Массандра". Этикетка красивая. И на вкус пробовали, вроде ничего.

— Ну, хорошо, — согласилась Анюта, — допустим... А вот на... на котлеты эти... — она показала тонким пальцем на котелок, в котором Марек грел, варварское варево, да ещё крошил туда чеснок. — В общем, есть я не хочу. Нет ли, чего-нибудь... запить может быть, или кусочек шоколадки, ну, в общем, что-то в этом роде.

— Запить?.. — ухмыляясь, спросил Марек. — Как же! Пиво есть

Она забавно сморщилась, и замахала руками:

— Что вы такое говорите, Марк. Портвейн с пивом?

— Хе. Ну, водки нет.

— Он меня точно в гроб загонит! — всплеснула она руками.

Илья шлёпнул себя по лбу:

— Ослы мы с тобой!.. — обрадовано сказал он, — у нас же сухого две бутылки было.

— Говори за себя! — веско поправил его Марек. — Я его уже давно охлаждаю. Вон там,

прямо под обрывчиком.

— А, что же ты тогда про пиво плёл, змей? — удивился Илья.

— Хотел посмотреть, как она будет морщиться. Это же картинка. Прелесть! Поморщись, Анечка ещё, пожалуйста. Видишь? Без пива не желает.

— И яблоки у нас ещё есть! — вспомнил Илья.

— Одно, — поправил его Марек.

— Было же два. Сожрал, что ли?

— У меня малокровие! Мне витамины нужны, — укоризненно сказал Марек.

— Ладно, одно, но зато большое!

Через час компания была уже порядком на взводе. Анюта, выпив бутылку сухого, пресимпатично опьянела и хохотала уже без умолку. Илья сбегал под обрыв за второй. Марек тоже заметно окосел и непрерывно рассказывал программистские анекдоты и смешные истории, которые становились с течением времени всё фривольней. Илья почти не принимал участия в разговоре. У него вообще, как бы выключился звук. Он молча сидел и смотрел на Анюту, разглядывая её и любуясь её движениями. Она сменила позу и теперь сидела, немного отклонившись назад, скрестив ноги. Марек, видимо отсидев зад, теперь стоял на коленях перед ней, непрерывно жестикулируя и говоря, время от времени, нависая над её грудью, своим орлиным носом. Она, смеясь, не забывала периодически снимать ласковую волосатую лапу Марека со своего колена, на которое он всё время пытался дружески опереться, а другой рукой пыталась щёлкнуть его по длинному носу, когда он начинал слишком нависать. Марек отмахивался от неё, как от мухи, не переставая вещать. Всё это было очень комично наблюдать, но, в конце концов, Илье стало жаль Анюту и он, встав, будто бы для того, чтобы подкинуть сухих сучьев в костёр, незаметно пнул Марека по толстому заду. Марек клюнул носом, и, прервав свой монолог, повернулся к Илье:

— Нэ? — и встретившись с его выразительным взглядом, убрал свой нос на более приемлемое расстояние.

Когда миновала полночь, они уже основательно набрались. Кто-то додумался кинуть в костёр влажных веток и, спасаясь от едкого дыма, Илья перебрался на наветренную сторону, совсем близко к Анюте. Марек немножко скис, хотя и не оставлял попыток выпить с ней на брудершафт, которые отвергались симпатичной Анютой ввиду того, что они и так уже были на ты. Речь из его толстогубого рта текла так же исправно, хотя и стала несколько сумбурной и прерывистой. Вообще же, говорили теперь все троём, почти одновременно, что-то рассказывали друг другу, смеялись и продолжали пить вино. Анюта была мила, весела и как-то больше не пьянела. Теперь, в пляшущем свете костра и под воздействием винных паров, она казалась Илье настоящей красавицей.

— Была у нас одна прога... — бубнил Марек, — у неё длинное такое название... по-английски, не выговоришь сроду, а аббревиатура из четырёх букв BUST. Ну и все её называли "бюст", привыкли бюст да бюст. И вот один раз... девица есть у нас такая... показывала заказчикам наши программы, дошла до этой и говорит: "Ну что, бюст показывать будем?" Ха-ха. Те чуть не упали — Марек довольно забулькал — Хотя, девица-то так себе. Ты бы, Анечка, произвела б на них, куда большее впечатление этой фразой.

Илья невольно посмотрел на ее грудь, которая колыхалась под маечкой, в такт её смеху. "Спокойно! — сказал он, внезапно охватившему его желанию. — Спокойно. Спокойно. Успокойся!" Так велик был соблазн, сейчас же обнять её и...

— А еще был, такой случай, — продолжал трепаться Марек, — я вообще умру...

— Да надоел ты со своими программами! — перебил его Илья. — Ребята! Ребята, у меня родился тост!

— Здорово! — Анюта захлопала в ладоши. — За наше случайное знакомство!

— Нет! — пьяно возражал ей Марек. — Лучше за баб... в смысле... я хотел сказать, за присутствующих здесь дам... За ПЗД!

— Да подождите... — растерялся Илья. — Я же... я же серьезно...

Его никто не слушал.

— В прошлом году, когда я здесь первый раз работала, забавный случай произошёл. — Анюта приложила пальчик к губам. — Но об этом те — с!

— Могила! — сказал Марек, сделав страшные глаза. — А что за случай?

— Тем летом как раз баню строили. Отдыхающих не было никого. Я приехала, а тут семь бородатых мужиков... и я одна, как Белоснежка! Я аж испугалась! Хотела тут же обратно уехать, но уговорили, в общем осталась. И потом, ничего так, подружились. Все хорошие парни оказались, никто не приставал, ничего. Вернее, поначалу, конечно, было, но потом поняли, что я не для этого сюда приехала. Помогали мне во всём. Я утром встану, а я поспать люблю, они уже печку растопят, воду поставят, всё принесут, поднесут... В общем, нормально было, только посуду мыть тяжело. Маникюром никаким уже и не пахло...

— Да уж! — поддакнул Илья, глядя на её короткие ногти.

— Я когда приехала, — продолжала Анюта, — мужики дали мне два кинжала...

— Кинжала? — удивился, перебив, её Марек. — Охотничьи ножи?

— Ну да, — подтвердила она и показала на кухонный нож, — вот, как этот. Только потяжелее, лезвие пошире и канавка там такая...

— Кровосток?

— Да, — Анюта забавно сморщилась от неприятного слова. — Я их носила здесь и здесь, — она показала по обе стороны своих изящных бёдер. — Джинсики такие, и на ремне.

— Прям Артемида — охотница! — восхитился Марек. — А на фигуа они тебе были?

— Ну, так... — она пожала плечами, — для шикю. Ножны у них были такие, красивые, берестяные. Мяско ими удобно порезать, овощи для салата построгать...

— Понятно... — сказали оба, получилось хором.

— И тут приезжают на базу три больших человека... Начальство институтское!

— Кто такие? — спросил Илья.

— Неважно, — отмахнулась Анюта. — Ходят, значит по базе, смотрят. Мимо кухни проходят, слышу, говорят Серафимке, это директора базы нашего мы так звали. О, говорят, девушки у вас тут появились, молодые, интересные. Это хорошо! Ну и стоят... погнажи чего-то, про коньячок, бражку... Всё, говорят, остаётся. Машину отпускают. Так, думаю, будет дело! А я жила на дебаркадере, и кроме меня там больше никого не было. В соседней каюте ещё, Серафимка свои вещи хранил, а сам там не жил. Видно боялся, чтоб не подумали, что он там с молоденькой, или ещё чего... В общем, ночевала я там одна. А эти друзья кутёж свой затеяли ещё засветло, меня звали, но я не пошла, на фиг они мне нужны, старпёры. Ладно. Ложусь я спать. Лежу, почти уже уснула, вдруг слышу, топает по сходням...

— Да ты что? — удивился Марек, — на честь твою девичью хотел посягнуть? А кто это был?

— Не скажу! Достаточно уже того, что я это рассказываю. Слушай дальше. Давай он по всем каютам лазить. А пьянуший! Слышу, орёт — Ты где? Ты где? А ко мне ломанулся, у

меня закрыто было на крючок, то-о-ненький такой. Он его гад, сорвал и спрашивает интеллигентным голосом — Вы здесь?..

Все расхохотались

— Сейчас — то смешно, а тогда мне было не до смеху! — продолжала Анюта. — Он в каюту заходит, свинья такая, присаживается ко мне на кровать и спрашивает: "К вам можно?"

Я ему максимально, каким могла, грубым тоном говорю: "Нет!!!" А он... Ну, вы себе представить не можете!.. Я до сих пор поражаюсь!.. Махом как-то, за несколько секунд раздевается, и уже готовится впрыгнуть ко мне под одеяло! Я тогда приподнимаюсь, кинжал ему показываю и говорю — Так, солнце моё, вот видишь ножик? Я тебе им сейчас, кое-что отчищаю!.. Так что в следующий раз, не с чем будет к девушкам приставать! Даю тебе десять секунд времени, чтобы ты, также быстро как разделся, оделся и выкатился отсюда к такой-то матери! Если хочешь, могу тебе свечечкой посветить. А вообще-то, говорю, одеться можно и в коридоре!

— А он что?

— Понял, наверно, что я не шучу, буркнул, что-то типа: "Не надо света!" — собрал свои манатки в кучу, набычился и пошёл себе. Но самый-то смех, что далеко он не ушёл. Тут же, возле дебаркадера упал и уснул! Мужики потом смеялись, говорили, почётный караул тебе Анюта, чтоб никто тебя у нас не украл.

— Так он хоть одеться-то успел? — отсмеявшись, спросил Илья.

— Успел, по счастью. А то бы... Но молодец мужик. Когда меня в институте встречает, не делает вид, что мы не знакомы. Поздороваемся с ним, как лучшие друзья, иногда постоим, похихикаем!..

— А! — Марек вдруг хлопнул себя по лбу. — Совсем забыл! Я же обещал... В общем, я ненадолго отлучусь... Вы тут не скучайте, без меня! Анюта, гляди веселей! Илья, я на тебя надеюсь!

Выдав, заметно заплетающимся голосом, такие двусмысленные указания, он встал и захватив с собой початую бутылку портвейна, пошатываясь, удалился в направлении музыки, доносившейся со стороны столовой. Оставшись вдвоём, Илья с Анютой некоторое время молчали, глядя на догорающий костёр. Затем Илья засуетился, предложил выпить ещё по стаканчику, но Анюта отказалась, сославшись на уже давно выбранную норму.

— По бережку, что ли пройтись перед сном?.. — мечтательно сказала она, сладко потягиваясь.

Илья, выпив один, горячо поддержал эту идею.

Они очень медленно шли по берегу, по самой кромке воды и песка, там, где не доставали комары. Стало заметно прохладней. Анюта зябко поёживалась, но бодрости не теряла и что-то всё время рассказывала, какую-то милую чепуху. Илья давно уже её не слушал, он шёл рядом, непрерывно глядя на неё, любуясь её чётким профилем, шеей, плечами, линией груди, походкой. "Как же так, — думал он, — неужели это случилось... Я иду рядом с ней, почти касаясь её. Разговариваю с ней. Всё так просто".

Они остановились. Анюта, показывая на острова, что — то говорила, Илья поддакивал ей. Жестикуюлируя, она то и дело дружески касалась своей рукой его руки, и тогда он не выдержал и, повинувшись порыву, приобнял её за талию, как бы намереваясь согреть. Она замолчала, но не отстранилась. Развивая успех, он положил вторую руку ей на плечо и

поцеловал в шею. Чуть ниже короткой стрижки. Раз. Ещё раз. Почувствовал, как лёгкая дрожь прошла по её телу. Поняв, что сопротивления не будет и можно продолжать, он развернул её к себе и поцеловал в губы. Она, несколько удивлённо, попыталась отстраниться, но потом ответила. Поцелуй этот, был таким влажным и горячим, что Илья почувствовал жар, охвативший его тело, словно у него мгновенно подскочила температура. Он больше не мог контролировать себя. Рука сама собой оказалась у Анюты под маечкой и нашла её грудь, упругую, гладкую, с острым, твёрдым соском. Всё это продолжалось несколько бесконечных сладких секунд. Затем, он получил такой толчок в грудь, что, потеряв равновесие, отшатнулся и, споткнувшись о какую — то корягу, чуть не упал.

— Запомни! — нравоучительным тоном сказала Анюта, поправляя маечку, без всякой, впрочем, злости в голосе. — Ты мне нравишься... Но это не значит, что меня можно тискать, через час после знакомства... Быстрый какой! Ладно. Мне завтра рано вставать. Спасибо за угощение. Было очень весело. Привет Мареку. Пока, пока! — и она, развернувшись, растворилась в темноте, оставив расстроенного таким поворотом событий Илью в одиночестве.

В палатке уже храпел, развалившись, пьяный Марек. Илья попытался сдвинуть его, чтобы освободить немного места для себя.

— А? Что? — продрал глаза, уставился на него Марек. — Ты уже? Что-то вы быстро... — и отвернувшись на другой бок, тут же уснул опять.

Прямо напротив окна, по, густо утыканной вентиляционными трубами, крыше соседнего корпуса, бродили серые люди в ватниках. Они разгребали деревянными лопатами свалевшийся, напитавшийся влагой снег.

Илья некоторое время наблюдал, как подобно мыслям в его голове, невнятные фигуры хаотично перемещаются между трубами, то, появляясь, то опять исчезая за хребтом крыши. Ветер настырно и деловито швырял в них снежной мелочью и раскачивал черные, вровень с крышей, голые кроны деревьев.

Внезапно, словно оценив тщету своих усилий, дворники-верхолазы, все разом исчезли из виду, Илья, задумавшись, даже не успел уловить этого момента.

«Вот те на!» — удивился он вслух, и даже привстал из-за стола, будто рассчитывал увидеть их всех внизу. Никого там не было, кроме лохматой дворняги, вынюхивающей что-то у ржавого мусорного бака, да нескольких ворон, опасливыми черными кляксами, чертящих снег на некотором расстоянии от нее.

«О ерунде думаю», — сказал себе Илья, снова сел и нехотя придвинул иностранный научный журнал, который перед тем вяло пролистывал.

Незаметно подкрались быстрые зимние сумерки. Буквы латиницы на гляцевых журнальных страницах расплывались, становясь неразборчивыми. Илья так и не включил свет, а когда стало совсем ничего не видно, просто перестал читать. Подперев кулаками щеки, он уныло смотрел в окно, за которым, теперь уже во всю мощь, повалил снег. Комната оживала в сгущающейся темноте. Тускло-красным светились раскалённые спирали электрокамина. Суетливо подмигивали разноцветные огоньки и цифры на панелях приборов, им отвечали их отражения в чёрном оконном стекле,

Погас забытый монитор компьютера. Прорезались, неслышные ранее, разнокалиберные звуки. Негромко завывала в трубах вентиляция, периодически меняя тональность с тоскливой на бодрую. Приглушенно стрекотал из-за стеклянной дверки самописец. Булькали нагретой водой и жужжали моторами разномастные термостаты. Временами к этой какофонии, то громко, то почти не слышно, примешивалось дребезжание каких-то вибрирующих стекляшек.

Звуки были привычными, Илья их даже не замечал. О работе думать совершенно не хотелось. Да и как о ней думать, когда в голове такая сутолока. Как ни пытайся себя отвлечь, мысли все равно сворачивают в тот летний лес, к тихой заводи. Туда, где Анята бездумно валялась на песке, закинув за голову руки, а Илья сидел рядом и, любуясь на нее, подбрасывал на ладони гладкий камешек.

* * *

Расстались они месяц назад, после новогоднего корпоратива.

Анята в тот праздничный вечер была, как обычно весела и непосредственна, может даже чересчур. Перетанцевала со всеми мужиками и хохотала не останавливаясь. Илью такая развязность несколько покорила, и он нарочито стал уделять повышенное внимание девицам из своей лаборатории. Тем не менее, вечер прошел весело, без эксцессов. Когда же под утро они, наконец, добрались до дому, Анята неожиданно набросилась на Илью с яростными упрёками. Сегодня Илья уже слабо помнил их суть, что-то о том, что он не так ей отвечал, всё время ворковал с этой!.. Чуть ли не тискал её на глазах у всех и вообще вёл себя,

как последний!.. Всё это несколько удивило Илью, и ему не оставалось ничего, кроме как напомнить, о её собственном легкомысленном поведении. Она начала кричать, что всё это делала ему назло и вообще... Илья никогда раньше не видел Анютку в таком возбуждённом состоянии. Она и так отличалась резким и неустойчивым нравом, а тут ещё сказалось значительное количество выпитого шампанского.

Он сидел в трусах и майке на уже расстеленном диване и посоловевшим взглядом следил, как она взад-вперед бегаёт по комнате, садится, встаёт, всплёскивает руками и говорит что-то резкое и гневное.

Ласки и последующий секс, наверняка бы, исправили ситуацию, но вместо этого Илья повел себя как дурак и принялся огрызаться, чем окончательно довёл Анютку до белого каления. Одетая уже в одну только его рубашку, девушка сорвала её и, скомкав, швырнула ему в лицо. Вызвала такси, быстро накинула одежду, и выскочила из квартиры, хлопнув дверью. Простучали под окном её каблучки, и всё стихло, только в надвигающемся сером рассвете, чьи-то пьяные голоса, время от времени начинали орать одну и ту же песню. Пропев пару куплетов, сбивались и трудолюбиво принимались заново. Илья лежал на диване, тупо уставившись на люстру, а забытый телевизор продолжал молотить какую-то посленовогоднюю чепуху.

* * *

Даже любящие люди устают друг от друга, поэтому в первые дни после разрыва Илья не слишком переживал, наоборот, испытывал некое чувство умиротворённости.

Через неделю появилось лёгкое беспокойство, которое с каждым днем нарастало и усиливалось, пока не накрыло его подобно лавине. Воспоминания об Анюте стали навязчивыми. Каждую ночь он долго не мог уснуть, ворочался на своём старом скрипучем диване, мысленно лаская или ругая её. Днём от грустных мыслей отвлекала работа, но вечером неотвратимо возвращалась тоска. Будучи человеком разумным и рассудительным, Илья понимал, что есть простое и очевидное решение проблемы — позвонить и попросить прощения. Мешало ли ему ложное чувство справедливости (ведь не он затеял эту ссору)? Возможно. Но больше всего он боялся услышать в трубке её голос и не найти что сказать. Этого его мужская гордость вынести была не в состоянии.

Так продолжались страдания и терзания, пока в воскресенье вечером, в самый разгар очередного их приступа, не появились незваные гости, Володька Степанов и Марек Левицкий, с двумя же бутылками водки. Усевшись втроём вокруг маленького кухонного стола, они как-то очень быстро приговорили первую бутылку, и пока Марек с Володькой хрустели квашенными капустой и огурцами, принесёнными с собой (знали к кому идут, даже хлеба дома не было), Илья стал жаловаться на судьбу. Следует отдать им должное, друзья сразу же вошли в курс дела и проявили мужскую солидарность, разбавленную, впрочем, изрядной долей сарказма.

— Да плюнь ты на неё! — орал окосевший Володька, ставший по пьяному делу мужским шовинистом. — Ты себе ещё такую девку найдешь, что эта стерва от злости лопнет.

— Вот значит, как... — удивлялся Марек — жопа об жопу и раскатились, как шарики в бильярде!

— Стареешь ты, Васильев! — издевался пьяный Степанов. — Тебя уже женщины стали бросать!

— Нет... — гудел Марек с другой стороны стола, — я завтра сам к ней пойду и

поговору. Она сдурела совсем, такими парнями раскидываться! Так ей и скажу...

Илья же по мере опустения второй бутылки, яростно спорил с ними, ударяя себя в грудь, или неожиданно начинал соглашаться. Когда разлили по последней, гости заметно загрустили и Володька, выражая общественное мнение, предложил сбегать, взять ещё. Дело-то хорошее, говорил им Илья, нужное дело, да вот только завтра надо эксперимент начинать, прямо с утра (они с Володькой работали вместе, в одной комнате). Ну и хрен с ним, возражал Володька, начнём, куда мы денемся, в первый раз что ли. Спорить было бессмысленно, да и не особенно хотелось, и они сбегали. Приняв ещё алкоголя, пьяный, женатый Володька, стал завидовать Илье, объясняя ему, какой он дурак, раз до сих пор не понял всех преимуществ холостяцкой жизни. Он де, Володька, будь холостым, сейчас менял бы женщин, как перчатки, а так вот, по глупости, по молодости повесил себе хомут на шею, и теперь вот... Что, "вот", было не ясно, потому что Степановы жили душа в душу ещё со студенческих лет, растили двух пацанов, а Ольга была милейшей женщиной. Володьке можно было только позавидовать.

Потом гости как-то сразу утратили интерес к этой проблеме, стали рассказывать, кто какие слышал новые анекдоты, и ржать над ними. Илья принёс гитару, и сев в углу принялся бренчать, что-то тоскливое.

Когда прикончили последнюю порцию спиртного, у Марека бриллиантовой гранью сверкнула мысль, — пойти в общагу, к одной своей, очень, ну очень старой знакомой.

— Такая тёлка! — объяснял он, делая энергичные жесты руками, показывая какая. — И у неё ещё куча подружек! — он показывал, какая это большая должно быть куча.

— Я готов! — сразу согласился женатый, пьяный Володька.

Илья же, поначалу идти наотрез отказался, ссылаясь на отсутствие подходящего настроения, однако они прилипли к нему, как банные листья к голой заднице, и он, проявив мягкотелость, дал-таки себя уговорить.

Холодища, надо сказать, в то время стояла страшная! Но подвыпившие друзья её не замечали. Илья ясно помнил, как громко скрипел под ногами промёрзший снег, ярко искрясь в свете почти полной луны, а мужики всю дорогу чему-то ржали. Когда они добрались, наконец, до общаги, и в клубах пара ввалились в вестибюль, на ходу что-то там втирая вахтёрше, выяснилось, что Марек, оказывается, спьяну забыл, в какой комнате проживает его пассия, и даже её фамилию, и потом долго ходил по общажным коридорам, выясняя.

Илья хорошо запомнил жгучее чувство неловкости, от мысли, что они сейчас запрутся к совершенно, считай, незнакомым женщинам, а те может быть, уже спят. Он от всей души желал, чтобы Марек никого не нашёл, и они поскорей убрались восвояси. Но Марек-таки нашёл, пройдоха. И никто там оказывается, не ложился спать, а сидела и веселилась целая компания каких-то девиц разного возраста, все к тому же на крепком взводе. Присутствовал там, правда, и один мужичок, но он уже был на расслабоне, и очевидно не воплощал надежд обитательниц общежития. По этой причине, внимание хозяек всецело переключилось на незваных гостей.

Марекова подружка, изрядно пьяненькая, с радостным визгом повисла у него на шее. Она, действительно, была ничего себе дамочка. Что она только в нём нашла, недовольно думал Илья, наблюдая, как Марек, аж хрюкая от удовольствия, весело тискает и тормозит её. Что они вообще все в нём находят? Вон урчит как котяра. «Он такой забавный» — поясняла, как-то ему Аня. Забавный? Тоже мне, клоун.

Толстый, носатый, кудрявый Марек, меж тем, освободившись от объятий своей подруги, принялся знакомиться со всеми девицами, обстоятельно представляя им своих спутников и откровенно рекламируя их, поминутно вызывая тем, приступы женского смеха. Потом им налили штрафную, они выпили. Дальше у Ильи начались, а затем и участились, провалы в памяти. Воспоминания об этом вечере у него остались весьма отрывочные. С кем-то танцевал, потом курил (он всегда курил, когда напивался), а пепел стряхивал в любезно выделенную ему пластмассовую пробку от винной бутылки. Потом пили опять. Марек произносил невообразимо замысловатые тосты и спичи, в которых постоянно запутывался, так как тоже был пьян. Потом Илья в секундном просветлении обнаружил себя, в полутёмном коридоре, целующимся с какой-то девицей. Ни лица, ни имени её, он не запомнил, осталось только воспоминание, что грудь её была большая и мягкая, и кажется, даже бюстгальтера не было под блузкой. Сильно и приторно пахло каким-то парфюмом.

Как он в итоге очутился дома, для него осталось загадкой.

* * *

Когда в районе восьми часов утра, с невыразимо гадким вкусом во рту, Илья очнулся на своем нерасстеленном диване, то обнаружил, что вчера смог снять только верхнюю одежду. С отвращением он стащил с себя пропахшие табачным дымом свитер и брюки. Перед глазами еще плыло, а в затылке уже закипали первые пузырьки будущей головной боли. Со стенаниями он повлекся в туалет, а затем на кухню, где с трудом проглотил две таблетки цитрамона, запив их рассолом, оставшимся от вчерашних огурцов. Затем вернулся в комнату, рухнул на диван и, завернувшись в одеяло, снова забылся тяжким сном.

На работу, он смог явиться только к четырем часам. Впрочем, раньше и не надо было — на время эксперимента они работали в две смены. Установка пахла, эксперимент кипел, а дисциплинированный и мучительно трезвый Володька Степанов, сидел за столом и записывал что-то в рабочий журнал.

— Ты как? — раздеваясь, поинтересовался, Илья.

— О-о-о! — Володька страдальчески сморщился. — Припёрся, понимаешь, в час ночи... На рогах! Ну, она вчера меня трогать не стала, умная, думала с утра начнёт. А я на работу сбежал. Сейчас вот не знаю...

— А ты посиди, куда торопишься? Сейчас чайку попьём.

— Не-е... — замахал руками Володька. — За пацанами надо в садик. Я так думаю, что за день-то, злость у неё растратилась, пшиком выйдет. Да и чая этого, я наверно, целый чайник выпил. Ты-то как? — поинтересовался он, одевая дубленку. — Я ушёл, вы-то с Марексом ещё остались. Чем кончилось-то? Ты, правда, уже лыка не вязал. Но какие были девочки! Эх...

Они потрепались ещё минут пять. Выяснив, что Илья почти ничего не помнит из вчерашнего, Володька сочувственно поржал (Ну ты, брат даёшь!), потом, сославшись на занятость, собрался и убежал.

* * *

И почему с похмелья так тянет на эротические воспоминания? Поработать, что ли, наконец? Удивляясь странному ходу своих мыслей, Илья встал и обошёл работающую установку, всматриваясь в показания приборов. Удовлетворившись осмотром, опять уселся за стол и сделал несколько записей в рабочем журнале.

Работа в похмельную голову лезла туго, буквально, как верблюду в игольное ушко. Какие-то посторонние мысли, не имеющие ни начала, ни конца, с грохотом пересыпались,

как камни в бочке. Ругая про себя тлетворного Марека, он придвинул калькулятор и принялся высчитывать, когда Анюта работает в ночную смену. Посчитал раз, другой. Однозначности не получалось. Выходило так, что может быть работает сегодня, а может, и нет. Всё-таки месяц почти прошёл, график мог поменяться. Кто-то на больничный ушел, кто-то из отпуска вернулся... подмены, перемены...

«Чего я дурью маюсь? Надо позвонить да спросить!».

Охваченный внезапной решимостью, Илья снял трубку внутреннего телефона и набрал хорошо знакомый номер.

— Да, — подтвердил усталый женский голос с того конца линии, — она сегодня работает с восьми.

Илья почувствовал, как у него ёкнуло сердце. Поблагодарив и взглянув на часы, он убедился, что стрелки вплотную приблизились к семи. Так, в восемь, звонить ей ни к чему, пусть человек приведёт себя в порядок, чайку попьёт, пощечет с тётеньками, глядишь, добрее будет. Однако и тянуть сильно нельзя, а то станет сонная и злая. Часиков так, в девять, будет нормально. Да позвоню-ка я ей, в районе девяти. Он встал, прошёлся по комнате, подошёл к вытяжному шкафу, зачем-то заглянул в него, ещё раз прошёлся. Принятое, наконец, решение, приятно щекотало нервы. Да, кстати, как там, насчёт чая? Илья вспомнил, что ничего ещё сегодня не ел, только кофе попил днём. Сразу засосало в желудке. Порывшись в столе, где они хранили чайную утварь, он среди кучи сомнительной чистоты тарелок и стаканов обнаружил полиэтиленовый мешок с сухарями. Это Ольга, Володькина жена, движимая чувством заботы и бережливости, собирала дома недоеденные куски хлеба, обрезала их, сушила и отдавала мужу на работу. Кроме этого, Илья поживился остатками сахара, в жестяной банке из-под кофе и почти полной коробкой индийского чая. Поставив чайник на плиту, и взяв в руки сборник тезисов очередной конференции, он принялся ждать.

Назначенное Ильёй самому себе время давно миновало. На часах было уже около десяти, а он всё сидел, подперев голову руками. Решимость, внезапно овладевшая им два часа назад, куда-то вся испарилась, уступив место давешним бесплодным сомнениям. Он несколько раз клал руку на телефонную трубку и, помедлив, опять убирал. Внезапно, телефон зазвонил сам. В тишине, звонок грянул подобно грому, Илья аж подпрыгнул на стуле. Несколько секунд сидел неподвижно, глядя на заливающийся телефонный аппарат, затем выругался и взял трубку.

— Титанам науки, пламенный привет! — заорал оттуда Марек. — Как самочувствие, романтик? — и, не слыша ответа, забеспокоился. — Эй, титаньё! Илюха, ты где? Я туда ли попал?

— Туда, туда, трепло!

— Дерзишь? — удивился Марек — А, болеем, наверно? Головка бо-бо?

— А у тебя не бо-бо? Сводник проклятый.

— Хе... Нет. Мы тут с ребятами маленько поправились. У меня ещё осталось! Хочешь?

— Иди ты!

— Спасибо бы хоть сказал. Я тебя, между прочим, всю обратную дорогу, чуть ли не на себе пёр, лося такого!

(Вот как я дома оказался!)

— Что молчишь? — не унимался Марек. — Стыдно да? Ясно, от тебя благодарности не дождёшься... Ну, а как девочки? Девчонки-то понравились?

— Не помню я ни хрена! — досадливо сказал Илья. — Всё как в тумане...

— Ну, ты и учудил под конец, — Марек радостно забулькал, что у него изображало смех, — улёгся, понимаешь, поперёк кровати и уснул сном младенца. Дамы говорят, а мы где же спать будем? Я им говорю, вы вторую кровать подставьте и ложитесь с двух сторон от него. Ха-ха! Не захотели. Что с ним, говорят, таким делать? Пришлось будить, как не жалко было.

Илья поморщился от этих подробностей, как от зубной боли. Да, тоска! Обделался, можно сказать.

— А ты, чего тут так поздно? — спросил он, дождавшись пока Марек закончит хрюкать и булькать.

— Да халтурка одна, понимаешь, наклонулась. Есть возможность срубить по лёгкому, а я таких возможностей не упускаю. Ну ладно Илюха, заболтался я с тобой, пахать надо. Отец мой был примерный пахарь, и я, как говорится, работал вместе с ним... Ты, если что, заходи, я тут до утра буду. Привет Анютке! Кстати, как там у вас лямур? Возобновился?

— Как, как... никак. Сейчас вот собирался звонить. Да ты тут влез! Весь настрой сбил, черт!

— А-а... То-то я смотрю, ты такой вздрюченный! Не дрейфь! Позвони ей, скажи: люблю, мол, тебя как родную! Ха-ха... Всё, всё, исчезаю, потом расскажешь.

В трубке пошли короткие гудки. Илья встал, потянулся, сделал несколько размашистых движений руками, расправляя затёкшие плечи. Вот змей-то, надо же, как не вовремя позвонил. Он прошёлся по комнате, посмотрел на приборы. Хотя, если по-честному, дело конечно не в нём. Всё! Хватит расслабляться! Решил так решил! Он подошёл к столу и набрал номер.

— Да? — ответил, не узнанный им, женский голос. — Да, она здесь. Минуточку...

Илья слышал, как её позвали: "Ань... к телефону!" Она сидела на другом конце длиннющей комнаты, возле бокса номер девять. Илья хорошо представлял себе, как она пробирается через баррикады установок, удивлённая столь поздним звонком. В трубке несколько раз, что-то грохнуло, видимо не очень аккуратно положили на стол.

— Откуда я знаю?... — донесся до Ильи, голос отвечавшей ему женщины. — Тебе лучше знать, кто тебе звонит, — и многозначительно добавлено. — Мужчина!

— Алло? — это была уже она. Илья молчал.

— Слушаю вас!

— Анют, это я... — сказал Илья. — Узнала?

Слышно было, как она вздохнула.

— Ну?

— Что, ну? Сказать, что ли, больше нечего? (не так разговор пошёл, не так!)

— Слушай, дорогой!.. — голос её стал твёрдым. — Чего надо-то? Говори, мне некогда!

— Ладно, не злись. Что ты? — смешался Илья — Так просто спросил. Понимаешь... Ну одним словом...

— Да не злюсь я! — злым голосом сказала она. — Месяц, блин, ни слуху, ни духу... А тут звонит! Может, я завизжать должна от радости?

— Анюта успокойся, я как раз хотел, обо всем об этом с тобой поговорить. Я, в общем... Я пересмотрел своё отношение...

— Я, может, тоже, пересмотрела! — заявила она стержовым тоном.

Повисла тяжелая пауза. У Ильи было такое ощущение, будто на него повесили коромысло с двумя ведрами воды, которую к тому же, постепенно заменяли на более

тяжелую жидкость... на ртуть.

— Аня... — сдерживая себя, терпеливо сказал он, — давай, я сейчас подойду, и мы обо всём поговорим?

— Двадцать три года уже Аня! — непримиримо сказала она — Не о чем нам с тобой разговаривать, Васильев! И вообще... — тон у неё стал окончательно стервозным, — я замуж выхожу! Ясно? Так что за меня не беспокойся. Продолжай себе гулять, как вчера! Будь здоров! Целую нежно!

— Симметрично! — машинально сказал Илья, потом спохватился. — Что ты сказала? — заорал он в трубку. — Что ты несёшь? За кого замуж? Что ты врешь?.. — но оттуда уже раздавались гудки.

Илья стоял с телефонной трубкой в руке, внутри у него всё клокотало. "Вот стерва, змея! — он грохнул трубку на аппарат. — Замуж она собралась... Двадцать три года уже Аня... Все двадцать четыре уже! Кому ты нужна?!.. Врёт ведь всё! Брешет девка! — он опять потянулся к телефону. — Сейчас ей, скажу..." И вдруг обмер. «Продолжай гулять, как вчера...» — вспыхнули в голове её слова. Вот оно в чём дело! Вот где... Ну откуда... откуда она успела узнать про вчерашнее? Вот чёрт. Ну, влип! Надо же, весь месяц сидел дома, как монах, буквально умерщвлял плоть. Только собрался покаяться, и тут такое... Но разведка-то как работает! Ну, народ! Рассуждая так, он возбуждённо бегал по комнате. Потом опять подскочил к телефону и набрал номер Марека. Тот сразу взял трубку, аппарат стоял у него на столе, рядом с компьютером.

— Обслуживаю вас, — сказал он, своим обычным, вальяжным тоном.

— Марек, это я.

— Илюха? — удивился Марек. — Что-то ты быстро? Я только...

Илья перебил его.

— Слушай, ты говорил, что у тебя там что-то есть?

— Не понял? — опять удивился Марек — Винишко, что ли? Ну, есть мальца. Я ж тебе предлагал. Ты чего?..

— Я к тебе сейчас приду.

— Да приходи, жалко, что ли. А, что случилось-то?

— Спалился я, по твоей милости, вот что случилось! Кто-то уже настучал про вчерашнее!

— Аньке, что ли? — слышно было, как Марек, громко чавкая, жуёт жвачку. — Я сейчас работенку быстренько закончу... ты приходи минут через десять. Не грусти, разберёмся. Давай! — он повесил трубку. Илья посмотрел на часы. Подходило время снимать показания приборов, как раз оставалось десять минут. "Ладно, — подумал, — сейчас сниму и пойду".

Он сел за стол, взял тезисы, но тут же откинул их в сторону. Обидные Анюткины слова вертелись в голове со скоростью пропеллера, разгоняя все прочие мысли. Честно отмаявшись десять минут, он, тщательно выписывая каждую букву, занес результаты измерений в журнал, затем осмотрел работающую установку.

Убедившись, что всё в порядке, собрался идти...

И тут погас свет.

Сразу стало тихо, тихо. Кромешная темнота и тишина. Только по инерции, на крыше, еще вращался двигатель вытяжной вентиляции, да вьюгу отчетливо стало слышно за окном. Подождав с минуту и убедившись, что всё осталось по-прежнему, Илья в полголоса матерясь, стал наощупь пробираться к Степановскому столу, в одном из ящиков которого,

куращий Володька, хранил зажигалки. После продолжительного лазанья вслепую по этим ящикам, среди вороха бумаг, каких-то ключей, письменных принадлежностей и ещё бог знает чего, искомое, наконец, было найдено. Илья тряхнул зажигалку, и по бульканью определив наличие в ней газа, щёлкнул несколько раз колесиком. Маленький, тусклый язычок пламени с трудом раздвинул темноту.

Теперь предстояло найти свечи. Илья давным-давно купил их для какой-то надобности, и с тех пор они валялись где-то в ящиках, теперь уже его собственного стола. Порядок, царящий в этих ящиках, Илья определял по их расположению сверху вниз, как хаос номер один, хаос номер два и так далее, до самого пола. Тем не менее, ему повезло, и обломок свечи нашёлся почти сразу. Как только фитиль разгорелся, Илья поспешил к установке, где, обжигаясь и ругаясь уже в полный голос, одной рукой (в другой была свеча), вытянул из светящейся красным печки, раскаленный кварцевый реактор, и повесил его на специальный крючок. После этого он поспешно закрыл вентили газовых баллонов и вырубил все переключатели. "Так, похоже, навернулся эксперимент... — думал он. — Это ж надо, столько пакостей в один день!» Свечку он воткнул в пластмассовую подставку из-под мерного цилиндра и поставил на стол. Посидел некоторое время, наблюдая за стекающими вниз каплями расплавленного парафина. Света так и не было. "Надо позвонить дежурному электрику!" — сообразил он, наконец. Отыскав в справочнике номер, схватил трубку, но телефонный аппарат не подавал признаков жизни. Илья потряс его, пошевелил провод, никакой реакции. "Так... Значит, весь институт остался без электричества и внутренняя АТС, соответственно тоже. А ну-ка, попробуем городской... он-то должен". Однако и городской телефон встретил его неприятной тишиной в трубке. Несколько раз, тупо нажав на рычаг, он положил трубку на место. Интересное кино. Что же это, весь город обесточен, что ли? Дела-а! Он взял свечку и открыл дверь в коридор. В голове всплыли слова старого, детского стишка: "Наступила темнота, не ходи за ворота. Кто на улицу попал, заблудился и пропал..."

В коридоре царил кромешная темень, но где-то в отдалении слышались голоса. Держа свечку перед собой и чувствуя себя довольно глупо, Илья пошел на звук, стараясь не налететь на, выставленные из комнат, пустые газовые баллоны. В самом конце коридора сквозь приоткрытую дверь одной из комнат пробивалась узкая полоска света. Оттуда же доносились и голоса. Илья еще не успел подойти, как дверь распахнулась, из комнаты, громко разговаривая, вышли двое. Замолчали, уставившись на возникшего из темноты человека. Потом один, очевидно узнав Илью, отсалютовал рукой в шутливом приветствии.

— Здорово Васильев, ты из церкви, что ли, со свечкой?

Теперь и Илья узнал говорившего, Борю Колбасова, известного трудоголика, днями и ночами обретающегося в институте. Рядом с ним, закрывая широченными плечами большую часть дверного проема, стоял Егор, младший научный сотрудник, а заодно чемпион института по пауэрлифтингу. Поздоровались, пожали руки.

— А я, вон видишь, горелку зажёг, — продолжал Колбасов, показывая вглубь комнаты, где весело светился, слабо шевелясь и коптя, сине-красный факел газовой горелки, — так с ней же в коридор не пойдёшь, как со свечкой. И дымит, зараза, воздуха в системе нет.

Илья водрузил свою свечку на вентиль, стоящего рядом с комнатой, пустого газового баллона.

— Что случилось-то? Как думаете?

— Да хрен его маму знает! — отвечал Колбасов. — Света нет, воздуха нет, воды в кране

нет. Ни черта нет! Что-то у них там, здорово навернулось!

— Кстати, — сказал Илья. — Вы в курсе? Городской телефон тоже не работает! Похоже, во всём городе так.

— Городской... — горько усмехнулся Борис. — Мобильники не падают ни от одного оператора. Сотовой связи кирдык пришел.

— Да телефоны ваши, что!.. — Егор показал широкую, как лопата, ладонь, с маленькой серебристой коробочкой, — Во... плеер у меня... там приемник... Включенный был. Музыка, там новости всякие. Так вот, когда свет вырубился, так и звук пропал... шипение одно.

— Да ты, наверное, местную радиостанцию слушал, — возразил ему Илья, — городскую. Надо было на средних волнах посмотреть.

— Я что, идиот? — обиделся Егор. — По всем диапазонам, крутил, вертел не сомневайся. Хоть бы где пискнули!

— Может просто совпадение? — сказал Илья — Может, он у тебя сломался?

Егор пожал плечами:

— Может и совпадение... А может, микроволновая бомба!

— Да иди ты! — огрызнулся Борис. — Все уши прожужжал со своей бомбой! Жути тут нагоняет! Без тебя тошно.

— А ты не нервничай, — посоветовал ему Егор, — микроволновая, не термоядерная же.

— Спасибо, успокоил!

Некоторое время постояли молча. Боря докурил сигарету, и, пустив дым последний раз, раздавил бычок об облезлый бок баллона.

— Ну что мужики? Похоже на третьем этаже, кроме нас, никого больше нет. Пойдём, что ли, вниз спустимся? К вахте?

Возражать ему никто не стал.

Внизу, в вестибюле первого этажа, уже собирались припозднившиеся на работе сотрудники. На стойке вахтёра стоял большой аккумуляторный фонарь, освещающий вестибюль, бледным желтым светом. Собравшиеся вокруг люди негромко галдели, обсуждая обстоятельства и детали происходящего. Среди версий о причинах происшествия, особенно дискутировались две: начало войны с Америкой и террористический акт на местной ГЭС. Илью сзади крепко взяли за локоть. Он вздрогнул от неожиданности и, обернувшись, увидел Марека. Тот, как всегда, улыбался.

— Ну и чо тут, за крестный ход со свечами? Прикинь... сижу, жму на пимпы, половину почти уже сделал!.. Вдруг бац, и пи. ц! — он сделал красноречивый жест. — Даже теперь и не знаю, что уцелело, а что нет! Бардак какой-то! Как думаешь, свет еще дадут?

— Хрен бы знал... — задумчиво отвечал ему Илья. — У меня, кстати, такая же фигня. Весь трудовой день, псу под хвост! Я-то ладно, а вот Степанов всё раскочегаривал, весь день тут торчал...

— Да-а... — протянул Марек, и повторил словно смакуя. — Бац, и пи...ц! Ну что делать-то будем? Время уже... — он посмотрел на наручные часы, — почти двадцать два, без трех минут. Может, домой рванем? Чего тут делать-то, без света?

"Так... — размышлял Илья. — В принципе, свет, конечно, еще могут дать... но на работе оставаться смысла нет — эксперимент, конкретно, накрылся. Надо, кстати, свечки домой захватить, а то может и до утра света не будет".

— Ладно, — решительно сказал он вопросительно глядящему на него Мареку. — Пошли

одеваться. Через десять минут встречаемся на крыльце.

Дневник Майи

17.03.200..... года

«Сижу на чемоданах. С минуты на минуту приедет такси, чтоб отвезти меня на вокзал!

Только что, проводила тетку в ночную смену. Перед тем часа два сидели на кухне, пили чаек, болтали. Опустошили пару чайников. Тетка напекла мне в дорогу пирогов, заодно и продегустировали. Тетя Галя очень переживала, что смена у нее выпала неудачно и подмениться не с кем — не сможет проводить она меня на вокзал. Я все успокаивала ее, повторила раз сто, что прекрасно доберусь сама — сесть в такси и успеть к поезду много ума не надо. Но она продолжала переживать, твердить, что сердце у нее не на месте, что негоже молодой девушке, почти ребенку, болтаться одной ночью по вокзалу. Пришлось оскорбиться, дескать, никакой я не ребенок — мне не шестнадцать, и даже не двадцать. Двадцать три уже! Закончила учиться, устроилась на работу. И по вокзалу «болтаться» не собираюсь — сяду в ночной поезд, и ту-ту до дому! Тетя сделала вид, что успокоилась. Мы расцеловались, я пообещала отзваниваться на всех этапах пути, но она все топталась в коридоре, все спрашивала: не забыла ли я билет и паспорт, все ли вещи собрала?.. И т. д. и т. п. Короче квохтала, как наседка и парила мне мозг, до тех пор, пока я не усадила ее в лифт.

Конечно, я ее понимаю, живет одна, ни детей ни мужа, к сестре (моей маме) ездит редко. Со мной не виделась два года. Соскучилась. Летом обязательно надо будет приехать к ней в гости, хоть на недельку.

Все. Звонит сотовый. Любезная тетка-диспетчер сообщает: белая "Волга"; номерочек сто сорок один.

Домой, домой, домой! Ужасно соскучилась по маме, отцу и братьям»

Майя захлопнула дневник, прицепила на обложку ручку и, засунув тетрадь во внешний карман дорожной сумки, выскочила из квартиры. Заперла за собой железную дверь. Позвонила в соседнюю, семьдесят третью, отдала ключи соседке-пенсионерке. Лифта ждать не стала — быстрее пешком.

Машина ждала у подъезда — выдавшая виды, когда-то белая «Волга» с плафоном на крыше. Водитель покуривал в приоткрытую форточку — в темно-синее вечернее небо вилась струйка дыма. Покосился на Майю, затем оценивающе, на ее сумку, и кивнул в сторону заднего сидения, бросай, мол, туда. Идти открывать багажник ему, похоже, было лень.

Майя, как ей и было предложено, сунула сумку на заднее сиденье, сама села рядом с водителем. Пару раз хлопнула дверкой — та все никак не закрывалась. Оказалось, мешал пояс от зимней куртки — свесился вниз и попадал в проем. Пояс подобрала, и дверка, наконец, закрылась. Таксист, недовольно наблюдавший за суетливой девчонкой, врубил первую передачу и машина, вихляясь в серо-белых бурунах снежной каши, тронулась, неспешно ускоряясь. С неба опять посыпался редкий снежок. Бестолковая круговерть снежинок, точно рой мошкары, толклась в свете уличных фонарей.

— На вокзал? — уточнил водитель, выворачивая на главную улицу.

— Да, на Главный, — Майя постаралась улыбнуться ему как можно приветливей, не сидеть же всю дорогу букой.

Она еще раз похлопала себя по карманам куртки — вроде все на месте. Шапку даже одевать не стала, выскочила так. Да и в машине тепло. Дворники лениво елозили по

ветровому стеклу, сгребая в стороны маленькие сугробики налипших снежинок. Водительская рация время от времени напоминала о своем существовании голосом неведомого диспетчера. «Кто на линии — Речной вокзал... от Аэропорта, к Комсомольской, кто?» — прорывался сквозь хрипящий эфир бодрый девичий голосок. От нечего делать, Майя принялась смотреть в окно. Дорога шла под уклон и направо. В сгущающихся сумерках мелькнули корпуса института, с левой стороны появился призрак какого-то долгостроя. Здесь они нагнали маршрутный автобус. Мигая левым поворотником, «ПАЗик» потихоньку выруливал из выемки между двумя сугробами, означая остановку общественного транспорта. В ярко освещенном салоне сидели редкие пассажиры. Кондукторша возвышалась монументальной статуей на высоком сиденье.

Впереди слева вспыхнули и погасли фары. Еще раз и еще. Тяжелый «Вольво» с длинным прицепом неуклюже пытался развернуться, и забраться на горку. Колеса скользили по укатанному снегу, фуру стягивало назад. Водитель приоткрыл дверь кабины, посмотрел вниз. Машина тяжело вздохнула какой-то пневматикой, взревел двигатель и «Вольво» попыталась еще раз осилить этот подъем. «Черт, не вовремя принесло его... — проворчал себе под нос таксист, — раскорячился... жди теперь, пока он задницу с дороги уберет!»

Фура, повздыхав и поотфыркиваясь, наконец, сдвинулась с места, и медленно развернувшись, освободила дорогу. Майя сквозь боковое стекло наблюдала, как мимо медленно проплывает темно-синий тент с белыми буквами по борту.

Почти следом за фурой рванул здоровенный темный джип. Лихо обогнул фургон и проскочил под самым носом у «Волги».

Таксист резко затормозил и выматерился, от избытка чувств забыв про свою пассажирку. Майя покосилась на него — седоватый дядька лет пятидесяти с небольшим. Коротко стриженные волосы, глубоко посаженные глаза, лоб с заметными залысинами, кустистые брови. Дернул рычаг переключения передач, нажал на газ, машина вновь тронулась. Пока стояли, ждали фуру, их успели нагнать автобус и еще пара легковушек.

«Волга», медленно набирая скорость, поехала вперед. Странно. Когда отъезжали от теткиного дома, свет на улицах горел. А сейчас фонари вдоль проспекта стояли мертвые, погасшие. Да и в оставшихся позади институтских корпусах не светилось ни одного окошка. Они миновали еще один лесок, подобрались к железнодорожному переезду, «Волга» осторожно перевалилась через рельсы. "Что-то медленно ползем, — подумала Майя и озабоченно посмотрела на часы, — так недолго и опоздать!"

Водитель, словно вняв ее опасениям, наконец, прибавил скорость. Но не успела девушка обрадоваться, как впереди замаячили габаритные огни скопивших на дороге машин. "Блин!.. ну что за невезуха? — Майя пристально вглядывалась сквозь лобовое стекло. — Что там на этот раз? Пробка? В такое время просто смешно. На аварию вроде не похоже..."

Поперек всей улицы как будто натянули белесую штору. Она колыхалась, клубилась, перекатывалась неспешными волнами. Такси притормозило, а потом и вовсе остановилось.

— Что за хрень? — пробормотал водитель. — Я ж полчаса назад тут проезжал...

— Мне до одиннадцати успеть нужно! — взмолилась Майя, заискивающе глядя на него. — У меня билеты на поезд! Ну что там может быть, туман и туман. Что вы, тумана никогда не видели? Может, поедем как-нибудь потихонечку? А?

— Потихо-о-нечку... — протянул таксист. — Ага, потихонечку! — он приоткрыл дверцу, выглянул наружу: «Эй, мужики, что за митинг? Чего стоим?». На его оклик оглянулось несколько человек, но никто не ответил, все продолжали стоять и напряженно

смотреть на эту стену тумана. Сзади подходили и подъезжали еще какие-то люди.

Майе надоело сидеть и просто так ждать — она выскочила из машины и аж задохнулась от морозного воздуха. «Ну, ничего себе! Убиться веником! Так и простыть недолго!» — она судорожно вытащила шапку из кармана, застегнула молнию на куртке, замоталась шарфом. Все равно холод пробирал до костей. Попрыгала на месте — под ботинками яростно скрипел снег. «Градусов тридцать пять мороза, если не больше. И ветер. Черт, черт, черт. Не опоздаю, так околею!». Она вернулась в машину и захлопнула дверцу. Несколько минут просто сидела и, стуча зубами, оттаивала в тепле салона. Потом открыла глаза. Что-то явно изменилось. Что? Водитель, вылез из машины, отскабливал заиндевшее лобовое стекло. Шик-шик-шик — скреб пластмассовый скребок. Нет, это не то. Что-то еще. Тихо ворчит на холостых оборотах двигатель. Не хватает чего-то! Чего? Рация молчит! Вместо бодрого скрежета и переключек водителей и диспетчеров — монотонное шуршание. «Сериал «Серые мурашки». Но это если по телевизору, когда все программы заканчиваются. А тут, что радиопостановка «Серые мурашки»? Позвонить что ли тете, пожаловаться на судьбу? Майя вытащила из-за пазухи шнурок с мобильным — «Поиск сети» — здрасти, приехали! А это-то, куда сеть потерял? Она еще раз чертыхнулась и тревожно завозилась на сидении. Приоткрыв дверцу, окликнула шофера:

— Ну, поедem, может быть? А? А то я опоздаю! Ну, ей-богу, ну, что там такого?!

Таксист хмуро глянул на нее, молча показал рукой на стену тумана.

— Я доплачу! — использовала Майя свой последний аргумент. — Хорошо доплачу!

— Эх! — водитель плюнул на замерзший снег и забрался в салон, очевидно торчание на пустыре перед неведомым препятствием не входило и в его планы. — Ладно... попробуем. Не ной только!

Двигатель взвыл на первой передаче и "Волга", медленно объезжая впередистоящие машины, плавно въехала в колышущуюся пелену.

* * *

Илья вернулся в вестибюль первым, Марека еще не было. Народ из вестибюля потихоньку разбрелся, некоторые, кто уже был одет, вышли на улицу и стояли на крыльце, тревожно вглядываясь в ночь. Илья присоединился к ним. Лунный свет почти не пробивался сквозь плотную муть, закрывшую небо. Стало заметно холоднее. Вечером, когда Илья шёл на работу, температура была не ниже десяти градусов мороза. Теперь же, как показывал термометр у дверей института, все минус двадцать пять. Наконец, появился Марек, с портфелем под мышкой и облезлой кроличьей шапкой в руке.

— Здесь, чуток посветлее будет, — сказал он, озираясь, — а то я в темноте чуть с лестницы не навернулся! Слушай, холодно, блин!

— Да уж, — согласился Илья. — Ты шапку-то одевай, а то плешь простудишь.

— О своей плечи позаботься! — огрызнулся Марек, но шапку надел.

Они неторопливо спустились с высокого крыльца, стараясь не поскользнуться на обледневших ступенях. Прошли по пологой горке сто метров отделяющие институт от проспекта, и двинулись по тротуару направо.

На остановке, в ожидании автобуса, зябко переминались с ноги на ногу Борис с Егором.

— Мне почему-то кажется, — пробормотал Марек, помахав им рукой, — что автобуса ждать не стоит. Не будет его ни хрена. Ты как думаешь, молодой человек, — повернулся он к Илье, — пехом двинем?

Тот в ответ молча пожал плечами. Придет или не придет автобус, ему было

безразлично, так как, в отличие, от ленивого Марека, домой он всегда ходил пешком. Чего там идти-то? Минут двадцать пять быстрым шагом.

От института до жилых кварталов — километра два. Сперва вдоль проспекта с погасшими фонарями, затем через лесок, а потом по улице, которую Илья называл "Дорогой скорби" из-за ее безрадостного вида — по обеим сторонам тянулись, окружённые покосившимися заборами, грязно-серые бетонные коробки складов.

Далее путь пролегал через железнодорожный переезд со шлагбаумом, потом ещё немного по пустырю, после которого тянулись ряды частных гаражей, а за ними уже начинались кварталы девятиэтажек.

На подходе к этому самому пустырю, друзей и поджидал сюрприз — поперёк дороги, в обе стороны, насколько было видно в полумгле, колыхалась плотная завеса, то ли тумана, то ли дыма. Впрочем, дымом не пахло.

На дороге, не доезжая до стены тумана, запрудив собой неширокую проезжую часть и даже залезая на тротуар, скопилось с десятков легковых автомобилей, среди которых, грязной канарейкой, желтел милицейский уазик ППС. Между машинами стояли люди, горячо обсуждая происходящее.

— Я же тебе объясняю, командир, — доказывал толстому милиционеру в форменной куртке с погонами прапорщика, мужик в расстегнутой короткой дубленке и меховой кепке, — я здесь полтора часа назад проезжал, не было никакого тумана! Вот треснуть мне, на этом самом месте! Снежок шёл... пушистый такой!

— Да какая разница... пушистый... — басисто вступил в разговор водитель другой машины. — Я вот пробовал пешком туда пройти... ну... внутрь, — он тыкал рукой в сторону колышущейся стены. — Так там, на полметра ни хрена не видно. Через пять шагов направление потерял и вернулся только на голоса.

— Да где вы вообще, у нас зимой туман видели? Может дымовая завеса?

— Дак дымом-то не пахнет!

— А может, трубу прорвало от мороза? — задался вопросом, какой-то бывалый гражданин. — Помнится, как-то раз прорвало горячую воду прямо на перекрестке, возле рынка... хлестало по всей улице. Так там такой же туман стоял!

— Где ты воду видишь, умник? — резонно возразили бывалому. Тот не нашел, что ответить и умолк. Друзья подошли поближе к толковищу.

— Слушай, — пробормотал Марек, пряча нос в воротник пальто, — а здесь-то вообще дубак!

Действительно, стало еще холоднее, к тому же зарядил обжигающий ветерок. По стене тумана пошли волны. Все присутствующие обернулись к ней, настороженно наблюдая за непонятым атмосферным явлением. Илья следом за Марekom, постарался, как можно плотнее, запахнуть, вдруг переставший греть пуховик.

— Ну, и что обо всём этом думаешь? — пробормотал он, кося на приятеля, слезящимися от холода и ветра глаза. Но тот лишь сосредоточенно сопел, стараясь согреть дыханием замерзший нос.

— Так что, командир? — вновь подал голос "меховая кепка". — Что делать-то будем? Прапорщик стоял возле своего "уазика", нервно отбивая дробь на капоте, пальцами, затянутой в перчатку, правой руки. Он был явно смущён происходящим и очевидно не знал, что надлежит делать в таких случаях. Его растерянный взгляд блуждал по лицам окружающих, словно пытаясь найти кого-нибудь, на кого можно свалить ответственность за

происходящее.

— Что нам делать-то? — продолжали интересоваться вокруг. — Говори! Чего тянешь? Не стой столбом. Мобильники не работают, узнай, может, по рации чего передали?

Прапорщик постучал согнутым пальцем в стекло своей машины. Оно со скрипом, приспустилось, выпустив в щель облачко пара.

— Ну?.. — поинтересовался он у своего, невидимого в темноте салона, напарника. — Не восстановилась связь?

Из щели что-то забубнили в ответ.

— Так и нет? — голос прапорщика стал безнадежным. — Шумит и все? С-сука, бля!

— Полчаса тут уже паримся! — глухо роптала, окружившая "уазик", маленькой толпа. — Объяснил бы кто!.. Что за хреновина?.. Как холодно-то стало!..

— Короче... — неопределённо начал прапорщик, — связи никакой, рация не работает! Мне, как и вам... в общем, хрен его знает! — неожиданно закончил он свою мысль.

— Туман это! — упрямо и не к месту встрял бас. — Я в нём был. Мокрый весь вышел! Точно вам говорю: труба лопнула!

— Короче!.. — повысил голос прапорщик. — Туман это... дым ли... или ещё чего... Не исключена возможность аварии на газораспределительной станции! Утечки газа там раньше бывали, это точно. В общем, просьба ко всем присутствующим... Садитесь в свои машины... и давайте-ка отъезжайте отсюда подальше... лучше, не меньше, чем на полкилометра!

— Какая ещё авария, понимаешь? — начали возмущаться вокруг. — Придумали, тут!.. Понастроили химии!.. Говорили, до добра не доведёт! Учёные, мать их!.. Научили на свою голову!..

— Куда нам отъезжать? Мне домой надо! Меня дома ждут!

— Как хотите! — отрезал прапор. — Мне неизвестно, что за этой херней кроется... Может и утечка, какая-нибудь... Короче, я поехал. Ну-ка, живенько дорогу дали!

Все вокруг загалдели:

— Да ты офанарел что ли, командир? Утечка! У нас же там дома... семьи! Куда мы?

— Если утечка, почему вони нет?

Поднялся невообразимый галдеж. Прапорщик, более не вступая в дискуссию, обошел капот "уазика" и, открыв дверку, сел на место рядом с водителем. Дверка глухо захлопнулась и машина, выбросив струю выхлопа, заворочалась в снегу, заставив обступивших ее людей, попятиться.

— Ни хрена не ясно! Блин, дожили!.. Власть, тоже мне... — граждане, глухо ропща, стали рассаживаться по своим машинам.

Легковушки, одна за одной, выруливали и отъезжали. Илья заметил, что в одной из машин целая семья — женщина и двое детей.

Ветер, меж тем, продолжал усиливаться. От стены тумана стали отрываться клочья, она волновалась, словно готовясь разорваться.

— Дела!.. — уныло бормотал Марек. — Чёрт меня дёрнул запереться сегодня в институт! Ведь с утра ещё, позвонил начальнику, сказал, что не приду, заболел, мол. Всё жадность проклятая!.. Сидел бы сейчас дома, похмелялся, как все нормальные люди! Ты глянь, ветер-то, какой поднимается. И холодно, блин! Все!.. ты как хочешь, я, назад, в институт.

Илья, собственно, не возражал, деваться-то все равно было некуда, и они пошли обратно, невольно ускоряя шаг — мороз пробирал до костей.

Когда добрались до перекрёстка перед леском, все машины уже скопились там. К ним добавились новые, очевидно, за счёт тех, что стояли возле института. Люди не выходили из автомобилей и не выключали двигателей. Некоторые, несмотря на холод, опустили стекла и напряжённо вглядывались в ту сторону, откуда они только что приехали. Рваные клочья выхлопов, почти осязаемые в морозном воздухе, затянули весь перекресток

— Интересно, — сказал Илья, когда они проходили мимо, — этот туман, нас со всех сторон окружает, по окружности?

— Да какая разница, — отозвался Марек, стуча зубами от холода, — по окружности, или по периметру?! Ты мне лучше скажи, что это за хрень такая тут творится, и откуда она взялась на нашу голову? И почему такой мороз?

Ветер, меж тем, продолжал усиливаться и стал дуть как-то странно, порывами, налетая то спереди, то сзади. Деревья под его ударами раскачивались, с них сыпался снег.

Снежная пыль, всё сильнее крутилась в лучах автомобильных фар, завивалась в вихри, а у Ильи, с каждой секундой крепло ощущение, какой-то нарочитой неправдоподобности, нереальности происходящих событий. Это было непонятно, неприятно и тревожило. Что-то новое, неизвестное, ворвалось в их жизнь, сломав привычный её ход, изменив порядок вещей.

Быстрым шагом, почти бегом, друзья домчались до института. Замерзшие до костей, они на негнущихся ногах с трудом поднялись по ступенькам. Стеклянная дверь, оказалась запертой. Они принялись трясти её и стучать в стекло, громко при этом крича и ругаясь. Прибежала испуганная вахтёрша. Она долго вглядывалась, сквозь дверь, пытаясь понять, что за неведомые супостаты ломятся к ней среди ночи.

— Открывай тетя! — орал Марек. — Не видишь, что ли?.. Свои! — и совал к её глазам, отделенным от них заиндевевшим стеклом, институтское удостоверение. Наконец, она узнала их и открыла дверь. Друзья ввалились в тамбур. Стеклянные двери на глазах зарастали льдом.

— Ну что уставилась, родная? — спросил, грубый с мороза, Марек. — Не видишь, люди чуть не замерзли на хрен?! Там на градуснике столбика не видно, минусов не хватило!

— О господи боже! — женщина вдруг начала креститься. — О господи, светопреставление, какое! О господи, боже ты мой!

— Не проснулась, что ли? — поинтересовался Марек, проходя мимо нее и открывая внутреннюю дверь стеклянного тамбура. Стуча замерзшими, до деревянного состояния, подошвами, они вошли в вестибюль. Поднялись на третий этаж, к Илье в комнату, не раздеваясь, уселись за стол.

— Батареи-суки, чуть теплые, — говорил Марек, прижимая к чугунным гармошкам замерзшие руки. — Слушай! — вдруг встрепенулся он. — У тебя ж спирт есть. Давай разведём? Согреться надо, зубы аж стучат! И пожрать, что-нибудь надо... хаванины, какой-нибудь! Есть?

— Пожрать? — удивился Илья, его быстро растущим потребностям. — Может тебе ещё и женщину привести?

— Ха! — Не стал возражать Марек. — Можно и женщину... Требование одно, чтоб была горячая, как батарея! Не как эта батарея! Давай спирт скорей, а то ва-аще замёрзну, на хрен!

Илья открыл заветный сейф и извлек оттуда пятилитровую бутылку, почти доверху наполненную спиртом. Также достал мерный цилиндр, а Мареку вручил стеклянную

воронку:

— Держи, я буду наливать.

Жидкость, весело журча, полилась в цилиндр.

— Больше, больше лей! — приговаривал Марек, контролируя процесс. — Этим, и кошку не согреешь!

Наконец, спирт был разведён. Илья достал из тумбочки заветные сухари, налил дистиллированной воды для запивания.

— Как древние греки! — с восторгом сообщил Марек. — Ну, за что пьём, друг Илюха?

— Гост сейчас у нас один: чтоб чертовщина эта поскорей закончилась!

— Да! За это стоит! Ну, давай! — Марек, первым ахнул свой стакан. Передернулся, захрустел сухарём.

Илья вертел стакан в руках — всё никак не мог решиться:

— Тёплый... собака!

— Ничего, ничего, — подбадривал его Марек, — зато сразу согреешься!

Наконец Илья выпил. Скривился от гадкого вкуса свежеразведенного спирта и сразу же припал к стакану с водой.

— Первый надо без воды, — поучал Марек, — чтоб до костей продрало!

Некоторое время, они молча жевали сухари.

— Я тебе вот что скажу... — начал Марек, но тут в дверь постучали — Кого там ещё, черти несут?!.. Собрались, называется, друзья в кои веки, чайку попить.

Илья, открыл дверь и обалдел. На пороге стояла Аня, собственной персоной. В ватной фуфайке поверх белого халата. В правой руке она держала маленький, электрический фонарик. Илья с удивлением сообразил, что за всеми перипетиями последнего часа, он совсем забыл о своей несчастной любви. Аня смерила его настороженным взглядом (Илья все еще был в застегнутом на все пуговицы пуховике, только шапку и перчатки снял), затем спросила:

— Можно войти?

— О! — заорал за спиной Ильи, Марек. — А вот и женщина! Я не разочарован. Какими судьбами к нам, Анна Ивановна? Садитесь к столу. Откушайте, чем бог послал, — он потряс мешком с сухарями. — Отпейте также...

— Надо же! — удивилась Аня — И этот здесь. Сладкая парочка! Что бы ни случилось, они будут сидеть и пить!.. Алкаши!

— Да, действительно, что же мы сидим? — сказал Марек — Теперь, в присутствии дамы, мы будем пить только стоя!

— Трепло! — с выражением сказала она.

— Ой-ой! Фу-ты — ну-ты! — сделал вид, что обиделся, Марек. — А чего пришла-то в трепачам и алкашам?

— А я не к тебе пришла.

— Ну ладно всё, — вмешался, дотоле молчавший, Илья, — хватит пикироваться!

— Она первая начала обзываться! — пожаловался Марек, делая обиженную рожу.

Аня пожала плечами и, повернувшись к Илье, спросила

— Ты хоть, можешь объяснить, что здесь происходит?

— Не только здесь! — сказал Илья, чрезвычайно довольный, что за объяснениями обратились именно к нему. Кратко, путано, неоднократно перебиваемый Марек, он сообщил Ане всё, что ему было известно. Впрочем, сведений этих только на краткий

рассказ и хватало. Выслушав его, Анюта опустила на стул и уронила лицо в ладони. Илье стало так жалко её, что захотелось обнять за плечи, погладить по голове, сказать на ушко какие-то ободряющие слова, способные хоть как-то утешить, успокоить...

— Вот беда-то, какая! — сказала она, совершенно убитым голосом — А я на завтра, на стрижку записалась... в три часа... Что уставились? Лучший мастер на районе. К нему фиг пробьешься! А вечером в сауну собирались. Теперь, наверное, никто работать не будет...

"Тьфу ты!.. — удивленно подумал Илья, — кругом непонятно что творится, а она о причёске! И с кем это, интересно, она в сауну собралась?"

— Сочувствуем! — влез из своего угла Марек. — Мне вот завтра, к зубному назначено. К девяти. Между прочим, лучший стоматолог района! — причём по его тону невозможно было понять, серьёзно он говорит, или издевается. — Талончик могу показать, — добавил он, увидев сомнение на лицах слушающих. И даже пошарил в карманах своего чёрного пальто.

— Как вы думаете, завтра это закончится? — спросила Анюта, словно речь шла о внеплановом отключении горячей воды.

— А тебе во сколько к парикмахеру? — участливо спросил Илья.

— Я же сказала, в три, — недоверчиво ответила она.

— Как думаешь, — обратился Илья к Мареку, — к трем закончится?

— Обязательно! — без тени сомнения отозвался тот. — Я даже думаю, к двум тридцати им надо управиться, чтоб кое-кому успеть до парикмахерской добежать.

— Дурак! — констатировала Анюта, хотя уже с трудом скрывала улыбку. — Оба дураки!

— Правильно, — согласился Марек, — зато веселые! Веселые юродивые, всяко лучше мрачных. Ребята!.. предлагаю выпить! Чтоб не раскисать!

— Давайте, — поддержал его Илья — Аня, ты будешь?

— Не знаю... — Анюта с сомнением покосилась на стаканы и цилиндр с характерно пахнувшей жидкостью, — а что вы пьёте? Спирт?

— Естественно спирт! — хихикнул Марек. — Спиритус вини! Что тут ещё можно пить? Мы же в химическом институте работаем, как-никак.

— Фу, гадость! Ну, каплю, если только, чтоб нервы успокоить.

Достали ещё один стакан. Марек быстренько разлил. Чокнулись молча. Выпили.

— Какая гадость! — отдышавшись, повторила Анюта. — Ф-ф-у, как вы её пьёте?

— Так же, как и ты, — пожал плечами Илья, — морщимся и пьём.

— А едите что? — она взяла двумя пальцами со стола сухарь, оглядела его со всех сторон и брезгливо положила на место. — Он же мышами объеден!

— Сама ты, мышами... — возразил Илья. — Это, наверное, Степановские дети ели. Просто все белые сухари уже кончились, остались только чёрные.

— Ладно... — она встала, слегка покачнувшись, — подождите, сейчас что-нибудь принесу поесть.

Когда она вышла, Марек тут же пристал к Илье:

— Давай, пока её нет, выпьем ещё по одной. Да обсудим, что делать-то будем.

Они выпили.

— Ну? — спросил Марек. — Пойдём ещё раз до дому?

— Ты как хочешь... — сказал Илья, хрустя сухарём, — а я в гробу видал, ночью, по такой погоде шастать! Дождёмся утра... рассветет, тогда и пойдём.

— Ладно! — с готовностью согласился Марек. — С утра, так с утра. А сейчас-то, что

будем делать? Кстатии... — выпучил он, вдруг глаза, — ты такой фильм помнишь... "Послезавтра", кажется, называется. Там тоже, все раз и замерзло... мож и у нас так... холодный воздух спустился со стратосферы.

— Ладно, синоптик-синефил, — усмехнулся Илья, — завтра разберемся, что там "Послезавтра". А сейчас, спать, наверное, ложится, надо... что ещё делать-то. Слушай, ты рядом сидишь, посмотри там, на термометре, сколько градусов? Что-то вроде, как, теплее стало.

Марек, взяв свечу, долго вглядывался в шкалу висевшего за окном термометра:

— Ни хрена не пойму...

— Давай я посмотрю, — вызвался Илья.

— Знаешь сколько?.. — тон у Марека был обескураженным. — Я оказывается, просто не там смотрел! Я смотрел снизу, а надо было сверху... Пятнадцать градусов выше нуля! Прикинь!

— Да ну! — усомнился Илья. — Быть того не может! Такой дубак был! Ты, наверное, зенки-то уже залил! Протри их, как следует!

— Пошёл ты!.. — сказал Марек, вставая со стула и уступая ему место. — Иди, сам смотри!

Илья, упершись лбом в стекло, стал вглядываться в показания градусника, а Марек, стоял рядом и тыкал пальцем.

— Вот здесь смотри. Вот!

В мерцающем свете свечи, Илья, наконец, разглядел, что конец красного столбика термометра и впрямь находится, между четырнадцати и пятнадцатиградусной отметкой.

— Ни хрена себе!

— Ага! Убедился! — торжествовал Марек.

— Быть того не может! — упрямо повторил Илья. — У этого градусника, просто крыша съехала, как у тебя, и у меня... И вообще всего вокруг!

— Да ты, я смотрю, совсем отупел от горя, мой бедный, учёный друг! Ну, хочешь, давай окно откроем. Убедимся. Оно у тебя не запечатано?

— С ума сошел? Ну, если форточку только...

— Ты глянь, — тыкал Марек пальцем в стекло, — туман-то, какой! И дождь, по-моему, пошел.

После недолгой борьбы с запечатанной форточкой, она, наконец, была открыта, при помощи длинной палки с крюком на конце. Сразу стал слышен шум дождя. Станный, незнакомый запах ворвался в комнату, ударил в ноздри. Влажный, насыщенный, он напомнил Илье летние вечера после дождя, где-то на юге, возле Чёрного моря, где он в студенчестве, работал на уборке фруктов. Но в отличие от того, этот казался значительно сильнее и экзотичней, к нему одновременно примешивались ароматы, каких-то невероятных цветов и прелой листвы.

— Ой! — сказала, незаметно вошедшая Анюта. — Чем это у вас так пахнет?

— Оттепелью, — повернулся к ней Илья.

— Да, запахок ещё тот! — констатировал Марек. — Как плесень, обрызганная духами.

Было все ж таки ещё прохладно, тянуло сыростью, и форточку решили закрыть. Потом посидели ещё некоторое время, обсуждая произошедшее, в сотый раз, вспоминая все детали нынешнего вечера и гадая, к чему бы это и чем, может для них обернуться. Допили спирт. Съели все принесённые Анютой пирожки, с капустой и картошкой. Разговор, как-то сам

собой зашёл в тупик. Фактического материала катастрофически не хватало. Каждый думал о своем, и говорить больше не хотелось. Тогда решено было идти спать. Так как утро вечера, естественно, мудренее. Спать пошли к Мареку, так как у него в комнате стоял, каким-то образом попавший туда, ещё до появления самого Марека, невероятно старый, скрипучий диван. Хозяину комнаты, постелили в углу шикарное ложе, из фуфаяк, халатов и старых штор. А Илья с Анютой, устроились на диване, укрывшись, невесть откуда взявшейся, большой белой скатертью и старым одеялом. Анюта, сразу так крепко прижалась к Илье, как будто год его не видела.

— А где же женишок-то твой? — шёпотом, с нескрываемым торжеством, спросил её Илья.

— Какой-такой? — кротко, как она умела это делать, спросила Анюта, ласкаясь, как кошка. — А-а, вот ты о чём. Повесился, наверно, от горя.

— Я бы тоже повесился... — вздохнул Марек, из своего угла.

— А ты не подслушивай!

— Нужны вы мне больно! — он перевернулся на другой бок и через несколько минут, оттуда доносилось только его ровное сопение. А Илья с Анютой, задув свечку, ещё долго шептались в темноте, потом полюбили друг друга. Тихо, тихо. Когда Анюта, не смогла сдержать стоны, Илья закрыл ей рот поцелуем. Чтобы Марек не слышал. А он и не слышал ничего, дрых, как суслик.

Проснулся Илья оттого, что его начали энергично трясти и стягивать одеяло. С трудом, разлепив глаза, он обнаружил над собой, небритую и крайне озабоченную рожу Марека.

— Пошёл ты... Чёрт! — голая, сонная Анюта, натянула одеяло до самого подбородка. — Совсем что ли уже?.. — она сердито тёрла глаза.

— Пардон! Не знал! — отвечал ей Марек, без особого, впрочем, смущения. — Вы тут дрыхнете, а там... — он тыкал рукой в сторону окна, — там, чёрт знает, что творится! Ты посмотри, посмотри! — тянул он Илью. — Проснуться не можешь? Сейчас проснёшься!

Илье от этих слов стало тревожно, весь сон, как рукой сняло. Что там ещё? Подсмыкнув трусы, он поспешил к окну, куда увлекал его Марек.

Картина, которая открылась из окна четвёртого этажа Корпуса моделирования, действительно была такая, что обычной не назовёшь. За низкой крышей опытного цеха, на которой уже не было снега, примерно в километре, за голым зимним березняком, где вчера высилось недостроенное здание, с торчащим возле него подъёмным краном, а дальше начинались девятиэтажки жилых кварталов, теперь простирался лес.

Насколько хватало взгляда, до самого горизонта, зелёный лес!

— Боже мой! — сказала подошедшая к окну, закутанная в одеяло Анюта. — Может, я ещё сплю? Ущипните меня. Уйди ты! — отпихнула она руку, собирающегося выполнить её просьбу, Марека.

— Это еще что!.. еще что... — возбужденно бормотал тот. — Теперь пошли, поглядите, что с другой стороны! Пойдем, пойдем!

— Да подожди ты, — отбивался Илья от его настойчивых рук, — дай одеться-то!

— Подумаешь, цаца! Нет там никого. Идем, ты удивисься!

— Да уж куда больше... — вздохнул Илья, давая себя увлечь к выходу. Анюта, поплотней запахнув одеяло, поспешила за ними.

— Я когда встал, сразу в сортир, — торопясь, рассказывал Марек, когда они вышли в коридор. — Вон он, напротив, через две комнаты, воды, правда, нет. Идемте, идемте! Ну, короче, дела сделал, в окно гляжу... Импакт твой фактор!..

Туалет был мужской, и Анна нерешительно остановилась на пороге, но, услышав вопли мужчин, отбросила ложную скромность и пулей влетела внутрь. То, что она увидела в окно, заставило ее судорожно, со всхлипом вздохнуть и, чтобы не упасть, опереться о плечо Ильи.

За окном было море. Не прямо, конечно, за окном, наверное, в километре от здания института. Вид был словно с невысокой горы. И какой вид: до самого горизонта, простиралась бирюзовая гладь, смыкаясь с лазурной голубизной неба. Вправо и влево уходила, скрываясь за холмами, изрезанная заливчиками, белая полоска песчаного пляжа, отороченная изумрудной зеленью леса.

— Может дамбу прорвало и Обское море разлилось? — оправившись от первого шока, предположила девушка. — Что? Что вы на меня вылупились? Сама знаю, что глупость сказала.

Мужчины отвернулись от нее и снова уставились на море.

— Ну, хорошо, — сказал Илья, — хотя ничего, хорошего. Здесь море, там лес... а?.. — он замялся, подбирая верное слово.

— Ты хочешь спросить, где наше? — усмехнулся Марек.

— Ну, в общем, да.

— А это в конце коридора окно. Там внутренний двор.

— А из нашего окна, — пробормотала Аня, — Площадь Красная видна... Кто-нибудь что-нибудь понимает?

Когда они вернулись в комнату, Илья сел на диван, яростно ероша волосы.

— Что ж это, черт возьми, такое?.. Марек, ты окно не открывал? — спросил он, на шаривая свою одежду. — Как там погода на улице?

— Да нет, — Марек, нервно барабанил пальцами по подоконнику. — Они же заклеены на зиму. Ну, сейчас попробую, — он повернул, запирающие окно, ручки и несколько раз с усилием дернул. После третьего рывка рама с треском распахнулась. Посыпалась вата и старая краска. С видом заправского иллюзиониста, Марек обернулся к друзьям, те молча ждали продолжения.

— Алле... оп!

Распахнулась вторая рама и в комнату ворвалась волна жаркого летнего воздуха, сметая все с подоконника и поднимая облако пыли.

— Пчхи... — чихнула Аня.

— Пыль с подоконника вытирать никогда не пробовал? — поинтересовался Илья, протирая запорошенные глаза. Марек пожал плечами, на мелочи, мол, отвлекаться изволите. А за окошком, меж тем, стояло настоящее лето, если конечно не принимать в расчет голые остовы берез и осин их, земного леса. Заставляя жмуриться, в комнату заглядывало восходящее, но уже ослепительное солнце. По небу ползли редкие барашки облаков.

— Интересное кино! — сказал Марек, и пояснил, увидев вопросительные взгляды друзей. — Дома... то есть на Земле... то есть... в общем, раньше солнце тоже с утра в окно светило. У компа монитор слеп, приходилось шторы плотно закрывать.

— Значит в этом мире, твои окна тоже выходят на восток, — неожиданно спокойным тоном констатировала Аня.

— В каком "этом мире"? — взорвался Илья. — Ты соображаешь, что ты несешь? Фантастики начиталась? Четвертое измерение? Параллельные миры? Совсем сбрендила?

Аня обиженно передернула плечиками.

— Сам придурок! Разорался... — она отвернулась к стене и подозрительно шмыгнула носом.

— В самом деле, — влез Марек, — что ты яришься Васильев, она-то тут причем? И вообще, параллельный, перпендикулярный... а мне чего-то уже жрать охота... и, кстати, пить. А то после этого спирта сушняк, а здесь воды ни капли нет.

— Ладно! — Илья натягивал брюки, раздражение его уже улетучилось. — Сейчас пойдём ко мне, там попьёшь, — он застегнул молнии на ботинках. — Вы одевайтесь, что стоите? Аня? — он примирительно коснулся плеча подруги. — Ну ладно, не дуйся! Извини! Одевайся, пошли.

— Может, вы выйдете, все-таки?! — возмутилась девушка.

— Хорошо, хорошо дорогая! Мы пошли, а ты одевайся и подходи в триста пятую. — Илья вертел в руках свитер. — Надевать, не надевать ли? Тепло вроде?

— Да так пошли, не замёрзнешь. Я вишь как? — Марек был в брюках и в одном старом тельнике, сквозь дыры которого проглядывало его волосатое тело.

Чтобы попасть в главный корпус из комнаты, где работал Марек, необходимо было спуститься двумя этажами ниже и пройти по тонкой длинной кишке перехода. Когда спустился

двадцать минут, причесанная и даже слегка подкрашенная, Анюта открыла дверь в триста пятую, мужчины сопя и ругаясь, ползали на четвереньках вокруг большого штатива, пытаясь надёжно закрепить над горячей спиртовкой, эмалированный чайник, так чтоб ненароком не перевернулся. В открытое настежь окно рванулся тёплый ветер, сметая с письменного стола какие-то бумаги. На Анюту зашикали, чтобы скорей закрывала дверь и не разводила сквозняков.

Чайку, однако, в тот раз им попить не довелось. Как только чайник начал обнадёживающе шипеть и пофыркивать, раздалось отдаленное, гнусавое хрипение мегафона, в котором угадывались следующие слова: «Внимание! Просьба всем, немедленно собраться возле главного входа института». Мегафон повторял это, раз за разом. Окна триста пятой выходили на противоположную от главного входа сторону, и поэтому друзья отправили Анюту на разведку — через коридор, теперь уже в женский туалет, чтоб посмотрела в окно, кто там каркает. Сами остались стоять у двери, ожидая ее комментариев.

— Да идите вы сюда! — позвала Анюта через несколько секунд. — Подумаешь, стеснительные какие... писающих девочек здесь нет!

Друзья переглянулись.

— Резонно! — сказал Марек.

— И вообще, сейчас не до условностей! — подтвердил Илья. И они, столкнувшись плечами, одновременно вошли в туалетную комнату. Анюта, распахнув окно, и улегшись животом на подоконник, с любопытством смотрела во двор.

— Ну-ка, барышня, дай глянуть! — Илья слегка ущипнул ее за обтянутую джинсами круглую попу. Она, не оборачиваясь, отмахнулась и немного посторонилась, давая место. Илья пристроился рядом, а у него над ухом шумно сопел нетерпеливый Марек.

На стоянке возле института царило настоящее столпотворение. Все машины, которые были вчера на перекрестке у леска, теперь расположились тут. К ним прибавились новые, во главе со здоровенной фурой "вольво", не поместившейся на стоянке и загородившей собой один из выездов.

Небольшая толпа людей, собиралась вокруг милицейского "уазика", стоящего на краю здоровенной лужи у самого крыльца. Мегафон, наконец, закончил каркать и на свет божий появился давешний прапорщик. Теперь он был без верхней одежды и выглядел лихо — пузатый, небольшого роста, в невесть откуда взявшейся фуражке с высокой тульей, весь в портупее и с кобурой на боку. Следом из "уазика" извлекся и его напарник — щуплый юный сержантик, наверно, только после армии. На плече он внушительно придерживал ремень, на котором висел короткий автомат.

Солнце меж тем, припекало совершенно по-летнему, буквально на глазах растапливая сизые кучи снега, истекающие в ответ обильными ручьями.

Прапорщик о чем-то спросил толпу. О чем, отсюда, с третьего этажа было не слышно. В ответ раздалось нестройное гудение.

— Бежим вниз! — скомандовал Марек. — А то самое интересное пропустим!

* * *

— Граждане!.. У нас произошло ЧП. Я пока не знаю, как объяснить то, что случилось и чем это могло быть вызвано... В общем, никаких разъяснений я пока не получил. Поэтому, как находящееся при исполнении, официальное лицо... представитель власти, так сказать, решил собрать оказавшийся тут народ, чтобы обменяться мнениями, и все значит, такое... Ну, в общем, вы меня поняли?! — он зорко осмотрел толпу. — Давайте высказывайтесь,

граждане, смелее. У кого какие мнения. Хотелось бы обсудить всё прямо сейчас, не откладывая. Никто не знает, сколько у нас с вами осталось времени.

Толпа, от этих его слов пришла в некоторое замешательство и тревожно загалдела:

— Вокруг какой-то лес и города не видно...

— Точно! С третьего этажа видно один лес и больше ничего!

— Почему больше ничего? Вода какая-то... Море!

— Что случилось? Где мы находимся?

— Может это оптическая иллюзия?

Народ заволновался, засуетился, женщины были недалеко от истерики. Вперед вылез давешний водитель в мохнатой кепке, которую он не снимал, даже не смотря на теплую погоду:

— Лес вам! Море вам! Да вы еще не поняли ни хрена! Дорога в город... ее нет. И города нет... Там обрыв! Мы уже были с утра, видели. Обрыв метров десять! И с другого конца дороги, в направлении на Кольцово, тоже обрыв!

— Обрыв! Обрыв! — повторяли вслед за ним и другие водители, очевидно также успевшие побывать в тех краях. — Ничего нет...

Поднялся невероятный шум, большинство людей были близки к панике и потеряли способность трезво соображать.

— Спокойно, граждане! — закричал прапорщик. — Спокойно! Разберемся! Предлагаю сейчас поехать туда, посмотреть... и разобраться на месте. Не всем, не всем! — заорал он, увидев, как люди кинулись к машинам.

— Пошел ты! — сказали ему на бегу. — Раскомандовался тут.

Машины одна за другой начали выезжать с площадки перед институтом.

— Давай, поехали тоже! — подошедший Марек, потянул прапора к его "уазику", при этом бросая выразительные взгляды на Илью.

— Я же хотел... — растерянно говорил ему прапорщик, — ну, чтоб выбрали каких-нибудь... ну, в общем, представителей!

— Тебя как зовут? — уверенно спросил его Марек, усаживаясь на заднее сиденье, и энергичными жестами, подзывая Илью.

— Что? — прапорщик несколько ошалел от Марекковой фамильярности. — А-а... Николай.

— А я Марек, — Марек, обеими руками, энергично потряс его кисть и вопросительно повернулся к мальчишке-сержанту.

— Петр, — представился тот, но руку не протянул.

— Марек! — повторил Марек. — А он Илья. Мы, — он приложил руку к груди, — представители творческой интеллигенции. Вы, — энергичное движение в сторону скопления машин, — представители общественности, — Марек на секунду задумался, — и органов власти.

"Что он с ними, как с индейцами разговаривает?" — удивился Илья.

— Садись же скорей! — повернулся к нему Марек. — Ну что Коля?!.. давай поехали уже, пока исследователи, там с обрыва не попадали.

* * *

На заднем сидении, прямо посередине его, лежал автомат. Илья, садясь в машину, осторожно отодвинул его к противоположному краю сидения.

— Я вообще не понимаю, что произошло!.. — возбужденно рассказывал прапорщик,

когда "уазик" вырулив от института, бодро, помчался по Проспекту науки, — дежурство наше вчера уже кончилось, осталось только оружие сдать, да машину в гараж поставить... а тут, понимаешь, такая херня! До отделения не доехать. Рация молчит, туман этот...

— Не понимает, он, — усмехнулся Марек, — тоже удивил! Ты мне хоть кого-нибудь тут покажи, кто понимает.

— Может это эксперимент, какой? — напористо спросил прапорщик, подозрительно косясь на него. — Вы не знаете? Вы же эти... ученые... — в его устах, слово "ученые" прозвучало, чуть ли не ругательно.

— Ну, блин, началось... — протянул Марек. — Слышь Илюха?.. скоро нас с тобой начнут обвинять, что мы их сюда затащили!

— Ниче я не обвинял... — пробубнил Николай отворачиваясь. — Просто наукой своей, натворят дел, а потом расхлебывай!..

— Ну, это ты брат не по адресу, — сказал Марек обиженным тоном. — Если ученые виноваты, ты с них и спрашивай. А мы-то чего? Илюха химик, я программист... какие ж мы ученые? Ученые они все в очках и с бородками... и шапочки у них еще такие круглые.

Прапорщик хмуро покосился на него, не издевается ли? Не высадить ли наглеца на дорогу? Но лицо у Марека было честное и абсолютно серьезное. Илья отвернулся к окну, с трудом сдерживая смех.

— Этот мудило еще! — прапорщик переключил свое внимание на тощего сержанта.

— Чо мудило-то? — сержант втянул голову в плечи, видимо эта тема была для него не нова.

— Ничо! Х... через плечо! Провозился с алкашом этим!.. как будто сразу непонятно было, что он все пропил...

— Да ладно, Семеныч, чо ты опять начинаешь, одет-то он нормально был...

— Нормально... идиот! Он там остался, а ты здесь!.. и я по твоей милости!

Илья с Марекком переглянулись.

— Да не убивайтесь вы так! — утешил милиционеров Марек. — Может еще все наоборот...

— Что наоборот?! — синхронно повернулись к нему стражи порядка. "Уазик" сильно вильнул. — За дорогой следи! — прикрикнул на водителя Николай. — Что наоборот?

— Ну... — пожал плечами Марек, — может это мы тут и остались живы-здоровы, на солнышке греемся... А остальные все... Ух!

— Ух?

— Ну, того! — Марек благочестиво поднял глаза к небу.

Прапорщик посмотрел на него ошалелым взглядом. Отвернулся. Снял фуражку, протер плешь платком. Водрузил фуражку на место и больше не произнес ни слова.

Тем временем, прыгая на выбоинах асфальта, "уазик" доскакал до пустыря.

Обрыв и впрямь существовал. Что, впрочем, и до этого не вызывало сомнения. Несколько обогнавших "уазик" легковушек столпились, немного не доезжая до края дороги, их хозяева потеряно бродили вдоль кромки. Водитель Петр резко тормознул, так, что Марек еле удержался, чтобы не клюнуть носом в переднее сидение.

— Шумахер! — одобрительно сказал он. — Ну что ж, пойдём, поглядим на дела наши скорбные?

Прапорщик покосился на него, вышел из машины, не закрыв за собой дверцу, и направился к обрыву. Марек с Ильей последовали за ним, сержант остался за рулем. Вид у

него был индифферентный.

Дорога обрывалась внезапно, дальше были стволы исполинских деревьев, увенчанные густыми развесистыми кронами. Илья подошел к самому краю, глянул вниз и увидел землю, словно с балкона второго этажа. Сходство усиливалось еще и тем, что обрыв был совершенно ровный и, перпендикулярный к поверхности земли. Словно бритвой срезало. Вниз бежали многочисленные ручейки от тающих наверху сугробов. Дул ласковый ветерок, на небе ни облачка, и погода стояла совершеннейше летняя, словно не было вчера жуткого мороза и вьюги.

— Ты, что-нибудь понимаешь? — спросил Марек. Он опустил на одно колено и, протянув руку, провел ладонью по склону. — Только, что не блестит... шлифовали его, что ли? Другие люди рядом с ними, тоже щупали поверхность склона и цокали языками. Несколько поодаль, стояла еще одна группка. Они, возбужденно о чем-то переговариваясь, передавали друг другу большой армейский бинокль. Друзья подошли к ним.

— Ух, ты, бинокляр! — воскликнул Марек. — Откуда такой?

— Мой, — угрюмо сказал здоровенный бородатый мужик, в грубом свитере и камуфляжных штанах и зачем-то пояснил. — Охотник, я... С охоты тут ехали. Вот приехали...

— Взглянуть не позволите? — спросил его Марек.

— Гляди... за просмотр денег не берем, — бородач протянул ему бинокль. — Вон туда смотри, — он показал рукой в сторону, где между стволами деревьев виднелся просвет. Марек с минуту вглядывался в окуляры, затем молча передал прибор Илье. Тот, в свою очередь, поднес бинокль к глазам.

Мир рванулся навстречу, приближенный двенадцатикратной оптикой. Прямо перед носом стволы деревьев, покрытые грубой коричневой корой. Пожалуй, похожи на сосны. Но не сосны — ветки кроны густо облеплены короткими иголками, на концах круглые зеленые шишки. Между «сосен», теснились другие деревья, поменьше, одни с пирамидальными кронами, а другие вообще похожие на пальмы, с копной длинных листьев на верхушке ствола.

Все это сливалось в сплошной зеленый ковер, который на самой границе видимого, поднимался к невысоким черным горам.

* * *

— Вы мне вот скажите, — раз за разом риторически вопрошал Марек, когда они, в милицейском бобике, мчались обратно в институт, — мы на Земле, или где? Вот тряска... — машина подпрыгнула на колдобине, — от земной не отличается.

— Лучше будем считать, что мы на Земле! — сказал ему Илья. — Помнишь, как в Кин-Дза-Дза? Солнце здесь, значит Ашхабад там...

— Да уж... — сказал Марек, — отошли на минутку и затерялись в песках... вернее, в лесах.

Они въехали на площадку перед институтом, где их встретили вопрошающие взгляды, остававшихся там людей.

— Пока что господа и дамы, — объявил Марек, выходя из машины — ясно только, что ничего не ясно! Могу подтвердить: там, где мы были, действительно небольшой обрывчик, а дальше лес... Не плачьте женщины! Обождите пока!

Женская часть населения действительно подозрительно шмыгала носами, некоторые начали всхлипывать. Мужчины, наоборот, начали возбужденно галдеть, на разные лады,

повторяя уже навязшие в зубах тезисы, про обрыв, лес и море. Кто-то высказывал нелепые предположения об их месте нахождения, кто-то странные способы спасения из создавшейся ситуации.

— Ну вот... — разочарованно сказал Марек, — Товарищ прапорщик, пора брать контроль в свои руки, как считаешь?

Николай пожал плечами и полез на подножку "уазика".

— Тихо, граждане! Па-апрошу без паники!

К Илье протиснулась Анюта, дернула за руку.

— Ну?! Чего там?

— Марек же сказал... обрыв, лес какой-то чудной...

— Задолбали вы уже все, со своим обрывом и лесом! — зло перебила его девушка. — Еще что-нибудь можешь сказать?

Илья нервно шмыгнул носом и терпеливо продолжил:

— ...а дальше горы. Километров двадцать до них... Ну, пошли мы вдоль кромки обрыва... — он покосился на Анюту, та молча слушала, — пару километров прошли, все одно и то же... Мужики хотели по стволам вниз спуститься, уговорили пока этого не делать. Надо в Институте веревок взять... Что еще... Охотники там были... двое человек. Они обещали пройти вдоль всего края, посмотреть, что там и как. Кто-то самостоятельно уже поперся. В общем, приедут... тогда может чего-нибудь прояснится. Люди мерили по спидометру — Институт от того края, где мы были, примерно в полутора километрах. А вот в противоположную сторону гораздо больше! Сколько точно, никто не знает, потому что прямой дороги туда нет. А вообще... — Илья с неодобрением оглянулся на шумящее толковище, — как-то уже надо налаживать жизнь. А то людишки, глядишь, скоро друг на друга кидаться начнут. Давай, прими участие — иди вон, дамочек своих, успокаивай.

— Ага!.. — Анюта вытерла рукавом кофточки вспотевший лоб, — Успокаивай... Тебе легко сказать... Это у тебя ни котенка, ни ребенка, а у людей семьи дома остались.

* * *

Дневник Майи 18.03.200...

"Сейчас, десять часов утра, солнце уже высоко и заметно пригревает. Я, сижу на диванчике в вестибюле Института и пытаюсь вести записи в дневнике. Когда папа посоветовал мне завести дневник, он сказал, что это дисциплинирует и приучает держать в порядке, не только дела, но и мысли. Когда записываешь их на бумагу — зачастую находишь ответы на самые разные вопросы в своей жизни. Правда, за последнее время произошло так много всего, что ни о каком порядке и речи быть не может. Впрочем, отвлеклась.

Вчера ночью, мы попытались прорваться сквозь эту странную завесу, но уже через десяток метров туман стал таким плотным, что не стало видно вообще НИЧЕГО. Одна ледяная серая мгла. Нервы у таксиста не выдержали, и он, кое-как, даже не разворачивая машины, чтоб не потерять направления, задним ходом попятился обратно. В какой-то момент, мне показалось, что ехать назад так же безнадежно, как и вперед. Я уже была близка к отчаянью, но тут послышались голоса людей, и мы выбрались обратно на дорогу.

Сейчас-то я понимаю, как нам повезло, что вовремя струсили и вернулись. Оказались бы посмелее — свалились с обрыва!

Потом все ломанулись к Институту. Ну и мы тоже. В толпе не так страшно. Припарковались на институтской стоянке. В итоге, переночевали в машине. А куда деваться, Институт заперт.

Мороз стоял невероятный, как на Северном Полюсе, или еще сильнее, как на Южном. Таксисту, чтобы нам в конец не замерзнуть, каждые пятнадцать минут приходилось заводить двигатель.

А среди ночи по крыше такси застучали капли — стал таять снег с берез, насаженных вокруг институтского двора. Утром во все стороны, уже текли ручьи, сугробы оседали на глазах.

Кроме нас у института ночевало еще с десяток машин — те, кто не успел уехать с работы и случайные проезжие, вроде меня с моим таксистом. Кстати, его зовут Виктор Сергеевич, он ничего такой мужик, разрешил мне покемарить на заднем сидении, только молчаливый и курит много. Но я опять отвлеклась.

Короче, утром, как только мы с ним протерли глаза, сразу стало ясно, что за ночь произошло очень многое. Все твердят одно и то же: города нет, обрыв и лес кругом.

Вот сижу и думаю, когда-нибудь, когда я стану жутко знаменитой, и мой дневник купят за сумасшедшие деньги, чтобы издать многомиллионным тиражом, какое название я дам всей этой истории?

Дура — скажете вы — нашла, о чем думать. Может и так. Но полезных мыслей все равно никаких нет и взяться им неоткуда — сижу и жду неизвестно чего. Впрочем, как и все остальные.

Тут на стоянке перед институтом собрались совершенно случайные люди. Вчерашняя фура, джип при ней. Автобус. С десяток легковушек. Может и больше. Они постоянно в движении — подъезжают и отъезжают.

Среди наших лишенцев есть мамаша с двумя детьми — мальчишками-погодками лет двенадцати-тринадцати. Пацаны устроили шумную возню на стоянке, бегали и орали, а потом один из них подбежал к матери и заявил: «Мама, я пить ужасно хочу!» На что получил от матери подзатыльник, и заявление, что никакого пить у нее нет, что они ее с ума сведут, и всю душу вымотали. Чтобы они забрались немедленно в машину, и сидели там не шевелясь, а она сходит и поищет попить. Где она собиралась брать воду, я не представляю, вахтерша из института сказала: ни в одном кране воды нет. Я подумала и отдала незадачливой мамаше бутылку с минералкой. Купила вчера в дорогу, но даже не открывала. Пока женщина (ее зовут Татьяна) поила своих детенышей, я успела узнать у нее все эти сведения про изменившиеся окрестности. Она тоже несколько раз ездила туда-сюда...туда-сюда... все поверить не могла. "А ведь собиралась же вчера ехать другой дорогой, нет, захотелось срезать. Срезала!" Она долго мне повторяла одно и то же. Я не особо прислушивалась к ее стенаниям, но и не прерывала. Охота человеку жаловаться — пусть жалуется...»

* * *

Майя оторвалась от дневника и оглянулась по сторонам. Кроме нее в вестибюле никого не было. Девушка перечитала последнюю фразу в дневнике, тяжело вздохнула: "Пищу какую-то фигну... кому оно надо?" Захлопнула тетрадь, бросила в сумочку, повесила ее на плечо, и с трудом приоткрыв тяжелые стеклянные двери, выскользнула на улицу.

Солнце заливало институтский двор даже не по-весеннему, а по-летнему. Таксист ковырялся под капотом своей «Волги» — что-то там перебирая. Майя подумала, что он, возможно, единственный из водителей, не поехал «обрыв смотреть». Рассудительный мужик, спокойный. На общую панику не поддался. А, может быть просто тормоз.

Кроме такси перед институтом стояло еще с десяток машин. Прямо перед институтским крыльцом громоздился вчерашний «ПАЗик» — дверь приоткрыта, сквозь окно салона видна

кондукторша. Сняв с себя зимнюю куртку и платок, сидела в одной вязаной безрукавке и цветастом свитере с люрексом. Рыже-седые волосы закручены на затылке в пучок. Майя заглянула в салон автобуса и с удивлением обнаружила, что кондукторша старательно пересчитывала и записывала выручку, сверяясь с номерами билетов. Более бессмысленного занятия, по нынешним временам, Майя представить себе не могла. Водителя нигде не было видно, тоже, наверное, поперся на обрыв, оставив охранять автобус эту бабку. Кондукторша, продолжая механически перебирать мелочь, неприязненно взглянула на любопытную девицу: «Чего надо? Автобус никуда не пойдет. Нечего в салон лезть!».

Грубьянка! Брови домиком, круглые глаза, увеличенные толстыми линзами очков, маленький крючковатый носик посередине обрюзгшего лица, поджатые губы. Ну точно сова в зоопарке. Девушка отошла от автобуса и огляделась. Поперек двора расположилась фура — символ несчастья. Вот не раскорячась она вчера поперек улицы — Майя была бы сейчас уже на подъезде к дому! Давешний "Лэнд Крузер" тоже стоял рядом. Все дверцы распахнуты. Было видно, что водитель дрыхнет, откинув спинку сиденья и натянув на глаза кепку. "Ночью что ли не выспался? А сколько, интересно, их там было в джипе? — Майя огляделась. — Ага, вон тот, наверняка, из их компаши — квадратный, широкоплечий, несмотря на теплую погоду, в кожаной меховой куртке. Ну и фрукт — коротко стриженная башка, рожа кирпичом — типичный персонаж сериала про бандитов. Фу, урод!" Другой дядька, очевидно водитель фуры, нервно покуривал на подножке своего "вольво". К нему подошел еще один пассажир джипа — коренастый крепыш, что-то тихо спросил. "Водитель" лишь в ответ покачал головой, продолжая курить. Майя принялась воображать их историю: "К бабке не ходи — наверняка уговорили мужика не левый рейс, мол, туда и обратно, никто и не заметит. А тут, на тебе — мало того, что попал неизвестно куда, так еще и неизвестно, как отсюда выбираться! Ничего, терпи, брателла, нам тут всем нелегко!"

Рассудив таким образом, Майя незаметно сделала "браткам" ручкой и пошла в другую сторону.

Ага, некоторые, оказывается, времени даром не теряют. Девица из "тойоты-старлет", решила воспользоваться солнечной погодой. Она разделась до пояса, оставшись в синеголубом кружевном лифчике и цветастых джинсах и загорала, пристроившись на капоте своей "старлетки". Запрокинула лицо с острым носиком, глаза закрыла, челюсти равномерно двигаются — жует жвачку. Время от времени поднимает руку — откидывает со лба пряди челки. А челка у нее примечательная! Пряди выкрашены в два цвета — розовый и зеленый, и длиной до нижней скулы. При этом, волосы на затылке острижены почти под ноль. Хорошая прическа. С такой, незамеченной не останешься! Кого же она Майе напоминала? Точно! Тетин волнистый попугайчик Дуся, один в один. Неподалеку от девицы, отирался тощеватый молодой человек, очевидно, ее спутник. Он бросал косые взгляды в разрез ее лифчика, и что-то постоянно грыз, как хомяк... Кажется кедровые орешки. Нет, для хомяка слишком тощ... скорее бурундук.

Составив свое мнение об этой парочке, Майя, потеряв к ним интерес, отвернулась. Кто еще тут остался без ее внимания? Ну, Татьяна с пацанятами... Теперь ее мальчишки ползали по салону «Жигулей» — по очереди принимаясь крутить руль и изображать из себя гонщиков.

А вон та машина посолидней, как и ее пассажирка... припарковала свою «Ауди» в сторонке. Интересно, кто она? Бизнес-леди? Или просто жена — любовница — дочь, какого-нибудь миллионера. Хотя, для дочери — старовата. Как не штукатурься, а на ярком

солнышке видно, что ей далеко не двадцать. Хотя выглядит великолепно — приятные, хоть и несколько высокомерные черты лица, дорогой винно-красный брючный костюм, ухоженные руки с маникюром и с изящными золотыми колечками на всех пальцах. Роскошные пепельные волосы до плеч. Свою шубу она давно уже скинула в салон автомобиля, а теперь сняла и жакетик, оставшись в черной кружевной блузке с прозрачным верхом. И, кстати, единственная была не в зимних сапогах или ботинках, а в туфлях на высокой шпильке. Явно, ехала куда-то — в театр, или в гости. Ехала, да не доехала. Как, собственно, и все здесь присутствующие. Сейчас великолепная дама, сидела в машине на переднем пассажирском сиденье и, выставив ноги на улицу, неспешно курила. Взгляд блуждающий, на лице отсутствующее-презрительное выражение. Ну и фифа!

А вот простая отечественная "десятка". Как ни странно, но Майя запомнила водителя этой машины в числе первых, притом, что в общую говорильню он не лез, держался в стороне. Интересно кто он? Чем занимался в прошлой жизни? Высокий, плотный, волосы коротко стрижены. Красивые крупные ухоженные руки, обручального кольца нет. Далеко не старый, но и не особенно молодой. Лет сорок с небольшим. Одет в простые джинсы и пиджак. Раньше так ходили одни колхозники, а теперь, все кому не лень, включая эстрадных звезд. Мужчина с задумчивым видом, прохаживался рядом со своей "перевернутой подводной лодкой". Слишком он какой-то положительный. Как бы его обозвать? Никакие насмешливые прозвища к нему не приклеивались и Майя, так ничего не придумав, ушла.

Оказалось, что она обошла двор по кругу, вернувшись к исходной точке. Делать больше было нечего. Майя, еще немножко поглазела на загорающую девицу, удивляясь ее непосредственности. Та лениво приоткрыла один глаз (ну настоящий попугайчик!), посмотрела на непрошенную зрительницу, надула пузырь из жвачки. Пузырь лопнул, облепив ее губы. Нахалка.

Остальной народ сидел притихший и пришибленный, про них и сказать-то нечего, каждый жался к своей машине, как к кусочку оставшейся ему реальности, и понуро ждал чего-то. Точно пассажиры, у которых отменили рейс, не сказав при этом, когда будет следующий.

Даже у машин был потерянный и понурый вид. Майя посмотрела на автобус — "тетушке Сове" внутри не жарко что ли? Чего она там сидит? Хоть двери и открыты, но шпарившее во всю солнце, наверняка раскалило эту железяку. Вон, даже упертый браток из джипа, сбросил свою меховую куртку. Наконец, кондукторша тоже пришла к выводу, что нужно пойти подышать свежим воздухом — она медленно поднялась со своего места, подошла к открытой двери. Майя увидела ее глаза — остановившиеся, остекленевшие, и уже сделала шаг к автобусу, чтобы спросить, не плохо ли ей, когда у той как-то странно дернулось лицо, и пожилая женщина стала падать головой вперед, прямо в разрез открытых дверей автобуса. Кто-то закричал, несколько людей рванулись к ней. Не успели — от страшного стука, с каким голова кондукторши ударилась об асфальт, Майю передернуло. Первым подскочил Виктор Сергеевич, следом спутник, загорающий девицы. Затем и другие люди повыскакивали из своих машин. Только пассажиры джипа равнодушно наблюдали за происходящим.

— Женщине плохо! Вода, вода есть у кого-нибудь? — Виктор Сергеевич смотрел на Майю, каким-то несвойственным ему, заполошным взглядом. — Ну что уставилась, узкоглазенькая?! Воды найди!

Майя испуганно пожала плечами — вода ли ей нужна? Потом оглянулась на Татьяну —

женщина с бледным лицом стояла возле своих «Жигулей», прижав к себе детей.

— У вас осталась вода? — крикнула ей Майя, та кивнула головой, но с места не тронулась. Майя бегом кинулась к ним. Татьяна молча показала ей рукой в салон — на заднем сиденье лежала бутылка с остатками минералки. Схватив ее, девушка помчалась обратно к автобусу — но там вокруг упавшей, плотно толпились люди. Майя попыталась растолкать любопытных, но ее опередили:

— Пропустите, пожалуйста! Дайте пройти, я врач, — раздвинув зевак, как ледокол льдины, к женщине протиснулся хозяин «десятки». Майя пролезла следом за ним. Он сел рядом с неподвижно лежащей кондукторшей на корточках, положил ладонь ей на шею, проверяя пульс.

— Доктор, что с ней? — пристроившаяся рядом Майя, заглянула ему в глаза. — Перегрелась?

— Это как минимум! Не считая черепно-мозговой... Так... нужно унести ее куда-нибудь, где попрохладнее, и где мне будет удобнее ее осмотреть.

Кое-как подняли кондукторшу на руки — женщина была отнюдь не дюймовочка, отнесли сначала в вестибюль института. Бабка-вахтерша, увидев их, засуетилась, выскочила из своего загончика.

— Медпункт, тут есть какой-нибудь? — спросил доктор.

— Есть, есть пункт! — закивала вахтерша. — Тут рядом, на первом этаже. А что с ней? — ей никто не ответил и она, схватив с доски нужный ключ, быстро пошла вперед, показывая дорогу. Сама открыла дверь. — Вот сюда, давайте... на кушеточку. Тут и простыночка есть!

Врач окинул окружающих хмурым взглядом:

— Я сейчас буду делать осмотр... пожалуйста, всех попрошу!.. — он кивнул головой на выход.

— Да, да! — засуетилась вахтерша, выталкивая любопытных за дверь — Нечего доктору глаза мозолить, идите, с богом, посторонним нельзя тут!

Народ побрел обратно на улицу.

* * *

Вернувшись в вестибюль института, Майя вспомнила, что, между прочим, ничего не ела со вчерашнего дня. Нервы нервами, но теперь пустой желудок внезапно напомнил о своем существовании бурчанием и тошнотой. Девушка оценила свои припасы — кроме бутылки с водой у нее в сумке имелись еще пара яблок и тетушкины пирожки с капустой и с мясом. Яблоки — это неактуально, а вот пирожки в самый раз! Майя расстегнула замок, порылась в сумке, среди вещей. Куда же тетя сунула пирожки? Ага, вот он пакет, в отдельном клапане. Достала один, надкусила — с мясом — пойдет. В этот момент вернулась вахтерша:

— Эй, девушка!.. маленькая, черненькая...

— Я? — Майя с удивлением посмотрела на свое отражение в большом зеркале.

— Да, да, вы!.. давай, иди назад к доктору — помочь нужно. А я тут посижу, мне от ключей далеко нельзя!

Майя пожалала плечами — не такая уж она и маленькая, а если на каблуках, так и вполне нормального роста. Запихнула сумку под кресло и, пройдя через безвольно крутящийся турникет, вернулась в медпункт, жуя по дороге пирожок. Заглянула в двери — в кабинете остро пахло какими-то лекарствами. "Тетушка Сова" так и лежала, с закрытыми глазами, а доктор перебирал коробки и флаконы в стеклянном шкафу.

— Вас вахтерша прислала? — спросил он, не оборачиваясь, очевидно увидев отражение девушки в дверце шкафа. Голос спокойный, глубокий. Человеку с таким голосом хочется доверять. — Что? — удивленно обернулся он, услышав невнятное мычание в ответ. Майя с трудом проглотила последний кусок пирожка:

— М-м-м... Да... меня... Вам помощь нужна?

— Мне нет. А вот женщине, может понадобится.

— Что с ней?

— Острый приступ стенокардии. Предынфарктное состояние. Еще и головой приложилась как следует... Так что нужно будет за ней ухаживать... Вас как зовут?

— Майя...

— Очень приятно, Майя!.. э-э?

— Николаевна... не надо Николаевна... просто Майя!

— А я, Алексей Федорович... хирург. Значит, так Майечка!.. пока время есть, нужно пересмотреть все местные запасы на предмет, как наличия, так и отсутствия предметов первой необходимости. Я почему-то совершенно уверен, в ближайшем будущем нас ожидает еще очень много неприятных сюрпризов.

— Эта женщина все утро просидела в автобусе, в духоте... поэтому, наверное, с сердцем плохо и стало!

— Я сейчас не об этом. Я имею в виду — удивительно, что тут одна больная, а не целый лазарет. Мы оказались в незнакомом месте, неизвестно на какой срок. Что нам ожидать от будущего, я лично, не очень себе представляю. Но с болезнями попытаюсь справиться! Опыт, какой-никакой, имеется.

— Я в этом не сомневаюсь! — Майя несколько раз нажала на грушу, лежащего на столе тонометра и виновато улыбнувшись, добавила. — Только, непонятно от чего страховаться...

— Пусть так. Но лучше быть готовым хоть к чему-то, чем неготовым ни к чему. Так... — Алексей Федорович придирчиво осмотрел шкаф. — Тут, пожалуй, все ясно. Особое не разбежишься, но, тем не менее, кое-что все же имеется.

Оставив в покое тонометр, девушка подошла к окну. Солнце перебралось на другую сторону и площадку перед Институтом накрыло тенью. В кабинете было прохладно, массивное здание еще не успело прогреться.

— Вон вам, Алексей Федорович, глядите — может, это первые сюрпризы пожаловали!

Во двор, во главе кавалькады из нескольких машин въехал милицейский "УАЗик". Лихо развернувшись, встал прямо перед крыльцом. Захлопали дверки, люди выбирались из машин, выходили из института, собираясь в толпу возле него

Из милицейской машины помимо пузатого прапорщика и тощенького сержанта выбрались еще двое гражданских, сотрудников Института, которых делегировали на обрыв. Один, маленький, толстенький, экспрессивно размахивал руками, и что-то возбужденно говорил окружающим. Второй высокий, симпатичный, пока помалкивал. А вот и его длинная, тонкая подружка... спешит из дверей института. С ней еще какие-то тетки. Подружка или жена? Да какая Майе, собственно, разница? Наверное, все-таки подружка.

— «Разведывательная-оценочная экспедиция» вернулась. Что-то долго они там ковырялись, — Майя оглянулась. Доктор возился возле кондукторши. — Я пойду вниз, послушаю?..

— Идите, идите. Я сейчас закончу тут и тоже спущусь.

Майя пулей вылетела во двор. Все собравшиеся там что-то возбужденно говорили и

размахивали руками. От недавнего апатичного настроения людей не осталось и следа. Постоянно слышались крики: «Ничего нет», «Обрыв», «Лес кругом», «Тише граждане, не создавайте паники», «Нужно развести костры, нас заметят и спасут», «Я же говорила тебе, что нужно было ехать в объезд...» Майя ловко протиснулась в первые ряды, чтобы разобрать хоть что-нибудь. Наконец, прапорщик влез на подножку машины и закричал, перекрывая гомон толпы:

— Тихо, граждане! Па-апрошу без паники! Паника делу не поможет! Ситуация, в которой мы оказались, прямо скажем, паршивая, и так сказать, чреватая. Но, тем не менее, в наших же интересах, соблюдать спокойствие и вести себя соответственно! Так вот... предлагаю начать с того, чтобы все сейчас спокойно достали свои паспорта и сдали их мне, на время... так сказать...

— А мочу на анализ тебе не сдать? — крикнул кто-то за спиной у Майи.

— Их просто перепишут и все, — как ни в чем не бывало, продолжил милиционер. — Чтобы, значит, точно знать кто, откуда и вообще, мало ли что... Вот вы, девушка... — он ткнул пальцем в сторону Майи — вы, я смотрю, все время что-то записываете.

— Это я так, для себя! — Майя двумя руками ухватила за свою сумочку с тетрадкой.

— Я и говорю, порядок должен быть!.. Так вот, вы сейчас спокойно сядете где-нибудь в тенечке, и по очереди запишите всех, ну, у кого не будет паспортов, тот, конечно, может, так сказать. Но, граждане не шумите, нужно же знать, сколько нас тут душ всего? Мало ли что!

Народ пошумел, покричал и стал расходиться. Но какая-то очередь образовалась — люди подходили к Майе и протягивали ей свои документы, или же просто так называли фамилии и адреса. Девушка записывала их на последней странице своей тетради, и первой вписала себя: Майя Николаевна Сурина, прож. г. Абакан, ул. Рашетова...

* * *

Обходя лужи к "уазику" приблизились Борис с Егором в сопровождении институтского ветерана, технолога Михаила Аркадьевича Штерна. В делегацию также входили и несколько водителей злосчастных автомобилей. Один из них, седой и представительный мужчина, представился:

— Петренко Алексей Федорович, врач, хирург. Я думаю, что надо как-то начинать налаживать здесь быт. Пока еще все прояснится, если вообще прояснится, а пить кушать уже хочется. Да и голодные, неустроенные люди, гораздо более склонны к панике и необдуманным действиям в отличие от сытых.

— Мы тут посоветовались... — вступил в разговор Борис. — Думаем, пора вскрывать буфет.

— Вы что ж думаете?.. — усомнился прапорщик Николай, — мы тут надолго? Щас, значит, начнем хозяйничать, а нас потом за это раком поставят! За расхищение, так сказать, казенного имущества...

Петренко посмотрел на него с сожалением.

— Вы бы, прапорщик, раньше свою сознательность проявляли! А то, как на дорогах взятки брать...

Николай посмурнел лицом, даже, кажется, начал надуваться, как кот перед дракой.

— Стоп, стоп, стоп! — влез между ними Марек, предотвращая готовую вспыхнуть ссору. — Зря вы так товарищ врач, Николай наш, вовсе даже и не гибддешник! Правильно я излагаю?

— Патрульно-постовая, — буркнул прапорщик.

— Вот! — Марек поднял указательный палец. — Так что не надо человека так оскорблять!

Тут, глядя на оскорбленного прапорщика, Илья вспомнил разговор в "уазике", о том, что милиционеры попали сюда, как раз из-за того, что не вовремя решили обобрать пьяного.

— Но! — меж тем продолжал Марек. — Я совершенно согласен с предложением — буфет надо вскрывать! В конце концов, его содержимое, институтское имущество, значит, ответственность за него лежит на нас, работниках института! А ты Николай, тут не причем. Если что, скажешь, что поддался давлению общественности. У нас чрезвычайная ситуация, так что никто нас за это не осудит. Тем более что холодильники не работают и продукты, на такой жаре, все равно скоро испортятся. Лучше уж мы их съедим. Верно, Михаил Аркадьевич? Вы тут у нас самый старший наверно, что скажете?

— Что скажу? — ветеран нервно комкал в руках свой берет, принимать ответственные решения было для него непривычным делом. — Скажу, э-э, что таки да, доступ к буфету нам необходим. Глупо пропадать с голоду, имея под боком запас продуктов, пусть даже и небольшой. Однако хочу подчеркнуть, следует избежать вакханалии и анархии. Предлагаю составить список, так сказать, личного состава и продукты выдавать в соответствии с этим списком. Несколько бюрократично, зато всем достанется.

— Красиво излагаете! — похвалил его Марек. — Четко, грамотно, по-военному! Вы в армии, часом, не служили?

— Составляют уже список! — сообщил прапорщик. — Вон, той девчонке поручил. Вы тоже, кстати, запишитесь.

Дорогие читатели, не забывайте подписаться, чтоб не пропустить проду.

Вам несложно, а мне полезно) я не досаждаю френдам самопиаром и прочим, только обновления текстов)

Дневник Майи 18.03.200... вечер

«Сейчас уже вечер, скоро совсем стемнеет... Устала я что-то. Не от того, что переработалась — от переживаний устала. Заканчивается первый день нашего пребывания в "Этом Мире", как не дико это звучит. Даже если место, в котором мы находимся, расположено на Земле — то не на нашей Земле. Хотя... тут народ городит что-то, про массовый гипноз. Но, по-моему, это скорее массовый психоз. Паранойя. Я их не осуждаю — от происходящего конкретно сносит крышу, но "Этот Мир" совершенно реальный, хоть и совсем чужой. Другая Земля, живущая по другим законам. Тут не только мы, люди, но и березы вокруг института, мыши в подвалах и вороны на крышах — все не вписывается в новую реальность. Не знаю, откуда такое ощущение, ведь если сидеть на лавочке возле института, никаких признаков чужого пока незаметно, но это просто сквозит отовсюду! Хотя... Солнце, как и у нас, всходит на Востоке, а садится на Западе...

Ну ладно, хватит бесплодных рассуждений, а то скоро стемнеет, фонаря у меня нет, и в результате, я ничего не успею записать.

Итак, первое — конкретного результата, все эти экспедиции к обрыву, пока не дали.

Второе — зато появилась некоторая определенность в организации нашего быта — цыганский табор под открытым небом, постепенно перебирается в стены института.

И, наконец, третье — нас тридцать шесть человек, включая одиннадцать женщин, двадцать три мужчины и двух детей. Теперь всех их я знаю поименно, кроме «братков», они к регистрации интереса не проявили, поэтому остались у меня безымянными.

Под бдительным присмотром институтских, провели ревизию в буфете. Продуктов не так, чтобы много, но на самое первое время хватит.

Итого, мы имеем: мешок гречи, пол мешка риса, пару мешков картошки, коробку сливочного масла, два десятка банок тушенки, с десятков рыбных консервов, несколько десятков яиц. Еще в наличии сухое молоко (немного), пять банок сгущенки, пять буханок хлеба, коробка с сухофруктами. Чипсы, печенье, глазированные сырки и прочая фигня. Еще соль, сода и мука. Чай в пакетиках, растворимый кофе. Из напитков — минералка, да всякие Колы с Мириндами. Пиво еще. И сигареты есть. Михаил Аркадьевич притащил толстый журнал учета и велел все переписать в него, чтобы досконально знать, сколько продуктов мы израсходуем в один прием.

За записи взялась Татьяна. Бухгалтер в прошлой жизни, она несколько раз пересчитала все запасы, заглянула в каждую подсобку и холодильник, узнать, не завалилось ли, не закатилось ли чего съестного.

Также поступило предложение, проверить институтские кабинеты — мало ли, что там могло оставаться по столам и холодильникам. Но сегодня прошлись лишь по некоторым комнатам, первого этажа, главного корпуса. Есть еще разные мастерские — механическая, столярная, стеклодувная и пр. — там тоже может быть съестное от прошлых хозяев.

После того, как переписали продукты в столовке, тут же назначили дежурную «бригаду поварих». В ее составе: Варвара Петровна — у нее ключи от всех ящиков и кладовых; Татьяна — сама считала, сама и готовить будет; и ваша покорная слуга — ну, мне не привыкать, могу приготовить обед хоть на тридцать, хоть на сто человек. Научилась, пока маме в экспедициях помогала.

Потом возникло замешательство. Как готовить? Электричества-то нет. Не на костре же. Институтские долго совещались. Потом кто-то из них вспомнил, что вроде, на складе есть газовая плита с институтской базы отдыха. Решили заодно и склад проверить, на предмет изучения полезности его содержимого.

Что там не говори, а институтские мне нравятся! Не суетятся, бестолково бегая как наши лишенцы, от одного обрыва к другому. Не выдвигают идиотских гипотез, типа, брошены в параллельный мир, научным гипнозом. Вообще не обсуждают: где, когда и зачем? А обсуждают: как жить и что делать? Согласна — это первично в нашем положении. Когда будет чего пожрать, тогда и будем думать, куда нас занесло!

Так вот, отправились они на склад и спустя полчаса, привезли на тележке здоровенную плиту, конфорок на десять. И заодно, пару баллонов с газом. Говорят, в стеклодувной мастерской полно этих баллонов. Ну, хоть что-то радует! В итоге, еду мы сготовили. Наспех, конечно. Тем не менее, съедобно.

Люди разобрали свои порции и разбрелись кто куда в мрачном молчании. Видя мою неприкаянность, Варвара Петровна предложила переночевать в буфете, заодно и продукты покараулить от несознательных граждан, дескать, лицо у меня честное и она мне полностью доверяет. А сама она переночует в вахтерской камерке на топчанчике, при ключах, чтоб ночью кто-нибудь самоуправничать не вздумал.

Сейчас она в медпункте. Пошла проведать "тетушку Сову" из автобуса. Та, так и не пришла в себя, похоже, дела с ней совсем плохи. Алексей Федорович, что-то там упоминал про гематому мозга.

Ну, вот совсем стемнело, буквы расплываются. Писать возможности больше нет. Гуд-бай, до завтра!»

* * *

Проснувшись от непонятной тревоги, Майя несколько минут лежала и смотрела в непроглядную тьму, прислушиваясь к себе. Сердце скакало в груди, как заполошное. Душно. Нужно выйти на свежий воздух, заодно и до ветру прогуляться. Решив так, девушка поднялась со своего ложа из составленных в два ряда стульев, нащупала ногами тапки. Подошла к двери и, отодвинув щеколду, выглянула в коридор. Никого. Как была в ночнушке, в темноте все равно ничего не видно, вышла из буфета. Несколько десятков шагов по короткому коридору, бессильная вертушка турникета, тяжелые двери. Майя вышла на крыльцо и остановилась, озираясь по сторонам.

Асфальтовая площадка стоянки. Машины, возможно припаркованные тут навсегда. Безумное количество звезд над головой и их двойники-отражения в лужах под крыльцом. Созвездия вроде и знакомые, но в тоже время, какие-то не такие. Непривычные — словно звездам надоело сидеть на одном месте, и они разбрелись кто куда. Только луна за прозрачными кронами берез, какая была, такая и осталась. Институтский двор в темноте казался бескрайним. Свежий ветер щекотал голые ноги. Скоро рассвет — небо на востоке уже розовеет.

«Надо возвращаться, а то торчу посреди крыльца, словно пугало, еще увидит кто». Косясь на пустые черные окна института, девушка устремилась к ближайшим кустам.

Вернувшись в буфет, Майя заперлась и вновь улеглась на свою импровизированную кровать. Завернулась в одеяло и, зажмурив глаза, попыталась уснуть. Как ни удивительно, это получилось почти мгновенно.

* * *

Под утро Илья приснился нечто странное. Вернее, сам сон не запомнился, он был длинным и путаным, в памяти осталось лишь его окончание. В этом окончании, он сидел в трамвае, чтобы ехать в институт. Хотя точно знал, что никакие трамваи туда не ходят, там и рельсов-то сроду не было. Но почему-то сел. Они ехали и ехали. Мимо каких-то товарных станций, мимо стрелок и дорожных переездов. Вот и знакомые ряды гаражных боксов, значит уже скоро. Охваченный внезапным сомнением, Илья оглянулся и с удивлением обнаружил, что салон пуст. Все пассажиры сошли неизвестно когда, только одна кондукторша с подозрением таращилась на него толстыми стеклами очков. "Молодой человек, — сказала она строго, — трамвай дальше не идет! Конечная! Дальше дороги нет!" То есть, как конечная? Он глянул в окно — трамвай стоял в заснеженном чистом поле. Илья почувствовал состояние близкое к панике. Куда же тут идти? Он хотел подойти к кондукторше и выяснить, как вдруг оказалось, что никакой кондукторши уже нет... и самого трамвая нет, а он стоит в поле, босиком на снегу, на пронизывающем холодном ветру, у края бездонного и бесконечного обрыва.

Тут Илья понял, что на этом самом месте и стоял институт... а теперь его нет, только огромная черная дыра, из которой поднимается то ли туман, то ли дым.

И как только он это понял, почва начала уходить из-под ног. Илья почувствовал, как проваливается в эту дыру... страшно и неотвратно.

Он закричал и проснулся, как из воды, выныривая из кошмара.

* * *

Первое, что он увидел, было испуганное, лицо Анюты. По ее щекам катились крупные слезы.

— Ты что, зайка?.. — хрипло спросил Илья, медленно отходя от пережитого, — почему ты плачешь?

— Мне приснилась... — всхлинула Анюта, — приснилось... что меня съело какое-то чудовище... живьем. А еще ты кричишь... у меня чуть сердце не разорвалось...

— Чудовище? Какое чудовище? — Илья обнял подругу, поцеловал в мокрую щеку. Ее плечи дрожали. Он почувствовал, как ком встал в горле, от жалости, от нежности к ней. Свой страх разом ушел прочь — лицо у Анюты было, как у маленькой девочки, на которую вдруг злобно загавкала, рвущаяся с привязи, цепная собака. — Ну, успокойся, глупенькая... это ж сон всего лишь! Ну, вот же мы, живые, здоровые! — при этом, он невольно поежился, вспомнив свои собственные сновидения.

— Да-а... сон... — протянула девушка срывающимся голосом, — я так обрадовалась, когда проснулась... подумала: какое счастье, что это сон и мы дома в своей постели... А мы здесь... в этой... в этом... — слезы снова хлынули у нее из глаз, она закрыла лицо руками и упала на подушку, спиной к нему. Илья некоторое время недоуменно смотрел на ее трясущиеся от рыданий плечи. "Что с ней? Истерика? Что делать-то? Воды принести?" Так ничего и, не придумав, он просто лег рядом и принялся гладить ее, от плеча к бедру, по жаркой погоде спали без одежды, одновременно целовать, шею, плечи, спину, шепча при этом: "Ты самая любимая, самая красивая, самая, самая!.." Ласки возымели действие. Рыдания перешли в еле слышные жалобные всхлипывания. Закрепляя успех, Илья придвинулся ближе, и опустил вниз правую руку, подготавливая позицию. Она не сопротивлялась, открываясь ему навстречу. Миг соединения оказался таким мучительно сладким, что Илья еле вытерпел, сжав до боли зубы. Анюта почувствовала это и остановилась. Повернула лицо, ища его губы. После короткой паузы, они продолжили,

медленно напряженно двигаясь навстречу друг другу и не обращая внимания на скрипучий диван. Ритмичные движения, время от времени, прерывались волнами судороги, пробегающими по ее телу. Она не произносила ни звука, а просто вся сжималась и останавливалась. Все это происходило как-то странно, незнакомо молча, лишь старые пружины аккомпанировали им. Наконец Илья понял, что больше терпеть уже не в силах и, в несколько сильных резких толчков, закончил дело. Он застонал и это был первый звук, который издали любовники. Анюта что-то зашептала еле слышное, изо всех сил прижимаясь к нему. Илья почувствовал, как бешено колотится ее сердце, перекликаясь с прерывистым дыханием и судорожной пульсацией бедер. Почувствовал, что крик страсти рвется из нее, но она его почему-то сдерживает. Еще несколько сладких секунд и девушка с облегчением выдохнула, расслабляясь. Илья приподнялся на локте и с удивлением заглянул ей в лицо. Глаза ее были прикрыты густыми ресницами, а губы, напротив, приоткрыты. На виске и на носу выступили капельки пота. Она почувствовала его взгляд и открыла глаза. Благодарно улыбнулась.

— Хороший!..

— А ты не очень хорошая!.. — Илья поцеловал ее в висок, под каштановым локоном, прихватил зубами мочку уха, пощекотал кончиком языка шею. — Почему молчала?

— Щикотно! — она засмеялась, отстраняясь от него, выставив вперед ладошки.

* * *

Бух, бух — удары в дверь. Застигнутые врасплох любовники подскочили на своем ложе, словно дверь была не заперта. Илья начал суетливо искать одежду, а Анюта закуталась в занавеску, заменяющую им покрывало.

— Марек что ли?.. — недовольно пробурчал Илья, натягивая трусы, — ... явился спозаранку... Сколько времени?

Анюта потянулась за своими часиками и за халатом.

— Седьмой час вроде... двадцать минут седьмого. Может, случилось чего?

— Ага, случилось! — Илья недовольно поморщился. — Оно проснулось и хочет жрать. Пойду, открою, а то дверь ломает.

Словно в подтверждение его слов, долбежка в дверь повторилась, и к ней добавился зычный голос Марека:

— Илюха, открывай... вы че, спите, что ли еще?

Илья оглянулся на подругу, прикрылась ли, и открыл замок. Марек нетерпеливо топтался на пороге.

— Здорово други! — гаркнул он нарочито придурковатым голосом. Сунул Илье руку и, оттерев его плечом, проник в помещение. Анюта, только успевшая запахнуть халат, глянула на него недовольно.

— Чего так рано приперся-то?

— А мне не спится, в моей одинокой шконке... не у каждого под боком такая лялька! К тому же у меня для вас сюрприз!

Насладившись вопросительными взглядами, Марек жестом фокусника извлек откуда-то из-за спины, нечто, завернутое в белую тряпку.

— Опаньки! — под тряпкой оказалась картонная коробка из-под обуви. — Эне, бэне, раба! Квинтер, финтер... жаба! — он картинно открыл картонку.

В коробке сидела... стрекоза. Нет не стрекоза — стрекозища! Каждое крыло длиной в ладонь. Насекомое занимало всю коробку, похожее одновременно на искусную поделку и на

увеличенную модель из зоологического музея. Узкое, точно покрытое черно-синей эмалью, тельце. Прозрачные слюдяные крылья. Огромные фасеточные глаза. Три пары длинных ног. Драгоценная игрушка. Хрупкая, грациозная.

— Какая прелесть! — Анюта коснулась золотистого полупрозрачного крылышка — никакой реакции. — Она, что умерла? Ты ее убил? — она осуждающе посмотрела на Марека.

— Делать мне больше нечего было, как ее убивать, — Марек слегка тряхнул коробку. Стрекоза внутри не шелохнулась, сидела как приклеенная. — Этот беспилотный летательный аппарат ко мне в окно залетел, чуть зайкой не сделал. Как начала метаться... ну и врезалась в зеркало. Тут, я не будь дураком, коробкой ее накрыл. Думаю, вам покажу.

— Бедненькая... — Анюта попыталась пальцем погладить стрекозу. — Слушайте, она на ощупь... словно сплетена из жестких ниток! — девушка восторженно улыбалась. — Красотка!

По плоскости крыла прошел слюдяной блеск — стрекоза шевельнулась, повернула голову, огромные фасеточные глаза, казалось, смотрели сразу на всех. Илья вздрогнул — она живая!

— Ух, ты, голова большая, какая! Интересно, она о чем-нибудь думает? — Анюта снова потянулась ее погладить. — Эй!.. ты о чем-нибудь думаешь?

— Осторожней! — Илья поймал ее за руку.

— Чего? — недоуменно повернулась к нему девушка.

— Смотри, как пастью шевелит! Зараз пол пальца отхватит, вот и сбудется твой сон. На фига ты ее сюда приволок? — он сердито обернулся к Мареку.

— Чего ты так пугаешься? — удивился тот. — Словно там крокодил сидит... Да это ж, первый абориген! Посланец, можно сказать, нового мира! Поздравляю с первым контактом! — Марек еще раз тряхнул коробку, стрекоза опять не шелохнулась.

— Контактер, блин, выискался! Выкини ее в окно! Дай я сам выкину... — Илья попытался забрать коробку.

— Э-э!.. — отстранился от его рук Марек. — Ты чего такой агрессивный?!

— И, правда, чего она тебе сделала? — возмутилась Анюта и уцепилась за коробку со своей стороны. — Дайте мне... я ее своим теткам покажу!

Но «первый абориген» решил по-своему. Сухо затрещали крылья, коробку толкнуло и дернуло так, будто оттуда вылетело не насекомое, а птица. Марек испугано шарахнулся в сторону. Проследить стремительное движение стрекозы не успевал глаз. Это был не вихляющий полет бабочки или грузное прямолинейное передвижение жука. Стрекоза мелькнула туда-сюда по комнате, на краткий миг зависла над поверхностью стола и безошибочно метнулась в открытое окно. Только бумаги разлетелись по столу.

— Ну, вот! — Анюта подошла к окну и легла локтями на подоконник, будто пытаясь рассмотреть, куда именно улетела стрекоза. — Улетел наш абориген... наверное тебя испугалась, — она повернулась к Илье. — Нервный ты какой-то стал... по ночам кричишь...

— Себя вспомни! — огрызнулся тот.

— Ты чего Ильюха, стрекоз боишься? — Марек, криво ухмыляясь, смотрел на друга.

— Я боюсь? — Илья сделал презрительное лицо. — Я даже твою физиономию не боюсь ночью увидеть! Тем более стрекозу какую-то, вшивую! — он отвернулся и сделал вид, что ищет что-то в ящике письменного стола. Не объяснять же им, что это никакой не страх, а обыкновенная брезгливость, помноженная к тому же на гигантские размеры насекомого.

Кто знает, что придет в ее лупоглазую голову?

Когда-то давным-давно в раннем детстве, он увидел документальный фильм про насекомых, где с большим увеличением и во всех подробностях показывали их противоестественные фасеточные глаза, суставчатые лапы, отвратительные щетинистые хоботки и жуткие жвала. Крошечные существа, многие из которых были совершенно безобидными, в один миг обернулись для него жуткими монстрами.

Вызванный фильмом детский страх с возрастом прошел, а брезгливость и отвращение, особенно к крупным насекомым, остались, даже давить их было противно. Илья искоса глянул на подругу, что, интересно, она про него подумала?

— А чего это, Анна Ивановна, ты до сих пор расслабляешься? — влез Марек. — Забыла что у тебя наряд на кухню?

— А ты что мне, начальник? — копируя его ехидный тон, девушка лениво потянулась за расческой. — Я тебя в напоминальничи не звала! И вообще... без сопливых скользко!

— Вот как работать с таким человеческим материалом? — Марек повернулся к Илье, который начал размышлять, во чтобы такое ему одеться. — А, отец? Как работать?

— Ты лучше скажи, умник, где будем воду брать? — Илья с отвращением посмотрел на свои носки и, не решившись их одеть, отложил в сторону. — Так ведь завширеем скоро... не помыться, не постирать.

— Какая проблема? — удивился Марек. — Снега в лесу еще полно... кому надо, идет и набирает. А вообще... вон бушмены в Калахари, вообще без воды живут и ничего! Ходят в набедренных повязках из трех веревочек. Испачкалась повязка — выкинул, новую одел. А моются песком. Да, песком!

— Ань... — обратился Илья к подруге, — слышишь, что знающие люди советуют? Ты готова ходить в набедренной повязке и мыться песком?

— А-а... — во рту у девушки была заколка, и она временно шепелявила, — Фсяс!.. Не дофдетес! — она извлекла заколку изо рта и ловко прихватила ей собранные в пучок волосы. — Пусть этот знающий, сперва, песок найдет... по-моему, здесь одна глина... ну, и с себя начнет, в смысле повязки!

— Легко! — Марек с наслаждением почесал волосатую грудь. — У меня комплексов нет. Боюсь только, все женщины нашего поселения испытают культурный шок. Имейте в виду, мужской стриптиз дороже женского! А если серьезно, то на складе должна быть спецодежда.

— Точно! — подхватил Илья. — Помнишь, в прошлом году учения по ГО проводили? Я там еще был старшим дозиметристом... так нам выдавали спецуху... комбезы такие, синие. Еще кирзачи и противогазы.

— Противогазы... — задумчиво повторила за ним Аня. Глядя в маленькое зеркальце, она поправила челку, провела языком по губам. — Господи, на кого я похожа? Вся помятая... как фантик из мусорки. Ладно, сойдет, — она поднялась с дивана, одернула свой тесный и короткий халат. — Чао, мальчики! На обед не опаздывайте.

— Пошла, что ли? — удивился Илья. — Даже чаю не попьешь?

— На кухне попью, — отмахнулась девушка. — Там же и умоюсь. Там хоть вода есть, — она наклонилась, чтоб застегнуть босоножки.

— Халат покороче не могла найти? — язвительно спросил ее Илья.

Аня не спеша, выпрямилась. Показала мужчинам острый розовый язык, и нарочито покачивая бедрами, вышла за дверь.

* * *

Варвара Петровна явилась в буфет еще засветло. Зашла со стороны кухни, отперев дверь своим ключом. Насмешливо посмотрела на заспанную физиономию Майи, выглянувшей на ее шаги из-за спинки стула.

— Вставай, вставай, засоня! Хватит лежать!

Девушка яростно потерла кулаками глаза, силясь прогнать крепкий утренний сон.

— Сколько времени?

— Семь часиков уже, голубушка!

— Всего? Зачем так рано-то? Все ж спят еще... — Майя неловко села на стуле, уронив при этом одеяло. — Я разве сегодня дежурю?

— Ты может, и не дежуришь... — Варвара Петровна, расположившись возле буфетной стойки, принялась закалывать седые волосы, — хотя все равно... чего без дела болтаться, а лишняя пара рук не помешает...

— Ну, Варварочка Петровна... — девушка, подойдя, ткнулась носом в ее плечо, — я же вчера, по-честному... как Папик Карлик вкалывала!

— Ладно, лентяйка, отдыхай до ужина, — смилостивилась вахтерша, — сейчас другие женщины придут... наши институтские. Так! — она по-хозяйски обвела буфет взглядом и сказала самой себе. — Ну что, пора за работу? Три с лишним десятка ртов накормить, напоить — это тебе не фунт изюму! Пока печь растопится, пока вода согреется...

Пока она чем-то шуршала под прилавком и двигала какие-то коробки. Майя занялась своим туалетом. Побрызгала из глубокой чашки на лицо водой, что называется — умылась. Чистя зубы, подумала про себя, что ей одной повезло — есть сумка с личными вещами. А другим, даже переодеться не во что, одни лишь лабораторные халаты.

* * *

Дверь в буфет дернулась, затем в нее постучали.

— Кто там? — громко спросила Варвара Петровна.

— Смена пришла! — откликнулся из-за двери бодрый девичий голос.

— Ань, ты что ль?

— Я что ль. Мои тетеньки еще не появлялись?

— Не было пока. Ты первая. Майечка — девочка, открой, пожалуйста, я тут занята...

Майя, на ходу закручивая косу вокруг головы, и зажав шпильки во рту, открыла задвижку и распахнула дверь.

На пороге стояла, высокая худая девица, с растрепанными, не смотря на заколку, каштановыми волосами. Возрастом, может, чуть постарше Майи. Анна — подруга того высокого симпатичного парня... Ильи. Одета девица была в такой же, как и у Майи, белый халат. Только уж больно короткий. «Вероятно чересчур высокого мнения о своих ногах, — подумала Майя, приветливо ей улыбаясь. — Хотя не такие уж они у нее идеальные... И сама, словно из прутиков собрана... Да и лицо — нос длинноватый, рот большеватый — этакая Буратинка. Что интересно, Илья в ней нашел? Хотя, не смотря на subtilность, грудь у нее, надо признать, вполне приличного размера, а на мужиков это, действует неотразимо».

— Привет, — сказала девица, которой видимо, надоело ждать, пока ее закончат рассматривать, и шагнула в комнату.

Майя поспешно отступила в сторону и проводила ее взглядом. Приподняв полы халата, посмотрела на свои ноги. "Да... нам маленьким женщинам сложно тягаться с такими дылдами!.. Разве что каблуки одеть — сантиметров пятнадцать..." В этот момент, она

поймала насмешливый взгляд Варвары Петровны и, одернув халат, с независимым видом, продолжила закалывать косу.

Девушка, смешно поднимая колени, словно гарцующая лошадка, вышла на середину зала и, с видом принцессы в изгнании, осмотрелась вокруг.

— Ну и? Показывайте фронт работ! Горю желанием трудиться.

— Да фронт он повсюду, — философски отвечала ей Варвара Петровна. — Работы невпроворот! Вон, становись пока, гречу перебирай. Как вода в кастрюле закипит, туда высыплешь! Ты с утра хоть чаю глотнула? Нет? Тогда, давайте девоньки, чайку выпьем и за работу! — Варвара Петровна ловко разожгла плиту. — Нужно будет мужикам сказать, чтобы еще пару баллонов с газом принесли. А то на сегодня хватит, а на завтра уже не знаю!

Анна, забавно сморщив нос, критически разглядывала гречневую крупу. Перебрать стакан гречи — это не сложно, а если этой гречи почти что три килограмма? «Похоже, в прошлой жизни, мадмуазель такими простецкими вещами не заморачивалась, — усмехнулась про себя Майя. — Ничего, у нищих, слуг нет — придется повозиться!»

Аня, почувствовав ее насмешливый взгляд, независимо дернула плечом, и одним пальцем стала ворошить крупу.

— Смотри как нужно, она тебя не укусит! — Майя подошла к столу, рассыпала ровным слоем немного крупы. — Ты ее сразу всю не высыпай — запаришься ковыряться! А так — по чуть-чуть! Сор — вот в эту миску, а чистую — сюда. Поняла?

— Не дурнее паровоза! — отрезала Аня, забирая у Майи миску с гречей. — Разберусь как-нибудь!

— Разберешься! Деваться все равно некуда!

— Цыц, не ссорьтесь! Мало нам проблем, тут вы еще в кошки-дыбошки кидаетесь! — Варвара Петровна махнула на девчонок полотенцем. — Вода сейчас скипит, чайку попьем! Сразу настроение улучшится!

— Да уж, улучшится! Оно и так, лучше некуда! — проворчала Аня. — Только чаем и спасешься!

— А чем тебе плохо? Чай, он всегда хорош! Особенно с утра. Мой дед, царствие ему небесное, очень чай любил и с малиновым листом, и со смородиновым, и с мятой! По два чайника мог за раз выпить!

— Ужас, как интересно, чего там твой дед мог выпить и в каком количестве! — продолжала ворчать себе под нос Аня. — Вот ведь, зараза какая, да отцепись ты от меня, в конце-то концов! — это уже было обращено к шелухе, что прилипла к пальцу и не хотела отставать. Аня потрясла рукой, точно кошка лапой. В конце концов, вытерла палец о полу халата. — Так, с этим разобрались, где тут тазик для каши... вот он... туда эту, сюда — ту. Иди сюда тебе говорят... не рассыпаться! — последняя реплика была обращена ко всей крупе в целом — от неловкого движения Анны крупинки раскатились по оцинкованной столешнице. — Учти, с пола я тебя подбирать не буду — валяйся там!

Майя еле сдерживала смех, слушая причитания и ворчание новенькой кухарки. Бедный Илья! Неужто она всегда так комментирует его и свои действия? А в постели? Воображение у Майи разыгралось не на шутку, и от представленной картины становилось еще смешнее.

— Майя, что с тобой? Смешинка в рот залетела? — удивленно поинтересовалась Варвара Петровна. — То за весь день не улыбнешься, а тут стоит, давится!

Майя в ответ только потрясла головой. Но Аня услышала реплику старой поварихи, и, поджав губы, обиженно замолчала.

— Все, вода вскипела, давайте чай пить! — Варвара Петровна расставила на столе разномастные чайные чашки.

Майя старалась не смотреть на Аню, чтобы снова не начать хихикать. А то окончательно примут за деревенскую дурочку.

— Ой, здравствуйте, как мы вовремя! — в дверях появилась «смена» — две женщины зрелых лет, очевидно, те самые, про которых расспрашивала Аня. — Глядите, они тут чай без нас гоняют.

— Давайте, давайте! Проходите девушки. — Варвара Петровна достала еще пару чашек. — Мы уж и заждались! Анна давно пришла, а вас все нет!

— Она у нас молодая, шустрая. Куда нам до нее! — тетки зевали, и сладко потягивались. — Ох, бабоньки, дома от этой готовки никуда было не деться, и здесь, в этой Тьмутаракани, она от нас не ушла.

Дальше разговор завертелся по проторенному руслу — мужья, дети, свекрови — как будто ничего и не произошло — вот посидят эти немолодые тетки, пожалуются на свои судьбы, да и разойдутся по домам.

Ни Майя, ни Аня в общем разговоре участия не принимали, Аня сидела с независимым видом, закинув ногу на ногу, копалась в гречке, а Майя, побыстрее допив чай, выскочила из буфета — пусть институтские сами между собой разбираются, кто, что должен делать. А новеньких Варвара Петровна пускай строит, у нее это хорошо получается, даром что вахтерша!

Майя спустилась в вестибюль. Чем бы полезным заняться, если все равно «выходной день»? Может пойти поискать себе «жилье» — тем более что пустых комнат и кабинетов хоть отбавляй! Нет, потом поищет, надоели ей эти «казенные стены» за два дня. И слоняющейся без дела народ утомил. Все как будто ждут чего-то, или кого-то. Доброго дядю, который придет и всех спасет. Девушка вышла во двор. Похоже, большинство лишенцев-переселенцев точно также не знали, чем именно им заниматься. Несколько мужчин сидели и курили на солнышке. Майя увидела среди прочих «своего» таксиста. Женщин видно не было — может быть занимались «инвентаризацией»? Все-таки женщины более деловитые существа, чем мужики.

Самую большую активность во дворе проявляли Гришка и Женька — сыновья Татьяны. Мальчишки запускали в текущие от сугробов ручьи, «кораблики» из веток и щепок и увлеченно следили за ними — чей придет к финишу первым.

На крыльцо вышел Славка — один из охотников, который молодой.

— Эй, мелюзга, — обратился он к мальчишкам, — чем просто так носиться, вы бы лучше снег в ведра складывали да на кухню к бабе Варе носили!

— Как же мы будем носить? — удивились Женька.

— У нас же ведра нет! — закончил за него Гришка.

— Да вон в каптерке за вахтой ведра стоят! Давайте — бегом! А то скоро совсем без воды останемся! Большую пользу принесете обществу!

Воодушевленные ролью спасителей человечества, мальчишки громко стуча пятками и оставляя на полу мокрые следы, кинулись в каптерку за ведром, а потом снова унеслись в лесок за снегом.

— Вы плотнее снег набивайте, чтоб с полупустыми ведрами не бегать! — напутствовал их Славка.

— Грязная вода будет — за зиму на снег чего только не насыпалось, — задумчиво

сказала Майя.

— Лучше хоть какая-нибудь вода, чем вообще никакой! — философски рассудил молодой охотник. — Даже пол подтереть и то польза, — он глянул на девушку и в глазах зажегся интерес. — Как дела? Свежим воздухом дышишь?

— А у меня выходной, — усмехнулась Майя. — Вот и думаю, куда пойти — может в кино, а может по магазинам пробежаться... как считаешь?

— Не, — хохотнул Славка, — у меня лучше предложение есть! Ты на обрыве была? Хочешь, сгоняем? Посмотришь на окрестности. Иваныч там совещается, на собрании партактива, так что машина ему сейчас не нужна. Я могу взять.

— Почему бы и нет? — девушка кокетливо поправила челку. — Я, наверно, там одна из всех и не была. Давай, а то кругом только и разговоров — лес, лес — даже интересно.

Они пошли к джипу охотников, стоящему в дальнем углу стоянки, возле бокового выезда.

— На какой обрыв поедем?.. — поинтересовался Славка, — ближний или дальний?

— А где море?

— Не-е... — парень смешно вытянул губы трубочкой, — море там, — он махнул рукой куда-то за институт. — Его с обрывов не видать. В ту сторону не доедешь, дороги нет... только если пешком, через лес.

— Нет уж, не хочу через лес! Там сейчас болото, все тает.

— Вот и я про то, — согласился Славка, — поедем по дороге. Асфальт, по крайней мере, уже высох.

Майя искоса посмотрела на своего провожатого — забавный он, все время улыбается. Симпатичный, хоть и щетиной зарос. Между передними зубами щербина. Влюбчивый, значит! А может с ним стоит познакомиться поближе?

* * *

Чужой лес стоял за обрывом плотной, молчаливой стеной. Ни одного знакомого дерева или листика. Когда Славка заглушил мотор, стало тихо — неестественно тихо. Ни пения птиц, ни стрекота кузнечиков. Только легкий ветерок шуршал в высоких кронах деревьев. Чужие деревья, чужие запахи — горячие, влажные. Пахло смолой, влажной листвой и свежеразрытой землей. "Выходит, птиц в этом мире нет — подумала Майя. — А кто, интересно, есть?"

Они прогулялись вдоль обрыва, Славка, очень подробно в лицах расписывал, как и где они чуть не околели от холода, показывал Майе, в какую сторону они ходили с Иванычем, где спускались с обрыва. Хвастался, что первым ступил на «чужую планету» — американцев переплюнули, мол, они всего лишь на Луне побывали, а нас вон куда занесло! Пообещал в следующий раз принести Майе сувенир на память: «если она его ждать будет». Короче, нес какую-то веселую ерунду, старался рассмешить. Майя внимательно слушала, где нужно пугалась, где нужно восхищалась. Даже пару раз спросила о чем-то. А потом уселась на край обрыва, прямо на асфальтовую дорогу, благо сухо, свесила вниз ноги. Славка стоял и курил у нее за спиной. Выкинул вниз окурок, подошел к обрыву, сплюнул.

«Сижу на краю земли, болтаю в воздухе ножками, — думала девушка, — был какой-то мультик, где один из героев хотел добраться до самого края земли, но земля круглая и в итоге он снова вернулся к себе домой. Интересно, а нам когда-нибудь удастся вернуться?»

Достигнув зенита, Солнце явственно клонилось влево.

— Все, пора мне, — Майя поднялась на ноги, отряхнула подол халата. — Скоро моя

вторая смена начнется... поехали Славка домой!

Парень засуетился, кинулся к джипу, завел двигатель. Следя за тем, как он хочет произвести на нее впечатление, девушка усмехнулась. "Однако видок у меня — халат, как у продавщицы, голые ноги и зимние ботинки. В таком виде только знакомство водить". Да и то сказать, на ее тридцать пятый, сменную обувь еще поискать! Хорошо хоть шлепки с собой были, а то по такой жаре пришлось бы босиком «дома» ходить.

Майя сказала неправду — до дежурства было еще далеко. Просто чужой непонятный мир вызывал у нее тревогу и тоску и опять хотелось туда, где все привычно по земному. Хотелось домой. Сейчас чуть ли не первый раз за два дня, Майя подумала про институт — «дом». Именно дом, где живут люди. Где она живет.

Может, привыкает помаленьку?

Дорогие читатели, не забывайте подписаться, чтоб не пропустить продю.
Вам несложно, а мне полезно)

Народного вече, на этот раз, решили не устраивать. В музейной комнате института собралось шестеро. Они уселись вокруг длинного, лакированного стола, окруженного застекленными шкафами и полочками с разноцветными образцами.

Не сговариваясь, сели, с одной стороны трое сотрудников института: Илья, Борис и Михаил Аркадьевич Штерн, а с другой, представители оказавшихся в зоне бедствия граждан, тем же числом. Это были: врач Алексей Федорович, само собой, прапорщик Николай и один из охотников, только недавно вернувшихся из поиска, себя он, без лишних подробностей назвал по фамилии — Семенов.

Вездесущего Марека на этот раз не было, он вместе с Егором Сорокиным отправился на разведку склада гражданской обороны, поручив Илье достойно представить его и всех прочих на ПВЗ (Первой Внеземной Конференции).

Первым попросил слова Семенов. Охотник производил монументальное впечатление. Широкоплечий, могучий, заросший курчавой бородой, напоминающий статью былинного богатыря, он сидел, скрестив руки и уперев локти в стол. Слова произносил медленно, основательно, словно гвозди вбивал.

— ...Прошли мы по всему краю. Наша территория представляет собой круглое плато. Общая протяженность границы — километров двадцать пять-тридцать... точнее сказать трудно, почти везде пересеченная местность. Плато возвышается над землей на десять — пятнадцать метров. И только в одном месте, где глубокий овраг, до земли всего метров пять. Поверхность склона везде ровная, строго вертикальна к поверхности земли. Сей факт, мы проверили при помощи отвеса — привязывали грузик к веревке, опускали в нескольких местах — строго вертикальна!

Итог! Первое впечатление, будто мы с неба свалились на этот лес. Но это не так... сейчас объясню почему. Картина очень любопытная: деревья... те, которые извне... местами их стволы прилегают к склону вплотную — руку не просунуть. А несколько раз мы и вовсе замечали, что стволы будто срезаны вертикально и идеально прижаты к откосу. Но!.. над поверхностью плато ствол снова круглый! Что это означает? А это означает, что мы не упали с неба, а как бы образовались... возникли на этом самом месте.

— Ну, вот все и прояснилось, — саркастически пробурчал Борис, "возникли"...

Семенов несколько секунд смотрел на него тяжелым взглядом, от которого Боря беспокойно заерзал на стуле. Затем сказал без всяких эмоций:

— Я сообщаю факты, а выводы каждый волен делать сам. Далее. Мы спускались вниз...

— Все-таки спускались!.. — тон прапорщика был укоризненным. — Договаривались же! А если бы... Кто отвечать будет?

— Да спускались, — Семенов не обратил на укоризну никакого внимания, — вернее Славка спускался. Он шустро по деревьям лазит.

— И чего там? — заинтересовался Алексей Федорович.

— Ничего хорошего.

— В каком смысле?..

— В прямом! Деревья стоят плотно, кроны смыкаются, нижний ярус всегда затенен — как в глухой тайге. Поэтому внизу ничего не растет, один мох, да слой хвои... ну, или это листья у них такие... я не ботаник.

— А скажите, уважаемый... э-э... — Михаил Аркадьевич снял очки и потер переносицу

— Семенов, — сказал Семенов.

— Скажите, уважаемый Семенов, кого-нибудь из местных, э-э... обитателей, вы там не наблюдали? Я имею в виду живых. Ну, скажем, э-э... птичек, там, белок, или э-э... кого-нибудь еще?

— Нет там никого живого. Пусто, тихо.

— Странно, э-э... вы не находите?

— А вы находите, что в нашей ситуации есть что-то обычное? По сути вопроса, могу предположить следующее: местных обитателей разогнал холод. Все, конечно, помнят, что в момент нашего, так сказать, перемещения, температура опустилась ниже сорока градусов мороза. Насколько ниже не знаю — на нашем термометре шкалы не хватило. Когда все уехали, мы со Славиком остались у этой стены тумана — интересно же, чем дело кончится. В какой-то момент, джип стал промерзать насквозь, когда попытались уехать, еще и двигатель заглох. Уже думали, кирдык нам, но тут вдруг температура стала расти и резко усилился ветер. Туман мигом сдуло, и мы тогда в первый раз увидели этот лес... но только на пару минут. Дальше началась настоящая снежная буря, и видимость упала до нескольких метров. Холодный воздух с плато, попер во внешний мир, а ему на смену поднимались теплые потоки. Короче, такой кавардак начался... наш "Паджерик" под две тонны весит, а его трясло словно картонку. Думали, с обрыва нас сдует, но ничего обошлось... движок, наконец, завелся, и мы раком, раком, вслепую отползли от края, — рассказывая это, прежде невозмутимый Семенов, слегка возбудился, на его щеках появился легкий румянец. Все молчали, видимо вспоминая свои тогдашние ощущения. Илья тоже вспомнил, как они с Марекком бежали обратно в институт, преодолевая сопротивление, рвущегося им навстречу ледяного ветра. "Повезло, что не замерзли..." Он поежился.

— Вы надеюсь, поняли, к чему я это рассказывал? — продолжил Семенов, после эффектной паузы. — На ближайших к обрыву деревьях листья почернели и сморщились. Кто из местных обитателей не смог удрать, те скорей всего околели. Остальных, волна холода с плато разогнала на километры вокруг. Но, похоже, скоро они вернуться. Уже возвращаются... по крайней мере, насекомые.

— Да! — встрял Илья. — Мы сегодня видели нечто любопытное...

Но и ему не дали досказать. Загалдели наперебой. Оказывается, все уже видели нечто любопытное. Кто мух, кто комаров, кто вообще непонятно кого. Всех перебил, гулкой бас Семенова:

— Господа! Разрешите мне все же закончить! — он оглядел присутствующих, и, убедившись, что они вновь обрели способность слушать, продолжил:

— Есть еще один любопытный момент. Мы... то есть наше плато, перегородило небольшую речку. С одной стороны, так сказать, запруды, река разлилась, затопив окрестный лес. С другой же стороны, осталось высыхающее старое русло. Вот, собственно, все. Вопросы?

Михаил Аркадьевич по школьному поднял руку. Семенов уставил на него вопросительный взгляд прищуренных серых глаз.

— Слушаю?

— Я хотел э-э... порассуждать, насчет вашего последнего тезиса про речку. Всем присутствующим, надеюсь уже понятно, что на текущий момент одной из самых насущных, я бы даже сказал, э-э... животрепещущей, для нас проблемой становится отсутствие

источников питьевой воды. Не только, конечно, питьевой... умываться, стирать одежду тоже надо. Но пить, это, прежде всего. Я, конечно, понимаю, что проблема кажется надуманной, когда вокруг сугробы. Но!.. снег э-э... тает на глазах. При такой жаре, его хватит на день-два, не дольше. С едой у нас тоже напряженно... но все, наверное, знают, что без еды человек может прожить больше месяца, а без воды э-э... не протянет и недели...

— Я не подписывался на больше месяца без еды... — проворчал милиционер.

— А я и попадать сюда не подписывался! — добавил Борис.

Штерн сделал останавливающий жест рукой.

— К этому мы, безусловно, вернемся! Но давайте э-э... сперва закончим про воду — без нее нам не выжить! Так вот... уважаемый Семенов, меня, как и всех присутствующих, прежде всего, интересуют две вещи: где находится эта разлившаяся речка и можно ли туда добраться, э-э... на автомобиле?

— Думаю, можно. — Семенов встал и подошел к окну. — Река находится... ну вот если отсюда двинуть на северо-восток. Километров семь-восемь по прямой... Но прямой дороги, вроде бы, там нет. Там ведь лес... я имею в виду, наш лес, земной. Так что, если только проселки.

— Проселки, это уже кое-что! — Штерн довольно потер свои сухие ручки. — Я думаю надо э-э... организовать туда экспедицию... прямо завтра с утра! Сперва поисковую, чтоб найти подходящую дорогу, а потом уже, собственно, и за водой. А одновременно совершить э-э... поход в лес э-э... наш, разумеется, лес. Там снега еще много, и главное он чистый. Заодно будет работа, нашим болтающимся без дела товарищам. Болтаться без дела нехорошо. В жизни должен быть смысл, иначе э-э... недалеко до морального разложения, признаки которого я уже наблюдаю, — он со значением посмотрел на прапорщика. Тот важно кивнул.

— Вчера вечером, — продолжил Михаил Аркадьевич, — группа товарищей-приезжих, раздобыла где-то этиловый спирт и напились, простите, совершенно до свинского состояния... приставали к женщинам... Да женщины, собственно, тоже хороши! Я понимаю, все расстроены, нервы у всех... но если не держать себя в рамках, то нашей маленькой компании, очень скоро, не поздоровится! Вот интересно, где они взяли спирт?

Илья с Борисом переглянулись.

— А что вы на нас-то смотрите? Спирт в любой комнате найти можно.

— Вот, собственно, это я имел в виду! Надо бы его собрать и снести в одно место, на котором неплохо бы повесить хороший замок.

— Брателлы из джипа тоже время не теряли, — мрачно сообщил Борис. — Сам видел, как они шарились по комнатам. Я им, типа, мужики, это ж все общественное...

— А они? — спросил Штерн.

— Только, что матом не послали. Иди, говорят, мил человек, подбру-поздорову, если зубы не жмут и все остальное в пору. Я и пошел. А что делать, четверо их, и все лбы здоровые. Потом видел — тащили мешок какой-то жратвы и бутылку пятилитровую со спиртом.

— Борзеют! — задумчиво сказал Семенов и повернулся к прапорщику. — Надо бы поучить пацанов? А то совсем обнаглеют, на шею сядут. Как думаешь, милиция?

— А чего? — неуверенно пробормотал тот. — Ну, взяли спирт... кто его только не брал. Но потом-то, вели себя тихо, не бузили... Во всяком случае, не больше других, — он пожал плечами и продолжил. — Да и пойдя, поучи их... ребята серьезные, за версту видно. Они походу, фуру охраняли... У того, который в фуре, у шоферюги, помповуху сам видел. Так что

и остальные скорее всего при пушках! Так что... — он развел руками.

— В фуре что-то серьезное, — предположил Илья, — кто-нибудь из "братков" всегда возле нее трется, пока остальные по территории шакалят. Ведут себя, кстати, вызывающе нагло, везде нос суют! Во время еды норовят ухватить порции побольше. У меня такое ощущение, что они пока присматриваются, оценивают, так сказать, обстановку. Когда поймут, что к чему, будет поздно. Надо что-то делать.

— Вот интересно, что в фуре? — Алексей Федорович задумчиво потянул из пачки сигарету. — Впрочем, что бы ни было, делиться этим с общественностью они не хотят. Ладно! Давайте это обсудим после. А сейчас, все же, закончим про насущное. В чем станем носить воду?

— На складе химреактивов есть фляги! — вспомнил Илья. — В них спирт как раз и хранился. Их и для воды можно использовать.

— Это, какие фляги? — поинтересовался врач.

— Да алюминиевые, двадцати пяти литровые.

— Отлично! Единственно... как мы узнаем, что тутошняя вода пригодна для питья?.. даже и при условии кипячения. Вы ведь кажется химики? Сможете определить состав?

— Я технолог, а не аналитик, — сказал Штерн. — А вы молодые люди?

Борис развел руками и покачал головой.

— С классическим химическим анализом я никогда дела не имел. А ты, Васильев?

Илья пожал плечами.

— Если рассуждать теоретически, то все необходимое оборудование имеется... и для элементного состава, и на содержание органики. Но электричества-то нет! Соответственно, все приборы просто груды железа.

— Я точно знаю... — вмешался Штерн, — что на складе э-э... оборудования есть переносной дизель-генератор, киловатт на десять. Если его расконсервировать и запустить... Электричество-то нам в любом случае понадобится. Кто-нибудь в этом разбирается? — он обвел вопросительным взглядом все присутствующих.

— Славка мой разбирается, — сказал Семенов. — Ну и я малость. Тут вопрос в другом: сколько у нас топлива? Что толку с этого генератора, если солярки нема.

— С бензобаков посливать можно, — придумал прапорщик. — У одного "Вольво" баки литров на семьсот.

— Ага, — возразили ему, — дадут тебе оттуда слить! Держи карман...

— Может, я ошибаюсь... — задумчиво произнес Борис, — но мне помнится, в гараже бочка с соляркой стояла, на всякий случай. Проверить бы надо...

— Хорошо! — подытожил Михаил Аркадьевич, — будем решать вопросы э-э... в рабочем порядке. Теперь еще об общечеловеческом, то есть э-э... про еду. Так вот, по моим прикидкам, еды у нас... я имею в виду, той, что в буфете, дня на три хватит, на четыре с трудом... ну если при строжайшей экономии, максимум э-э... до конца недели.

— И что нам делать? — растеряно пробормотал Борис. — Помирать голодной смертью? Или друг друга начинать жрать?

— Ну... — пожал плечами Штерн, — до э-э... каннибализма, надеюсь, мы не дойдем. Форса в несколько дней у нас есть. Будем по первобытнообщинному, заниматься собирательством... грибы, ягоды, э-э... плоды. Возможно охотой... — он посмотрел на Семенова. Тот хмуро кивнул.

— Если тут есть на кого охотиться — добудем.

— Еще бы знать, — усмехнулся Илья, — можно ли употреблять местных обитателей, так сказать, в пищу.

— Вот когда добудем, тогда и станем решать, можно или нет.

— Я думаю, — вмешался Алексей Федорович, — что при прочих равных условиях... имею в виду состав воздуха, состав воды, жизнь на основе белка... Короче, если мы можем дышать этим воздухом и сможем пить местную воду... то и местных обитателей скорей всего сможем есть. Хотя бы некоторых. Насекомые, во всяком случае, похожи на наших, только больше размерами. Да я в качестве примера... — добавил он, глядя на скривившиеся от отвращения физиономии присутствующих. — Я ж не предлагаю их есть.

— А что? — усмехнулся Илья, — Жирненькие, питательные. Египтяне саранчу едят, южноамериканские индейцы, каких-то червяков, китайцы муравьев. В общем, голод не тетка.

— Забавно, — задумчиво протянул Борис. — Не успели попасть в этот мир, а уже собираемся, есть его хозяев.

— Какой мир? — прапорщика Николая, аж передернуло от этих слов. — Каких хозяев? Мы на Земле или где? Вы что думаете, мы не на Земле? Вроде бы умные люди здесь собрались... а городите всякую чушь! Нам бы продержаться пару, тройку недель пока закончится этот гребаный эксперимент...

Институтские переглянулись.

— Успокойтесь, пожалуйста, Николай, — тон у Штерна был утешающе-назидательным. — Мы, собственно, и обсуждаем тут, краткосрочную перспективу нашего выживания... как нам прожить эти две-три недели, пока нас э-э... спасут...

— Так и не болтайте тогда ерунды! Охота... грибы-ягоды... Там справа от дороги, в паре километров дачный поселок, погреба опять же. Вот и надо пошарить там. Хотя... взгреют нас потом за самоуправство!

— А хорошая, кстати, мысль! — поддержал его Алексей Федорович. — Хлеба и мяса в погребах, конечно, не держат... разве что сало... и то вряд ли. А вот картошечка и разные соленья-варенья — это нам сильно поспособствует.

— Да я ж не возражаю, — Штерн досадливо поморщился, — тактика, это вещь хорошая... но, на всякий случай, надо ж думать э-э... на перспективу. Надеяться, так сказать, на лучшее, но и худший вариант держать в уме... вдруг нас э-э... не спасут через пару недель, а скажем через месяц или э-э... год? Или вообще... Что ж мы, будем надеяться на картошку в погребах?

— Тоже мне, стратег, понимаешь, выискался! — буркнул себе под нос Николай. — Научили вас на свою голову...

— Если держать в голове худший вариант, как вы предлагаете, Михаил Аркадьевич... — Борис вздохнул, — лучше сразу попросить, вон, у Семенова ружье и застрелиться...

— Что вы такое, Боря, говорите? — всплеснул руками Штерн. — Никто тут не собирается стреляться! Но думать-то надо, вы ж все-таки, научный работник! Или не надо?

— Ладно, ладно! — Илья постучал ручкой по столу, гася готовый разгореться, бесплодный спор. — И думать надо, и надеяться надо. Давайте, что ли резюмируем, о чем мы тут насовещались, чтобы это не стало разговором в пользу бедных, — он раскрыл блокнот. — Итак, первое... К речке разведку организуем? Организуем. Второе — в лес, за водой, за снегом... организуем?.. Третье... — он перечислил и записал все обсуждаемые ими пункты. Возражать никто не стал.

— И вот еще... — добавил он от себя, — канализации у нас теперь нет. Предлагаю оборудовать, так сказать, удобства во дворе... мужские и соответственно, женские. Иначе, по нынешней-то жаре, скоро такая вонь поднимется, что и аппетит пропадет.

Этим своим высказыванием, он несколько разрядил обстановку. Народ в комнате стал улыбаться и высказывать предположения, кого следует посылать на вышеуказанные работы. У прапорщика тут же родилась идея, что не плохо бы сделать данный труд воспитательной мерой административного воздействия и начать с вчерашних любителей спирта. Илья только усмехнулся на это предложение. Не далее, как вчера вечером, сам Николай обращался к нему с просьбой выдать им на пару с сержантом, пятьсот грамм фронтowych и воды на разбавление оных.

Правда, они с сержантом, не в пример другим, вели себя тихо. Получив просимое, куда-то испарились, и больше их никто до утра не видел. Хоть и искали специально, для установления, так сказать, порядка. Пока заполошная Варвара Петровна бегала и безуспешно разыскивала милицейскую власть, Илья с Марексом, тоже надо сказать, хорошо к тому времени принявшие, спустились к не на шутку развеселившимся товарищам по несчастью. Выпив с ними в знак уважения, предложенные пятьдесят грамм, стали уговаривать гуляк, подоброму, разойтись спать или идти веселиться в лес, где они никому не смогут помешать. Те в итоге, прислушались к доводам разума (а может просто устали пить) и постепенно уснули.

Компания, надо сказать, подобралась забавная: пять мужиков и с ними одна девка, со смешной такой разноцветной челкой. Как ее? Светлана кажется. Хороша же она была — во чтобы ни стало, хотела станцевать на столе, чуть до стриптиза дело не дошло. Насилу отговорили. Вокруг компания нетрезвых мужиков, мало ли кто чего спьяну удумает. Илья улыбнулся воспоминаниям. Смешная девка — лезла потом к нему целоваться. Еле отбился, хорошо Анютки рядом не было. Спутник Светланы, странный малый, весь вечер сидел как сомнамбула в углу и бессмысленно таращил глаза.

Его мысли были прерваны неожиданным образом. С грохотом распахнулась входная дверь. В проеме показалась перекошенная физиономия сержанта.

— Семеныч!.. — заорал он, выпучивая глаза, и остановился, недоуменно разглядывая остальных присутствующих, словно видел их в первый раз. Затем странно осклабился. — Сидите тут? Разговорчики беседуете? А у нас ЧП! Жмур, походу, образовался!..

Поскольку Татьяна опять исполняла роль писаря-завхоза, в буфет отправили Марину — студентку. Одну из тех, кто ехал в тот вечер в автобусе. Третьей стала Светлана — девчонка с розово-зеленой челкой. Следом за ней в буфет притащился и ее тощий дружок Юрик. На все вопросы Варвары Петровны — чего ему здесь надо, он только лупал мутными глазами ничего не отвечая, а потом уселся за крайний у окна столик и уронил голову в ладони.

— Кокс у него кончился, кумарит его... торчок противный — зло и непонятно объяснила Светлана, — таскается за мной везде теперь.

Юрик поднял голову и посмотрел на нее умоляющим взглядом.

— Господи! Да говорю же, нет у меня! Где я тебе возьму? — крикнула она ему. — Давай иди отсюда! У "братвы" проси, у них навалом этого говна!

— О-нн-и н-не дают, так п-просто... — Юрика трясло, аж зубы лязгали.

Светлана некоторое время смотрела на него, как показалось Майе, с состраданием.

— Что, совсем плохо? Ну, ляг, поспи... или спирту выпей! Может полегче станет. Будешь спирт?

Юрик молча кивнул. Светлана обернулась к Варваре Петровне, в глазах у нее была мольба. Вахтерша молча достала из-под прилавка маленький пузырек, доверху наполненный прозрачной жидкостью. Та приняла посудину.

— А разбавить?

— Н-не-надо... — Юрик выхватил пузырек из протянутой руки, свинтил пробку и смачно хлебнул. Закашлялся, зажал себе ладонями рот, чтоб спирт не выплеснулся наружу, лицо его исказилось страданием.

Варвара Петровна покачала головой.

— Как же люди над собой издеваются, господи, боже мой!

Светлана просительно посмотрела на нее

— Пусть он тут посидит? Он же не мешает никому. А?

Вахтерша пожала плечами.

— Мне-то что... пусть сидит. Мож работу, ему какую дать несложную? А то совсем загрустил человек. О! У нас тут соль намокла... на мешок с крыши натекло. А теперь высохла и прямо как камень стала. Пусть потолчет, заодно и развлечется, чего без дела-то сидеть, — она вынесла из подсобки, средних размеров, бронзовую ступку и пестик. Поставила их на столе перед Юриком. Следом Марина притащила несколько крупных кусков закаменевшей соли, положила перед ним же.

— Давай милок, — ласково сказала Варвара Петровна, бросив один кусок в ступку, — толки! А натолченное в кулечек ссыпай. Сможешь, поди? Трудотерапия она очень способствует!

Юрик окинул всех осуждающим взглядом. Дескать, смерти моей хотите? Затем заметно трясущейся рукой взял пестик и пару раз вяло тюкнул кусок в ступке. Весь его вид говорил: "Будь, по-вашему, только отстаньте, бога ради".

— Ладно! Давайте, давайте товарищи-девушки, шевелитесь!.. — переключилась Варвара Петровна на своих помощниц.

Глядя на нее, Майя не переставала удивляться — не выходит из буфета с самого утра, а до сих пор бодр и активна.

— ...Нам теперь в десять раз больше нужно вертеться! — продолжала щебетать главная повариха. — И не, потому что народу много, а потому что продуктов мало. Так что каждую корочку и косточку в дело пускать нужно!

— Почему женщины готовить должны? — с неудовольствием спросила Марина, пряча кудрявые черные волосы под косынку. — А мужики только есть будут?

— Не возмущайся девочка, — подмигнула ей Варвара Петровна, — мужчинам тоже работы хватит. Ой, хватит! Все тут хлебом! Продуктов дня на три, не больше. Чем потом питаться, не представляю. Давай, бери ножик, садись вон, к Майечке, чисть картошечку. А я пока компотом займусь. Ох ты господи, воды-то у нас в обрез. Надо срочно мужиков в лес посылать за снегом.

Ужин был назначен на девять часов. Меню состояло из вареной картошки с тушенкой и компота из сухофруктов.

* * *

Марина скептически поглядела на внушительную горку картошки, которую им предстояло перечистить, затем на тупой столовый нож и на свои руки.

— Только в понедельник маникюр сделала...

Майя, с ласковой улыбкой, показала ей на место рядом с большим баком, в котором валялись несколько чищенных картофелин, подумав про себя: "Тоже мне цыпа-дрипалимпомпони! Маникюр тебе здесь без надобности". Марина села на стул, вставила в уши наушники плеера и, вздохнув, принялась за картошку.

Светлана, свесив пеструю челку на нос и хмуро глядя перед собой, колупала луковицы. Варвара Петровна, высыпав сухофрукты в большой чан с кипящей водой, задумчиво помешивала.

Чистка картошки дело скучное, разговор что-то не клеился, и Майя, прислушиваясь к шепоту наушников своей поделницы (везет же некоторым), поглядывала в окно. Хотя и там ничего интересного. Вечерело. Краснеющее солнце клонилось к горизонту. Его лучи путались в голых остовах берез. "Вот интересно, — думала Майя, — березы, как будто держат круговую оборону от окружающей нас сельвы. Словно прикрывают собой жалкое «поселение» людей. А ведь через неделю-другую по такому теплу деревья распустятся, и наша земля перестанет выделяться из окружающего леса".

От раскаленной плиты и баков с кипящей водой шел жар. Дышать стало совсем нечем, и Светлана, оторвавшись от своего лука, распахнула окна. В кухне потянуло сквозняком. Переливаясь через подоконники, потек, влажный густой воздух, начиненный странноватыми, чужими запахами.

В окно влетело что-то большое, жужжащее и стремительными зигзагами заметалось по буфету. Низко, над самыми головами. Женщины завизжали, прикрываясь руками. Один только Юрик безучастно следил за событиями из своего угла. Существо гудящее, как маленький самолет, нарезало несколько кругов над кастрюлей с компотом, словно камикадзе над американским крейсером, похоже, собираясь пикировать.

— Пошел, пошел!.. — Варвара Петровна замахала руками, прикрывая собой кастрюлю.

— Посторонись! — Майя, подхватив шумовку, приняла позу теннисистки. Как только нарушитель границы оказался в пределах досягаемости, шумовка свистнула, рассекая воздух и сочно шмякнув, попала в цель. Сбитый летун, мелькнув над головой, испугано пригнувшись Светланы, громко брякнул о блестящий кожух вентиляции и упал на буфетную стойку. Майя, как пантера, прыгнула к стойке и прижала насекомое шумовкой, но

оно и так больше не шевелилось.

— Шустра ты, девушка, — покачала головой Варвара Петровна, — ой, шустра!

Женщины осторожно склонились над стойкой. Майя приподняла шумовку. На пластиковой поверхности лежало странное существо. С виду обычная муха — две пары крыльев, шесть скрюченных ножек, черная, мохнатая, лупоглазая... вот только величиной она была с Майин кулак.

— Гадость, какая!.. — пробормотала Светлана, — нужно будет хоть марлю где-нибудь найти да натянуть.

— Я ее боюсь! — заныла Марина. — Выкиньте ее отсюда!

— Чего боишься-то? — недоуменно покосилась на нее Майя. — Она ж дохлая.

— А вдруг оживет! Ну, выкиньте ее, пожалуйста!.. и окна закройте. Лучше уж жара, чем такое.

Майя потрогала муху шумовкой. Та не подавала признаков жизни. Девушка храбро ухватила ее за одно из крыльев, победно посмотрела на безглиявые лица окружающих, и, подойдя к окну, выкинула трупик на улицу.

— Руки не забудь помыть! — сказала ей в спину Варвара Петровна. Помолчала и добавила. — И шумовку тоже! А представьте девочки, если такие местные тараканы напоззут?! Тут, пожалуй, никакой «раптор» не поможет!

* * *

Приготовление ужина несколько затягивалось. Светлана выскочила «на минутку» — покурить и не возвращалась уже полчаса. Варвара Петровна с Майей сняли с плиты кастрюлю с компотом и поставили ее на сквозняк — охладиться. Марина, вооружившись консервным ножом, уже приготовилась вскрывать банки с тушенкой, когда в буфет явился Владик, по погонялу — Рыба — самый молодой из "братвы".

— Салют, чики! — он встал в дверях, уперев руки в бока, голый по пояс, весь в синих татуировках, в закатанных джинсах и босиком. Потянул носом воздух и удовлетворенно констатировал. — Бациллой тянет!

— Чего надо? — подозрительно спросила его Варвара Петровна. — Майя, ты, почему дверь не заперла? Чего надо? — повторила она вопрос. — Ужин еще не готов! Иди с богом! Нечего тут толочься... давай, давай проваливай!

Рыба уставился на нее своими прозрачными пустыми глазами.

— А чо ты так разговариваешь, ковырялка старая? Я может, хочу проверить, не закрысили вы тут шамовку, общественную?

— Что?.. — Варвара Петровна растерянно захлопала глазами.

— Хер в пальто! — объяснил ей Рыба. — Короче, тетки — мы сегодня у вас тут бакланить не будем, так что люди меня прислали, чтоб я нашу пайку забрал. Догнала, старая? — произнося эту зажигательную речь, он приблизился к буфетной стойке и увидел тушенку. — О! Я гляжу вы тут кучеряво живете! На обед кирзу с сухарями давали, а сами тушенку гасят! — он извлек из кармана джинсов, пластиковый пакет и тряхнул его расправляя. — Нас пятеро... значит по банке на рыло — это справедливо! — с этими словами он смахнул все банки в пакет и, усмехаясь, глянул на обалдевших от такой наглости женщин. — Чо бебики вылупили? Хлеб где? — он в упор посмотрел на Марину. — Хлеб, спрашиваю, где?

Та испуганно сглотнула и молча показала глазами в угол, где в картонной коробке, укрытые клеенкой, чтоб не засохли, лежали хлебные буханки. Рыба отдернул кленку,

удовлетворенно цыкнул зубом и переложил из коробки в свой пакет две буханки. Приговаривая: "Будет, что на кишку бросить! О!.. кофееза!" — он сгреб с буфетных полок большую банку с растворимым кофе, коробку с чаем, несколько упаковок пряников и чипсов.

— Ты что ж это делаешь, оглоед?! — опомнилась, наконец, Варвара Петровна. — Это ж на всех были продукты! На ужин! А ну давай, выкладывай обратно! — она попыталась загородить ему дорогу.

— Не скесуй, старая! — Рыба легко отстранил ее и направился к выходу. Проходя мимо Марины, он откровенно заглянул в глубокий вырез ее блузки и ущипнул за талию.

— Гы... клевая телка!.. Сиськастая!

Девушка шарахнулась от него, судорожно застегивая пуговицы на груди.

— Да ты не очкуй, соска! — Рыба сально подмигнул ей. — Заглядывай к нам! Мы пацаны веселые! Покноцаем, ливер подавим, а? В стирки пошпилимся. Гы... — помахивая пакетом, он вразвалочку, приבלатненной походкой, направился к двери.

Еще не понимая, что делает, Майя внезапно сорвалась с места, обогнала его, и, подскочив к двери, закрыла ее на ключ.

— Положи продукты на место, гад!

Рыба остановился, недоуменно разглядывая неожиданно возникшее препятствие.

— Ты че, мелкая, попутала? — спросил он почти ласково. — Ты тоже к нам заходи, если чо, я расокосеньких люблю. Ну-ка ключ давай!

Майя мотнула головой и по-детски спрятала руку с ключом за спину.

— Уйди от нее! — внезапно раздалось из угла.

Рыба удивленно обернулся. Кто там еще голос подает? Доселе отрешенный Юрик, словно очнулся и смотрел на "братка", мутным, злым взглядом. Тот усмехнулся и смерил взглядом его тщедушную фигуру.

— Это еще, что за хер с бугра?

— Я сказал, отойди от нее и жратву полож!

— Засохни, обсос! — посоветовал ему Рыба, небрежно сплюнул и добавил. — Козел захезанный!

— Кто козел? — вяло удивился Юра, но тот уже отвернулся от него и опять смотрел на Майю.

— Дверь отомкнула, я сказал!

Но девушка, молча, упрямо помотала головой.

— Кто козел? — канючил из своего угла Юра. — Ты кого козлом назвал?

Но "браток" больше не обращал на него внимания, в упор, глядя на Майю.

— Ты че не догоняешь? — спросил он уже свирепым тоном, нависая над ней и делая зверскую рожу. — Оборзела, чо ли, сучка узкоглазая? Да я тебя!.. — он занес над ней руку со скрюченными пальцами.

Девушка не двинулась с места, только зажмурила глаза и вжалась спиной в дверь.

— Кто козел? — услышала она близко. И сразу же глухой стук и через секунду звук грузно рухнувшего тела. Майя осторожно открыла один глаз. От того, что она увидела, немедленно открылся второй глаз, и оба они полезли на лоб: Рыба лежал на полу и не подавал признаков жизни. Возле его бритой головы быстро растекалась лужица крови. Рядом валялся раскрывшийся пакет. Банки раскатились по всему полу. Над поверженным "братком" стоял Юра с бронзовым пестиком в руках. Он пошевелил тело носком ноги и

констатировал:

— За козла ответил! — после этого, уронив пестик на пол, он опустился на корточки и начал шарить у Рыбы по карманам. Извлек маленький пакетик с белым порошком и, восторженно хрюкнув, поспешил к своему месту в углу. В буфете установилась жуткая тишина. Наконец, Майя пришла в себя. Она присела над "братком" и протянула руку к его шее, чтобы проверить пульс, как вдруг, тот внезапно дернулся. Девушка испуганно отпрянула и, не удержав равновесия, уселась на пол. Тело Рыбы продолжало дергаться еще несколько секунд, затем затихло. "Конвульсии..." — с ужасом поняла Майя.

— Кажется, умер! — сказала она вслух и подняла взгляд на окружающих. Женщины так и стояли возле буфетной стойки, с белыми лицами и распахнутыми настежь глазами.

— Убили!.. — наконец прошептала Варвара Петровна. — Убили! — заголосила она через несколько секунд и, ускоряясь, выскочила на кухню. Хлопнула входная дверь и стихла торопливая дробь шагов по лестнице.

* * *

— Готов? — уныло спросил прапорщик Николай.

Алексей Федорович, возящийся возле тела Рыбы, поднял на него глаза и молча кивнул.

— Ну и что тут произошло? — прапорщик начал нервно раскачиваться с пятки на носок, засунув большие пальцы рук за ремень.

— Этот, короче... — начал объяснять сержант, указывая на "братка". — Короче, продукты попер из буфета, — указующий перст переместился на валяющиеся банки. — Девка ему дорогу загородила, типа, не пушу и все такое. Ну, начались разборки! То — се... Хотел он ей, значит, навешать. Навешать, да! А тот... — он показал, на, заметно повеселевшего, Юрика, — по башке его отоварил, вот! Все.

— Этим? — прапорщик поддел носком ботинка окровавленный пестик.

— Этим, — согласно кивнул сержант. — Ну и проломил, значит, чердак. Тот и это... прижмурился.

— Что, из-за тушенки?

Сержант только пожал плечами и промолчал, дескать, что тут скажешь, слов нет.

— Да-а... — протянул Николай, — звереем походу! Сегодня из-за тушенки убиваем, а завтра что?.. из-за бычка недокурного? — он повернулся к Юре, который с отсутствующим видом наблюдал за мизансценой. — Ты чего натворил, а?.. придурок? Совсем с катушек съехал?

— А чо он... — извиняющее монотонно загундосил Юрик, — еду взял, девок хватал... еще обзывать начал.

— Судак, ты белоглазый, обдолбанный! — констатировал милиционер и повернулся к, обступившим тело, представителям общественности. — Ну, что делать будем, господа хорошие?

— Его, — Семенов кивнул на Юрика, — надо срочно изолировать. Есть куда?

— В кассу, — предложил Михаил Аркадьевич, — там двери железные, решетки.

— Так там же запор изнутри! — удивился Илья.

— Вот и хорошо! — сказал Семенов. — Спокойней будет! По крайней мере, дружки этого бывшего отморозка до него не доберутся. Что с ним делать потом решим, а пока есть проблема поважнее.

— Отведи, — кивнул Николай сержанту.

Тот подошел к Юрику и взял его за локоть. Парень послушно начал вставать. Светлана,

которая до этого, с растерянным видом стояла рядом схватила его за другую руку, словно намереваясь удержать.

— Куда вы его? Что с ним будет? — и Юрику. — Ну, зачем ты это сделал? Пусть бы он подавился тушенкой, гад.

— Пошли! — дернул его сержант.

— Ладно, Свет, чего ты? — бормотал тот, осторожно забирая у девушки свою руку. Никакого раскаяния на его лице не было.

— Что?.. — поинтересовался прапорщик, глядя на его белый от порошка нос, — уже успел раскумариться, сволочь?

Юрик бессмысленно улыбнулся в ответ, очевидно, ему было хорошо.

— А где эта касса-то? — спросил сержант.

— Там, там! — замахали руками институтские.

— Пойдем, покажу! — заворковала Варвара Петровна и поспешила впереди них, бормоча:

— Убивец, прости меня Господи!.. сподобилась на старости лет, такое страсотерпие увидеть... — и еще что-то неразборчивое. Остальные институтские пошли за ними.

Семенов посмотрел им вслед и снял с ремня маленькую рацию.

— Славик! Славик... слышишь меня? Прием!

Рация тихо согласно зашипела в ответ.

— Короче, — продолжил Семенов, — хватай свою "Сайгу" и мой "Зауэр" и дуй сюда! Да, "помповуху" тоже захвати. Патроны?.. Картечь... да, правильно понял!.. Давай без вопросов, здесь все узнаешь! Быстрее! Нет, подожди, сперва... — дальнейшие слова были произнесены так тихо, что не разобрать.

— Что собрался делать? — тревожно оглянувшись, не слышит ли кто, спросил его Николай.

— Что, что... — повернулся к нему охотник. На лице его сияла довольная улыбка, словно он был рад происходящему. — По обстоятельствам будем действовать, браток, по обстоятельствам!

— По каким таким обстоятельствам? — прошипел прапорщик, спадая с лица. — Зачем тебе стволы? Ты что тут, войнушку собрался устроить? Ты прекращай, давай!

— Это ты прекращай!.. — лицо Семенова стало жестким. — Бздо свое прекращай! Ты что хочешь, чтоб уркаганы тебя за кадык взяли? Они могут! И, кстати, конкретно тебя любить-то им не за что! Вон посмотри на этого... — он показал на расписанное блатными татуировками тело Рыбы, и констатировал. — Хорош гусь! Такие тебя сожрут и не подавятся! Так что готовь пушку милиция, и радуйся, что я на твоей стороне. Сейчас наступит момент истины. "Калаш" твой, как? Не заржавел? — Семенов хохотнул и хлопнул прапорщика по плечу своей могучей рукой, так, что его заметно шатнуло.

Они постояли молча, закурили.

Громко топая сапогами по лестнице, сбежал запыхавшийся Слава с ружьями на обоих плечах. На ходу сдернул семеновский карабин с оптикой, протянул ему. Тот не спеша, принял, отстегнул магазин, проверяя боекомплект, и несколькими фразами обрисовал создавшуюся ситуацию. У Славы, по мере того как он слушал, вытянулось лицо, но когда начал говорить, в голосе его не было и тени сомнения:

— Что делать будем командир?

— Где, эти?

— У джипа своего трусся.

— Все?

Слава пожал плечами.

— Все вроде, пятеро там, один здесь.

— Ладно, иди в вестибюль понаблюдай. Как сюда пойдут, сразу к нам.

— Сумасшедшие... — пробормотал Николай, отходя от них. Взгляд его уперся в Майю, которая ползала на корточках, собирая в охапку, раскатившиеся по полу, продукты, и остановилась возле них, прислушиваясь к разговору. — Чего выставилась? Собирай, давай быстрее, и дуй отсюда, чертова кукла! Все из-за тебя!

Девушка медленно выпрямилась. И без того не слишком широкие ее глаза, сузились в две щелочки, а смуглое лицо побелело. Одна банка выпала из, вдруг ставших непослушными, рук.

— А вы мне не хамите, товарищ милиционер! Я, между прочим, не для себя... — она запнулась, от злости не находя слов, — ...старалась!

— Старательная, бля!

— И впрямь Коля, — усмехнулся Семенов, — зачем грубишь барышне?

Прапорщик в сердцах сплюнул и отвернулся.

Семенов подошел к ней, дружески приобнял своей медвежьей лапой за плечо.

— Не сердчай на него, девочка, это он от нервов! Все мы тут нервными скоро станем... — он посмотрел ей в глаза. — Значит, это ты отморозка застопорила? Мелкая, а смелая! Уважаю! А если б он тебя того?

Майя растерянно улыбнулась, она не знала, что было бы, если б он ее «того». Семенов наклонился, поднял с пола банку, положил поверх других продуктов, которые она продолжала держать в руках.

— А теперь и вправду, иди дочка, спрячься где-нибудь... и эту с собой забери! — он кивнул на растерянно торчащую возле стойки Светлану.

Майя опять улыбнулась — дочка — да ему, кажется, и сорока еще нет.

Подошел Алексей Федорович, отходивший в медпункт проведать больную. Глянул на серое лицо прапорщика и ухмыляющуюся физиономию Семенова.

— Что происходит?

— Да ничего особенного! — успокоил его охотник. — Вы тоже идите доктор... и девочек с собой захватите. А мы тут постоим, побалакаем малость с народом.

— Что значит идите? Никуда я не пойду! Я что вам пацан, меня отправлять?

— Идите, идите! — тон Семенова был непререкаемым. — Вы у нас, человек самый важный! Один в медицине сечете... не дай бог, что случится, без вас никак, сами понимаете! А мы людишки простые, нам, что... Есть мы, нет нас...

— Простые, — недовольно фыркнул Николай. — Бред...

— И в правду, — поддержала охотника, Майя, вернувшаяся от стойки, куда выгрузила продукты, — пойдёмте Алексей Федорович. Мне кажется, нам кое-что обсудить нужно!

Недовольно ворчащий доктор все-таки дал себя увести.

В коридоре послышались громкие голоса. Вернулись сержант с институтскими, к которым уже успели присоединиться Марек с Егором Сорокиным. Они, шумно галдя, обступили труп, обсуждая происшествие.

— Ну и чего там? — обратился Николай к сержанту, который, закинув автомат на плечо, по-партизански стволом вниз, сосредоточенно выуживал сигарету из смятой пачки.

— Ну, заперли вроде...

— Все у тебя ВРОДЕ! — прапорщик бросил окурок на пол и с ожесточением растоптал его ногой. — Ну-ка дай сюда "Калаш"... Он у тебя хоть заряжен?

— Да ладно Семеныч!.. — парень торопливо снял автомат с плеча и протянул начальнику, — чего зверишься-то? Я-то тут причем?

— Никто не причем! — Николай отстегнул магазин, поднес к глазам. — Никто не причем... — повторил он, — а все в ж-жопе! — оттянул затвор, заглянул в канал ствола. Щелкнул затвором, воткнул магазин на место, вернул оружие сержанту.

— Короче!.. Сейчас, наверно, будет разборка с "братвой". Возможно, придется пугнуть... затвором дернуть... если сильно наезжать начнут.

— Думаешь, начнут?

— Начнут, начнут, — обнадежил подошедший к ним Семенов, — куда им деваться? Авторитет надо поддерживать, — он обернулся к Илье. — Эй, парень, иди-ка сюда!

— Я? — удивился Илья.

— Ага. В "стрелке" поучаствовать не хочешь? А то все, понимаешь, мы, приезжие. Кто-то ведь и из хозяев должен тут быть. Для весу, так сказать, — Семенов усмехнулся. — Да делать ничего и не надо, просто постоишь с нами рядом, гривой покиваешь. Согласен?

Илья молча пожал плечами — надо так надо.

— Вот и отлично! — Семенов протянул ему руку. — Я знал, что ты согласишься. Сразу видно — парень боевой!

"Кто он такой? — думал Илья, механически пожимая широкую ладонь. — Десантная майка, камуфляжные штаны, непогрешимая уверенность в себе. Вон менту, аж на месте не стоитя — вся плешь потная. А этот уверен, как слон. Кто он? Просто охотник? Что-то не верится... Офицер? Спецназ? Ладно, жизнь покажет, кто тут прав, а кто нет".

К ним протиснулся Марек.

— Я тоже!

— Не надо, — поморщился Семенов, глядя на его неспортивную фигуру. — Что тут, в самом деле... просто поговорим, да и все!

— Вот и я ...

— Не надо! — повторил Семенов, уже жестким тоном. — Не надо создавать толпу! Давайте-ка ребятки, расходитесь по домам. Не загораживайте оперативный простор! Вон уже и Славик бежит. Что там Славик?

— Этот... — Слава шумно выдохнул воздух и опять вдохнул, — водила автобуса, в общем, он доложил, похоже, "братве". Короче, они сюда идут! Трое. Двое во дворе остались — чего-то в фуре роются.

— Так!.. — развернулся Семенов, — К бою и походу приготовиться! Гражданских попрошу очистить помещение! Давайте, давайте, в боковой проход и на второй этаж! Да побыстрее, ребятки, быстрее!

Народ послушно потянулся к выходу из буфета. Марек вышел последним. Настороженно обернулся и поймал взгляд Ильи. Тот кивнул ему ободряюще. Во всяком случае, хотел, чтоб выглядело ободряюще.

— Я тут рядом буду. Зовите если что, мы все подскочим!

— Обязательно! — любезно улыбнулся ему Семенов. — Так, Славик, на, держи мой ствол, и иди, присядь за стойкой. Если базар пойдет совсем гнилой, высунешься оттуда сразу с двумя волынами. Понял? И ты сержант, давай туда и то же самое! Не забоишься?

Сержант, молча сухо сплотнул и пошел к стойке. Все как-то приняли, что Семенов здесь командует, и не спорили больше.

"Интересно, — думал Илья, — зачем мы тут остаемся перед "братками" почти безоружными, если не считать "Макарова" в кобуре у Николая. Он что их собрался спровоцировать?.."

Додумать эту мысль Илья не успел, в буфет, один за другим, вразвалку вошли трое.

Глава 8

Все трое были одеты по-разному. Один в синем спортивном костюме "наик", второй в джинсах и джинсовой же рубашке, а третий в безразмерных штанах на вырост и кожаной куртке на голое тело.

— Ё-мое! — воскликнул первый из вошедших, небольшого роста, коренастый, он сразу же присел к телу убитого приятеля. — И впрямь Рыбу замочили, слышь Крюк, не насвистел водила. Во, волкí!

Тот, кого он назвал "Крюком", остановился в двух шагах от тела, даже не глядя на него. Он смотрел на трех человек стоящих напротив. Нехорошо так смотрел — оценивающе. Лет ему было около сорока. Невысок ростом, но крепкий широкоплечий, под расстегнутой рубашкой бугрились мышцы. Лысая голова, суровые морщины поперек лба, глубоко посаженные голубые глаза под густыми бровями. Неприятное лицо — властное.

Третий встал за ним и немного левее — уступом. Лицо напряженное, губы плотно сжаты, руки на поясе.

— Ну и че за дела? — немного помедлив, спросил Крюк. Непонятно было, к кому он обращается, но ответил ему Семенов:

— Дела, уважаемый, в следующем: ваш приятель пытался силой завладеть общественными продуктами, грубил, опять же, женщинам. Вот на этой почве и произошла ссора... Сами понимаете, нервы у всех ни к черту, ну и... — он извиняюще развел руками, — кончилось все печально.

— Где? — спросил Крюк.

Семенов вопросительно поднял бровь.

— Где тот глистопер рыжий, — пояснил Крюк свой вопрос, — который кореша завалил?

— Он изолирован, и когда мы вернемся к людям, будет отдан под суд.

— Чего-о? — спросил, поднимаясь, тот, который вошел первым. — Какой суд? Ты мне че тут бабушку-то лохматишь? Дай мне его сюда! Я его порву, как тузик грелку!

— Остынь Гриня! — осадил его главный.

— Это никак нельзя, — улыбаясь, пояснил Семенов, — мы же цивилизованные люди... Надеюсь, вы не собирались устроить над ним самосуд?

— Ты кто такой вообще? — спросил Крюк, безошибочно уловив в его тоне издевку. — Откуда тут нарисовался?

— Это вы нарисовались, — развел руками охотник, — а мы тут были. Мы представители общественности.

— Слушай ты, общественность... — начал истерично повышать голос Гриня, — ты че нам тут трешь, в натуре? Какой, на хер, суд? Ты че, нас провоцируешь? — он повернулся к своим, и делано-удивленно спросил. — Он че, нас провоцирует, или я что-то не догоняю?

Крюк, не отвечая на риторический вопрос своего нервного товарища, стоял, уперев немигающий взгляд стальных глаз в лицо Семенова. Тяжелый это был взгляд, даже Илье, хоть смотрели не на него, стало не по себе. Семенов, прищурившись, смотрел в ответ, не отводя глаз. Они напоминали двух боксеров-профессионалов на ринге перед боем, с их игрой в гляделки. Напряжение казалось, потрескивало в воздухе, словно рядом были высоковольтные провода. Внезапно Крюк отвел взгляд, лицо его расслабилось и стало почти

миролюбивым.

— Слышь мужик, ты чо ситуацию создаешь? Хорош быковать, отдай нам фраерка. И мы уйдем. По-хорошему прошу.

Семенов усмехнулся.

— А если по-плохому?

Повисла пауза. "Нарывается Семенов!" — думал Илья, буквально физически ощущая оценивающий взгляд, которым обшаривал их, третий молчаливый спутник Крюка. Рука его была напряжена, готовая в любую секунду нырнуть за пазуху кожанки. "Действительно, чего им бояться, очевидно, что оружие из нас имеет только один прапорщик, да и у того оно в закрытой кобуре. Балбес Коля, хоть бы расстегнул раньше..."

— А если по-плохому... — медленно протянул Крюк, начиная вытаскивать правую руку из кармана.

"Ну, все, сейчас начнется!" — подумал Илья, чувствуя, как течет по спине струйка пота.

— Стоять, бояться! — рывкнули у него за спиной, заставив вздрогнуть от неожиданности. — Кто дернется, сделаю дуршлагом!

Лица "братвы" удивленно вытянулись. Крюк достал-таки руку из кармана. В ней была смятая пачка сигарет. Вытянул из пачки одну сигарету, причем получилось это у него не с первого раза. "Волнуется, — подумал Илья, — Волнуется, не смотря на непроницаемо кирпичную рожу". Он оглянулся. Слава стоял, положив ружья стволами на стойку, направив их на "братков". Подмигнул ему — не ссы, мол, прорвемся! Немую сцену завершило появление сержанта. Он, наконец, соизволил вылезти из-за стойки. Неуверенно передернул затвор, и, помедлив несколько секунд, тоже направил свой АКСу в сторону пришедших. Этот жест окончательно убедил "братков", что расклад оказался не в их пользу. Крюк вставил сигарету в зубы и полез в другой карман.

— Стоять, я сказал! — заорал ему Слава. — Руки, чтоб я видел!

— Что ты базлаешь? — удивился Крюк. — Зажигалка! — он показал на раскрытой ладони блестящий прямоугольничек. Щелкнул колесиком, прикуривая. — Кто у вас старший? Ты мусор? Или ты? — он посмотрел на Семенова.

— Ну, допустим, — усмехнулся тот и протянул руку в сторону стойки, Слава немедленно вложил в нее помповое ружье.

— Мне кажется, ты не прав, — шурясь от сигаретного дыма, сказал Крюк. — Тот придурок, косяк запорол — пацана нашего завалил по-беспределу! А вы на нас же наехали с вольнами, качалово тут устроили. Словно это мы говнотерки затеяли. Не по понятиям! За косяк отвечать надо, — он затянулся, глубоко, на полсигареты. — Допустим, сейчас банкуешь ты ... но в будущем все может измениться. Догоняешь, о чем я? Так что скажи своим отморозкам, чтоб быстренько спрятали пушки и извинились за то, что на людей стволы наставляли.

— Никак пугаешь? — разочарованно протянул Семенов. — Так вот, чтоб в будущем ничего не изменилось, вы сейчас быстренько сдадите стволы, которые прячете под одежкой. Только тихо, спокойно! А то присоединитесь к своему приятелю!

— Так значит? — Крюк докурил сигарету и бросил бычок на пол.

— Именно! — подтвердил Семенов. — Сам пушку вытацишь или помочь? Только осторожно, двумя пальчиками! Давай Коля, — повернулся он к прапорщику, — собери у них железки.

Николай заморгал, выходя из оцепенения, в котором он пребывал с самого начала

разговора, вспомнил, что и у него есть пистолет, и, наконец-то, извлек его из кобуры. Но к "браткам" подходить не стал, а выдал вместо этого инструкцию:

— Так, приседаем, кладем оружие на пол и аккуратно толкаем его в мою сторону. Начинаем с тебя!

— С меня?.. — Гриня, на которого указал милиционер, ошалело посмотрел на Крюка, затем опять на Николая.

— Ты че ментяра, сериалов насмотрелся? Нет у меня ничего!

Николай осторожно приблизился к нему: правой рукой направляя пистолет, левой похлопал его по бокам. Покосился на Семенова:

— Чистый вроде! Теперь ты, — обратился он к Крюку. Тот усмехнулся и распахнул рубашку:

— Найдешь, твое будет!

Николай обошел его по широкой дуге, пристально разглядывая, украшенный татуировкой, мускулистый торс.

— Ты? — протянул он руку к третьему. Тот шарахнулся в сторону. На него тут же направились три ствола.

— Руки! Только дернись!

— Отдай им Кот! — процедил сквозь зубы Крюк. — Сейчас не наша маза.

Кот, после секундной заминки, подчинился — поднял руки и дал себя обыскать. Стало понятно, для чего он, не смотря на жару, вырядился в теплую кожаную куртку. Из кобуры у него под мышкой, Николай извлек здоровенный черный пистолет. Уважительно крикнув, отдал пистолет Семенову.

— Гляди-ка... — удивился тот, — "Стечкин"! Во, дает! На войну что ли собрался, паря?

— Незаконное ношение оружия... — добавил Николай, — статья двести двадцать вторая...

— Ты, че мне тут прогоняешь, рожа ментовская? — вскинулся "браток". — Какая, на хер, статья?

— Молчать! — рявкнул прапорщик, ухватил его за шиворот, развернул и пихнул к стене. — Лицом к стенке! И вас тоже касается! — крикнул он остальным. — Харями в стену! Уперлись руками! Ноги раздвинули! — он заметно осмелел и, по-видимому, стал ощущать себя в привычной стихии. "Братки" нехотя подчинились, бормоча себе под нос проклятия в адрес оборзевших фраеров и ментовских сук.

Прапорщик быстро и ловко обыскал их и не найдя ничего больше, вопросительно посмотрел на Семенова:

— Ну и чего теперь с ними делать?

— Как чего? — удивился Семенов, — Вывести на задний двор и шлепнуть! Шучу! — хохотнул он, увидев, как перекосились физиономии "пацанов". — Запереть их пока где-нибудь... Есть где? — глянул он на Илью.

Тот пожал плечами.

— С решетками помещений, наверно, больше нет. Может в конференц-зале? С третьего этажа, поди, никуда не денутся.

— А что там есть, в этом конференц-зале? — подозрительно спросил прапорщик.

— Да ничего вроде... одни стулья, и те к полу прикручены.

— Ну, о-кей! — согласился Семенов. — Значитца, конвоируйте их пока туда. Ну что друг ситный, — обратился он к Крюку, — связать вас, или так посидите спокойно? Нет... на

благодаря разумию ваше надеяться глупо. Славик, скотч у тебя? Скрути-ка им руки. А когда приведете в конференц-зал, еще и ноги, на всякий случай, для их же спокойствия.

Слава ловко, словно всю жизнь только и делал, что вязал "братков", скрутил им за спиной руки скотчем. Начавшему, было ерепениться, Грине досталось по шее прикладом. Остальные вели себя спокойно, только Крюк, когда их уже выводили из буфета, повернулся к Семенову и процедил:

— Смотри начальник — беспредел это! Как бы ответить не пришлось!

— Бог за все в ответе, — миролюбиво сообщил ему охотник.

* * *

— Ну и что ты собрался с ними делать? — ехидно осведомился прапорщик, когда сержант со Славой увели новоявленных арестантов. — Каторжные работы организуешь? Или посадишь их коробочки клеить?

— Будем решать задачи поэтапно, — сказал Семенов. — Вот какая наша следующая задача? Правильно, нейтрализовать оставшихся двух приятелей. Давайте, выдвигайте соображения на этот счет.

— А у вас что, — удивился Илья, — плана разве не было?

— Я ж тебе не ясновидящий, — развел тот руками. — Откуда мне, к примеру, было знать, сколько их явится в буфет. Вот пришли бы они все — мы бы всех их зараз и повязали... ну или хотя бы вчетвером заявили. С одним оставшимся справиться — не проблема. Собственно, и с двумя не проблема... но пока обходились без крови. Хотелось бы и дальше так. Пойдем, посмотрим, что ли на них.

Они вышли в вестибюль и, встав так, чтоб не было заметно с улицы, принялись разглядывать позицию неприятеля. Один из "братков" слонялся между джипом и фурой, то и дело, бросая взгляды в сторону Института, другой сидел в джипе на водительском месте, развалившись на откинутой спинке кресла. В бинокль Семенов разглядел у него на коленях помповое ружье. Рядом с джипом стоял и водитель автобуса, решивший, по-видимому, что надежней будет прибиться к "братве". Он заискивающе улыбался, что-то говорил, показывая рукой на Институт. Бандит в джипе лениво ему отвечал.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Николай. — Надо что-то делать, пока их опять кто-нибудь не предупредил! Так и будем стоять тут?

Семенов повернул свою лобастую голову.

— Вариантов два: либо они идут сюда; либо мы идем к ним. Похоже, сюда они идти не собираются, пока во всяком случае. Идти к ним? Но опять же неизвестно какие у них инструкции... может сразу стрелять на поражение. Короче, ждем. Нам спешить особо некуда. Уже темнеет. Если они так и не соберутся, то после наступления темноты, мы со Славиком наведаемся к ним в гости. Сейчас стоим здесь, караулим по очереди, чтоб никто из института не вышел.

Вернулся Слава.

— Ну? — встретил его вопросом Семенов. — Нормально все?

Тот хмыкнул:

— На стулья усадили, ноги замотали... Сидят, гундят... угрожают! Этот... Гриня — взялся на свою сторону переманивать. Пришлось съездить ему разок по рылу, чтоб заткнулся и сержанта не смущал... Я Петюню там пока оставил, караулить.

— Жаль, конечно, что так вышло... — вздохнул Семенов, — ну да ладно, сделанного не воротишь!

Илье показалось, что сожаление в его голосе какое-то ненатуральное. Не сожалел он ни о чем.

В вестибюле появились люди. Они хотели выйти на улицу. Им просто непременно надо было на улицу. Прапорщик вступил с ними в перепалку, и, в конечном счете, не пустил. Они ушли, недовольно бормоча что-то про диктатуру, самоуправство и невозможность сходить, без разрешения самозванного начальства, по нужде.

В душе Ильи тоже крепло раздражение создавшейся ситуацией. Победили, тоже мне! Даже если все в итоге обойдется, что прикажете делать с пятью здоровыми мужиками? Не держать же их, в самом деле, все время связанными. А ведь их надо кормить, поить... Не было, называется, печали! Устроил Семенов бузотерку — как теперь расхлебывать?

Тут он заметил, что Семенов, оказывается, смотрит на него пристальным взглядом, словно мысли читает.

— Тебя, как звать-то парень? Забыл, понимаешь, спросить.

— Илья.

— Илюха, значит? А меня Василием кличут. И отчество простое — Иванович — как у Чапаева, — Семенов хохотнул. — Вот и познакомились! Ты Илья иди пока... мы тут со Славиком покараулим, и с Николаем. А ты узнай лучше у девушек про ужин. Будет чего-нибудь? А то уже кишки слиплись, за всеми этими делами.

Илья пожал плечами и пошел. Действительно, чего тут без толку стоять.

* * *

В буфете тусовался оголодавший народ. К раздаче выстроилась маленькая нестройная очередь. За раздачей, Илья с удивлением обнаружил Анюту, которая, как и тогда на базе отдыха, сто тысяч лет назад, когда они познакомились, раздавала страждущим еду. Раз — зачерпывала черпаком из бачка. Два — шлепала порцию тушеной картошки в протянутую посудину. Рядом с ней суетилась, та самая миниатюрная азиаточка, которая и спровоцировала весь сыр-бор. Она нарезала хлеб большим ножом и выдавала по паре кусочков на нос. Люди их брали и проходили дальше, туда, где Варвара Петровна разливала компот в одноразовые стаканчики.

Тело Рыбы-Владика куда-то уже успели оттащить, и даже кровь смыли с пола. Вот так, исчез человек, как и не было. Никто не загрустил, не потерял аппетит от горя. Илье пришло в голову, что несчастный "браток", погибший нелепой смертью из-за нескольких банок тушенки, стал уже второй их потерей после прибытия в этот Мир, а еще третий день не кончился. Мимо Ильи, к выходу из буфета брели угрюмые люди со своими порциями. Похоже, мысли у всех были схожими.

— Ну, чего отец загрустил? — раздался сзади знакомый бодрый баритон и Илью крепко хлопнули по плечу. Марек явился в буфет, вооруженный эмалированной кастрюлей и пластиковым ведерком для компота.

— Глянь-ка, и тут очередь! В очередь сукины дети! — шутливо крикнул он собравшимся. Никто не оценил шутки, только Анюта, наконец, заметила их и поманила рукой, показывая в обход стойки.

— Ань, — сказал ей Илья, — меня мужики послали... они дежурят в вестибюле, отойти не могут. Ты им положи по порцайке, да я отнесу.

— А себе? А нам? — удивился Марек. — Я тоже жрать хочу, как дикий хищник!

— А ты в очередь становись, сукин сын, — усмехнулась Анюта. — Давай свой котелок, — повернулась она к Илье. — Сколько порций?

— Их там трое... и сержанту еще, он арестованных охраняет.

— А им? — поинтересовалась Варвара Петровна. — Арестантам вашим? Тоже веде люди...

— Про них указаний не было, — пожал плечами Илья. — Да у них и руки связаны, с ложечки, что ли их кормить? В общем, если что, разведут потом "Дошираку"...

Варвара Петровна в ответ тоже пожалала плечами, мол, хозяин-барин, ей-то что. На том и расстались. Илья получил у, улыбнувшейся ему раскосой девицы, положенные шесть кусочков хлеба и поспешил обратно в вестибюль.

— Я наши пайки в комнату унесу, — крикнул ему в след Марек. — Приходи быстрее, пока не остыло!

Быстро темнело. Илья доставил еду Семенову с компанией, узнал, что "братки" пока активности не проявляют, и был отпущен на ужин.

Прислушиваясь к голодному бурчанию в животе, он поднялся на третий этаж. Хотел было заглянуть в конференц-зал, но тут же отказался от этой мысли — по коридору неслись такие аппетитные запахи, что ноздри сами собой раздулись, а рот наполнился слюной, как у собаки Павлова.

Спеша на ужин в триста пятую, он не знал, что голод спас ему жизнь.

Марек подогревал принесенную еду на спиртовке. Сам торчал тут же рядом, помешивая в кастрюле ложкой.

— Где ты шляешься? — недовольно осведомился он, как только Илья открыл дверь. — Все уже остыло! Вот греть опять пришлось!

— Ну, извиняйте! — Илья развел руками. — Служба!

— Я спиртику малость развел, — тон у Марека, резко поменявшись, стал довольным. — Ты не знаешь, Анька там поест или сюда придет?

— А ты что, с ней не договорился?

Теперь настал черед Марека разводить руками.

— Как-то из головы вылетело... за всей этой суетой. Но мне кажется, она еще не скоро оттуда вернется. Пока посуду помоешь, пока то-се. Значит там и поужинает, — он глянул на наручные часы. — Ёкарный бабай, уже девятый час! То-то я смотрю, темнеет всюду. Давай скорее жрать, а то в темноте ложкой в рот не попадем.

Разлили спирт, выпили. Илья подумал, что он уже даже и не кривится при этом. Привык что ли? Тушеная картошка показалась чертовски вкусной. Только было ее очень мало. Марек, кусочком хлеба, тщательно вытер тарелку, и, отправив его в рот, откинулся на стуле.

— Не наелся ни хрена! Так дело пойдет, восстановится стройность фигуры, утерянная пятнадцать лет назад. Ну, давай, рассказывай, чего вы там насовещались?

— Да чего насовещались... — Илья ковырялся в зубах распрямленной канцелярской скрепкой. — Короче охотники...

В этот момент их беседа оказалась прервана неожиданным звуком — будто кто-то прижал к столу ученическую линейку, а свободный конец оттянул, да и треснул им по столу.

Друзья прислушались.

— Интересно, — сказал Марек, — это то, о чем я подумал?

О чем он подумал, Илья узнать не успел. В следующую секунду бухнуло, словно захлопнули, раскрытую посередине, толстую книгу.

Последующий стрекот автоматных очередей, донесшихся откуда-то со двора института, окончательно убедил приятелей, что им не почудилось, и внизу развернулось настоящее сражение. Илья непроизвольно считал — одна очередь, вторая, третья. В промежутках между ними вклинивались сухие щелчки одиночных винтовочных выстрелов.

— Господи, да там война началась!.. — Илья сорвался, уронив стул, и вылетел в коридор. Огляделся и кинулся в комнату напротив (в поисках еды и полезных вещей, они уже успели вскрыть все комнаты поблизости от триста пятой). Марек пыхтел следом. В темноте Илья стукнулся обо что-то коленом. Шипя от боли, он, кое-как дохромал до окна и прильнул к стеклу, пытаясь что-нибудь рассмотреть во дворе. Ни черта там не было видно. Но только в первый момент. А затем, Илья и сопящий рядом Марек увидели, возникающие то тут, то там, вспышки выстрелов, сопровождающихся треском коротких очередей. Недолго думая, Илья распахнул окно и высунулся наружу по пояс, пытаясь разобрать, что творится вокруг институтского крыльца.

Большой балкон второго этажа, закрывал от обзора площадку перед входом, но было видно, что крыльцо слабо освещено неверным мерцающим светом, исходящим из вестибюля. "Да там, похоже, горит что-то!" — сообразил Илья.

— Ну что там? Что там? — нетерпеливо вопрошал сзади Марек. — Смотри не вывались дай, я гляну! — он пытался оттереть Илью, и протиснуться наружу.

В этот момент, их заметили. Мазнул по глазам красный лучик лазерного целеуказателя. Илья не мог идентифицировать, какая из вспышек внизу была предназначена им, просто стекла вокруг, зазвенели и посыпались, и словно горячим ветром обожгло щеку. Он моментально втянулся внутрь комнаты, и присел, прижавшись к батарее отопления.

— Твою мать! — выдохнул Марек, падая рядом. — Это кто ж на нас напал? Инопланетяне? Надо что-то делать, а то сидим тут прижавшись, как два зайчика... Слушай, — повернулся он к Илье, — а тебя кажись, зацепило, вся щека в крови.

Не обращая внимания на его болтовню, Илья лихорадочно соображал. Очевидно, что их кто-то атакует. Но кто? "Братва"? Да их всего-то двое на свободе оставалось. Не могли же они вдвоем устроить такую канонаду. И откуда у них столько оружия? Вон лупят очередями, патронов явно не жалея.

Внезапно с улицы раздалось:

— Эй, ментяра и ты, бородатый хер!.. слышите меня?

Несмотря на искаженный мегафоном голос, Илья сразу узнал говорившего. Это был Крюк, собственной персоной. Крюк, которому полагалась сейчас сидеть в конференц-зале, примотанным скотчем к стулу. Каким образом он выбрался?

— Надеюсь, вы уже поняли, с кем имеете дело? — тон Крюка был явно хвастливым. — Так вот, последний раз предлагаю по-хорошему — кто сейчас выйдет и бросит волыны, тому ничего не будет, обещаю!

Со стороны института ему что-то ответили. Слов Илья не разобрал, но голос узнал — жив, выходит, Семенов. Он приподнялся и снова осторожно глянул в окно. Вон оно что: бандит забрался в милицейский "уазик" и вел оттуда пропаганду.

— А если по-плохому?.. — рявкнул, меж тем, Крюк, отвечая на реплику. — Если по-плохому, тогда слушай сюда, урод! Тогда будем гасить тебя и корешей твоих! Живьем жрать вас будем! Я лично с тебя... — со стороны института щелкнул выстрел. Крюк удивленно выматерился и мегафон замолчал. Похоже, бандит, во избежание неприятностей, покинул "уазик". Он что-то хрипло проорал своим дружкам, и в следующую секунду на институтский вестибюль обрушился шквал автоматного огня. Впрочем, обстрел продолжался недолго, видимо бандиты начали-таки беречь боеприпасы. Затем, сочтя оборону подавленной, они кинулись на штурм. С разных сторон, к крыльцу устремились четверо, а их товариш продолжал хлестать по вестибюлю длинными очередями. Потом затих, очевидно, опасаясь попасть в своих. Бандиты приподнялись, готовясь к броску, но тут очередь ударила уже из Института, и они опять залегли. Слегка привыкнув к темноте, Илья видел, как скорчившиеся на ступенях темные фигуры, о чем-то переговариваются. Потом они разом начали отползать обратно, в темноту двора, под защиту стоящих в беспорядке машин.

Внезапно выглянула луна, словно в небе зажегся яркий фонарь. И в ее свете, Илья увидел, что бандиты собирались возле своей фуры. Илья считал. Один, второй, третий... все пятеро там! Эх, сейчас бы по ним из гранатомета! Всех бы разом!

— Так что? — риторически спросил сзади Марек. — Сбежали, значит?

— И не только сбежали... а еще и где-то успели вооружиться до зубов!

Илья опять выглянул в окно. Спрятавшись за огромной кабиной "Вольво", бандиты о чем-то совещались. Илья примерно представлял о чем. Очевидно, первоначальный план, прорваться в вестибюль, чтоб разом захватить Институт, не удался — Семенов и иже с ним,

благополучно пережив шквальный обстрел, продолжали держать оборону и сдаваться не собирались.

"Что ж мы тут сидим? — лихорадочно соображал Илья. — Надо бежать, помогать нашим!" И тут же другая мысль пришла ему в голову — как же они тут быстро разделились, на наших и не наших! Где-то он читал про это — куда людей не помести, первым делом, они не преминут вцепиться друг другу в глотки!

— Ну, чего, отец, делать-то будем? — дернул его за штаны Марек.

— Чего делать? — Илья на секунду задумался. Действительно, чего? Бежать помогать Семенову? Нет, стой! Он повернулся к другу.

— Ты седи здесь и жди, а я загляну в конференц-зал, посмотрю, что там, а потом спущусь на первый этаж к Семенову...

— Да ты охренел? — не дав ему закончить, возмутился Марек. — Ты меня за кого держишь? За ссыкуна? Вы там биться будете, а я — сидеть, драть на луну?

— Да подожди ты... — Илья досадливо поморщился. — Никто тебя за ссыкуна не держит... Я придумал! Я сбегая вниз, и притащу тебе рацию! Будешь отсюда за действиями "братков" наблюдать и рассказывать, что они делают! Ну, а чего? Оружия ты отродясь в руках не держал, какой с тебя там прок? Еще подстрелят, не дай бог... Ах черт! Там же Анька еще... и другие девки... Короче, седи, жди!

— Хрен тебе! — Марек смастерил обеими руками две внушительных дули, и сунул их под нос другу. — Я сам пойду! И рацию возьму и Аньку приведу.

Илья окинул его внимательным взглядом, и, поняв, что спорить, только зря время терять, согласился.

— Ладно, дуй вниз, только осторожно! А я в конференц-зал, и тоже спущусь. Ну, все, погнались!

* * *

Марек скатился по боковой лестнице, а Илья по третьему этажу помчался в другой конец института. В коридоре было темно, хоть глаз коли, так что, Илье волей-неволей пришлось снизить скорость, чтоб не налететь на пустые баллоны, так и стоявшие у дверей комнат. Ориентиром ему служило пятно неясного света в противоположном конце коридора.

Выскочив в холл третьего этажа, Илья увидел то, что по запаху, почувствовал еще в середине коридора — все немаленькое пространство холла было заполнено клубами дыма. Едкий запах горелой пластмассы ударил в ноздри, начал выедать глаза. Щурясь и стараясь не дышать, Илья подскочил к окну и попытался его открыть. Не с первой попытки, но это ему удалось. Причем, чтоб дотянуться до верхней ручки, пришлось тянуться и вставать на цыпочки, рискуя при этом быть замеченным с улицы и получить пулю. Окно, наконец, приоткрылось и в холл, разгоняя дым, хлынул прохладный ночной воздух. Не теряя больше времени, Илья кинулся к двери в конференц-зал. Ближняя оказалась заперта. Безуспешно подергав ее за ручку, он помчался к дальней, и... чуть не налетел на, поднявшегося по правой лестнице Славку — младшего из охотников. Тот схватился, было за ружье, но потом, узнав, опустил ствол.

— Ты чего здесь?

— Стреляли... — ответил Илья, чувствуя себя Саидом из "Белого солнца пустыни".

— А-а... — понимающе протянул Славка. — А меня Иваныч послал, выяснить, как эти уроды на свободе оказались.

— Да я, собственно, тоже... — Илья попытался открыть дверь, но охотник удержал его.

— Тихо! Слушай сюда! Мало ли чего там. Я приготовлюсь, а ты по команде откроешь, фирштейн?

Илья кивнул и взялся за ручку двери. Славка вскинул карабин, вздохнул, и скомандовал:

— Давай! — после чего быстро вошел в распахнутую дверь, водя стволом по сторонам. Илья шагнул следом, обо что-то громко споткнулся. Охотник недовольно оглянулся на него, и, держа ружье наготове, осторожно заскользил по правой боковой дорожке, вдоль рядов кресел. Он уже дошел почти до кафедры, как вдруг остановился, опуская ружье. Послышалась невнятная ругань.

Илья поспешил к нему.

В среднем проходе, уткнувшись лицом в ковровую дорожку, ничком лежал человек. Проникающий в зал лунный свет, дробился высокими спинками кресел и у самого пола совсем сходил на нет. Чтоб узнать лежавшего, им пришлось подойти вплотную.

— Черт! — сказал Слава и извлек из кармана маленький фонарик. — Так и знал! — в мертвенно-синем светодиодном свете, ясно были видны сержантские погоны на плечах убитого и большое темное пятно, расплывшееся вокруг головы. Слава опустил на корточки, взял сержанта за плечо и перевернул на спину. Мотнулась голова, открывая страшную рану на горле.

— Глотку перерезали, — констатировал охотник, — как барану! Ну не суки ли?

Илья почувствовал приступ тошноты. Голова закружилась, и, чтоб не упасть, он присел в ближайшее кресло.

Слава повернулся к нему, секунду посветил в лицо фонариком, и видимо поняв его состояние, успокаивающе похлопал по колену, усмехнулся.

— Что, не приходилось еще резанных глоток видеть? Попали мы, брат, в переплет! Но ничего, бывало и хуже! Выкрутимся как-нибудь с божьей помощью.

Он извлек из кармана жилетки рацию.

— Командир, я на месте, прием.

Рация зашипела и голосом Семенова, осведомилась:

— Ну что там?

— Как ты и предполагал... тут двухсотый. Сержант. Видно, у кого-то из "братков" нож или бритва были припрятаны... скорей всего в рукаве. Скотч разрезали... и вася-кот! Хитры бродяги, плюс прапор плохо обыскал. Прием.

— Ясно, — сказал Семенов. Из рации доносились возмущенные вопли прапорщика, который, видимо, не хотел признавать своей вины. — Да тихо ты! — Семенов несколько секунд помолчал и спросил. — Как они ушли?

— Это, я еще на подходе просек. Там, как поднимешься по лестнице на третий этаж, окно было открыто с торца здания. Я выглянул, а там пожарная лестница рядом. Сержанта зарезали и туда. Прием.

— Слушай, — заинтересовался Семенов, — а обратно они не могут тем же Макаром?

— Нет! — замотал головой Илья. — Лестница обрезана на уровне второго этажа... ну, чтоб пацаны не лазили.

— Тут местный говорит... — начал Слава.

— Да слышал я, — оборвал его Семенов. — Но, вдруг? Встанет один другому на плечи... глядишь и дотянется. Ты это окно из виду не выпускай. Тем более что впрямую пролезть они не смогли, так что, скорее всего, обходные пути будут искать. Поставить там

надо кого-нибудь с молотком что ли. Ладно, кажется, опять зашевелились... отбой пока!

Со двора снова начали постреливать. Славка подошел к окну, выглянул.

— Слушай, — повернулся он к Илье, — помимо главного входа, они где-нибудь еще могут пролезть?

Тот пожал плечами.

— Теоретически, конечно, можно, если хорошо знать институт... Но они-то его не знают. А так, все двери закрыты на замок, все окна цокольного и первого этажей забраны решетками. Пойди ночью, поищи куда ткнуться.

— Это хорошо-о... — протянул Славка, он все смотрел в окно — Эх, позиция здесь, залюбуешься! Весь двор как на ладони! Мне подсветить бы малость, я б их всех перещелкал, шакалов! Злой я на них! Это ж надо, из подствольника по нам лупить... черти беспредельные! Чудо, что никого не зацепило. Эх, свету бы сюда! Ни один бы не ушел!

— Я знаю! — воскликнул Илья, чуть не подскочив, от, внезапно пришедшей в голову мысли.

Славка недоуменно покосился на него.

— Ну?

— Знаю, что нужно делать! Сейчас мы им устроим коктейль Молотова! Подожди тут, я мигом!..

* * *

Проскочив холл, Илья сунулся в первую же рабочую комнату (дверь уже кто-то вскрыл в поисках продуктов), и сразу же полез под вытяжной шкаф. Он знал, что в этой лаборатории много работают с растворителями. Ага, вот он, железный ящик с большими белыми буквами ЛВЖ, видными даже в темноте. Крякнув, Илья выволок его из-под тяги, и, стараясь не запнуться в темноте, потащил к окну — там хоть чуть-чуть светлей. Водрузив ящик на подоконник, он начал рыться в его содержимом — бутылках с различными растворителями. Доставая все подряд бутылки, подносил их к самым глазам, пытаюсь прочитать буквы на этикетке. словно в помощь ему, выглянула луна. сразу стало гораздо светлей и дело пошло живее. "Так, что у нас тут? Октан — не то... изопропиловый спирт — опять, не то... ксилол — снова, не то. Бензол — это, пожалуй, подойдет. О! Пентан — самое то! Еще бы масло найти. А вот и оно! На бутылке с вязкой жидкостью значилось: "для вакуум-насоса". Илье определенно везло.

В найденную в шкафу эмалированную кастрюльку, он вылил, содержимое литровой бутылки с пентаном и добавил пол литра масла. Тщательно перемешал и разлил по двум бутылкам, так, чтоб треть пространства в них оставалось не занятым жидкостью. Крепко закрутил пробки и завязал на горлышки лоскуты разорванного им полотенца. Пропитал лоскуты остатками горючей жидкости.

Все — самодельные зажигательные бомбы, готовы.

С бутылками под мышкой, Илья поспешил обратно в конференц-зал. В холле дыма почти уже не было. Похоже, все, что могло сгореть, сгорело, а дальше распространиться огню не дали. Илья мимоходом подумал, что устраивать очень уж сильный пожар, не в интересах и самих бандитов, так как даже в случае победы, жить им, кроме как в институте больше негде. Видимо, главным образом, хотели поугатать защитников, а заодно и выкурить Семенова из вестибюля.

Славка так и стоял возле окна. Услышав шаги, повернулся к Илье.

— Ну что? Получилось?

Илья победно продемонстрировал обе бутылки.

— Думаешь, сработает? — недоверчиво поинтересовался охотник.

— Куда денется? — обнадежил его Илья. — Схема-то, проще некуда — поджигай и бросай!

— Ок! Я тут уже Иванычу рассказал о твоём плане. Он одобрил. Смотри сюда... — палец Славы показывал куда-то в темноту за окном. словно в помощь ему, луна снова выглянула из-за туч. В её неверном свете ясно угадывались очертания машин, припаркованных на стоянке.

— Третья машина от крыльца, — объяснял охотник, — видишь? Там один из гадов прячется, за капотом, я его по вспышкам засек. Ну, видишь?

— Да вижу, вижу! — нетерпеливо пробормотал Илья.

— Докинешь свою гранату? Тебе необязательно ему прямо по кумполу попадать... главное, чтоб где-нибудь рядом и чтоб загорелось.

— Загорится!

— Ну, лады тогда. Сейчас я открываю окно... как скажу "готово" — кидай.

Илья лихорадочно шарил по карманам.

— Черт!.. зажигалку забыл...

— Держи, — Слава протянул ему серебристый прямоугольничек. — Только не потеряй! Именная! — он рывком распахнул раму и, вскинув карабин наизготовку, встал слева от Ильи. Пояснил. — Чтоб гильза в лоб не прилетела. Давай! Готово!

Илья поднес огонек зажигалки к лоскуту — тот сразу вспыхнул ярким коптящим пламенем. Руки заметно подрагивали. К горлу подступил ком. "Успокойся!" — мысленно скомандовал он себе. Набрал в легкие воздух, словно боролся с икотой, отступил на шаг, и метнул бутылку. Огненной искрой она прочертила темноту и с глухим стуком разбилась на асфальте. Немного левее цели. Но этого оказалось достаточно. Ярко полыхнувшее пламя, осветило пространство на десятки метров вокруг. Кто-то испуганно заорал. И в этот момент, под самым ухом у Ильи оглушительно бабахнуло. Он ошалело затряс головой, и зажал уши ладонями.

Что-то радостно орал Славка, а во дворе, прячась за машинами, суетились, бегали темные силуэты. Один лежал, свернувшись калачиком, и не шевелился. Охотник, прикинув к оптическому прицелу, азартно посылал пулю за пулей, пока не кончился магазин. Он извлек из кармана новый и обернулся к Илье.

— Давай вторую!

Илья, чувствуя себя бойцом Красной армии в сорок первом, под Москвой, метнул второй снаряд. Он почти не целился, но попал гораздо удачней — бутылка разбилась о капот машины, а жидкое пламя плеснулось прямо в один из суetyащихся силуэтов, в миг, охватив его всего. Дикий вопль пронесся над площадкой, а Илья, уже наученный горьким опытом, отступил от окна и заткнул пальцами уши. Вовремя — Слава опять начал палить из своего карабина. По подоконнику скакали и падали на пол гильзы.

Илье ясно вспомнился, когда-то давно виденный им сюжет про отстрел волков с вертолета. Звери так же бестолково бегали, не понимая, откуда падает на них смерть.

Внизу началась беспорядочная пальба, сопровождаемая криками "ура" и отборными матами. Очевидно, защитники института перешли в контратаку.

Славка, присев, шарил по полу, ища, так некстати выпавший из рук магазин, и матерился, почему-то шепотом.

Илья, почувствовав себя совершенно без сил, отошел от окна и опустился в кресло.

Видимо это его и спасло.

Ярко-огненная вспышка! Его швырнуло в пролет между кресел, и мир вокруг погас.

* * *

Дневник Майи 19.03.200...

«Хотела написать, что наконец-то все закончилось, но тут же поняла — все только начинается, и начало вышло кровавое — мы здесь всего два дня, а шестерых уже нет. Так каким же будет продолжение?»

До сих пор руки трясутся, как вспомню. Как же могла приключиться такая скверная история?

Мы только успели поужинать, начали мыть посуду, как вдруг в коридоре стало все взрываться, началась стрельба, прямо как в фильмах про войну! Мы с девчонками и Варварой Петровной, перепугались и спрятались на кухне. Минут десять продолжалась непрерывная пальба, потом примчался Марк и, делая страшные глаза, объявил, что началась серьезная заваруха с бандитами, поэтому он сейчас отведет нас в безопасное место. Мы, естественно, не возражали. Через кухню вышли на боковую лестницу, потом спустились в подвал, пробрались через типографию, заполненную рулонами бумаги, и оказались на цокольном этаже. Еще одна лестница вниз, привела нас в институтское бомбоубежище.

Марек, велел запереться изнутри, убежал, а мы остались в крошечной темноте. По счастью, у Анны оказался с собой фонарик. Правда, включала она его лишь изредка — сэкономила батарейку. Вдоль стен с плакатами про ядерную войну были сложены матрасы, а посередине комнаты стояли длинные деревянные лавки. Мы и расселись на них, как куры на насесте. Все были на грани истерики, поэтому разговор не клеился. Каждые десять минут, то тут, то там кто-нибудь начинал всхлипывать. Тогда все остальные кидались успокаивать, старались подбодрить друг друга. Особенно усердствовала Варвара Петровна, подозреваю, главным образом, для того, чтоб унять свой собственный страх. Я-то мучилась по другой причине — не очень приятно осознавать, что отчасти являюсь виновницей всех этих неприятностей. Хорошо, что тогда я еще не знала о количестве жертв, просто сидела и размышляла. Может, надо было отдать бандитам эту еду? Нет, прогибаться под них нельзя ни в коем случае, а значит рано или поздно нечто подобное все равно бы произошло. Уж слишком явным был конфликт интересов. Даже если б Юрик, не пришиб этого отморозка, Семенов со товарищи не спустили бы «браткам» самоуправства. Охотнику нужен был повод для разборки и бандиты, своей глупой дерзостью, такой повод предоставили.

Но как же они сумели сбежать, где взяли оружие?

А если они перебьют наших защитников, что будет?

Ну, Юрика, положим, точно шлепнут, а меня? Тоже? Или сперва изнасилуют? Вот тут я, наконец, испугалась. Даже озноб пробил, когда воображение услужливо подсунило красочную картину расправы над героической защитницей съестных припасов.

Все эти мысли устроили такой кавардак в моей голове, что я поняла: если сию же минуту не прекращу заниматься внутренним мазохизмом, то сойду с ума. Утрирую, конечно, с ума не сойду, но вот нервный срыв мне точно будет обеспечен.

Я залезла на кипу матрасов, отвернулась к стенке и заткнула уши, чтоб не слышать хлюпанья Марины со Светкой и кудахтанья Варвары Петровны. Отрешившись, таким страусиным способом, от окружающей действительности, попыталась представить что-нибудь светлое из прошлой жизни.

Как ни странно, это, хоть и не сразу, но получилось. Всплыли лица папы, братьев... Мама, поливающая огород на даче. В последнее время, мы редко собирались вместе: отец с братьями все время в командировках, мама летом безвылазно жила в загородном доме. Так что в нашей большой городской квартире, я частенько оставалась одна. Не скажу, что это меня не устраивало на тот момент, но сейчас меня охватила грусть, на этот раз, слава Богу, светлая.

Интересно, что мои родные подумали о внезапном исчезновении своей непутевой дочери-сестры? Хотя... только пара дней прошла, скорее всего, еще даже не хватились.

Любопытно, как это выглядело со стороны? Такая большая территория в один миг пропала. И не где-то в хакасской тайге, а почти что в городе — это вам не кот начихал! С этой мыслью я и заснула.

Что мне снилось, сейчас уже не помню. Но что-то не имеющее отношение к нынешней засаде. Помню только конец. Я все-таки уезжаю из Н-ска. Поезд трогается, я смотрю в окно из своего купе на мелькающие окна вокзала, на толкущихся на перроне провожающих и думаю: "Какое счастье, что вся эта хрень мне просто приснилась!"

И в этот момент я проснулась. Не сама, конечно, рядом стояла Аня и трясла меня за плечо. Она выразила удивление моим железным нервам (как я могу дрыхнуть в такой момент?), а потом сообщила, что мы сидим тут уже два часа, и, кажется, про нас попросту все забыли. Мы, мол, как хотим, а она немедленно выбирается, иначе у нее лопнет мочевой пузырь. Слушая ее, я чувствовала себя глубоко несчастной — мой спасительный отъезд, оказался лишь сном.

Как выяснилось дальше, про нас действительно забыли, что и не мудрено в свете произошедших событий. Но об этом я напишу позже.

А пока — нас осталось тридцать один человек.

Дневник Майи 20.03.200...

С самого утра стоит удушливая жара, влажный воздух густотой и вязкостью напоминает кисель. Но хотя бы стало спокойнее.

Почувствовав себя в относительной безопасности, народ выполз из всяких закоулков, коих в этом здании немало и собрался в вестибюле. Разруха там царила ужасная, что, разумеется, не улучшило настроения собравшихся.

Возникло стихийное вече, которое решило, что часть мужчин, немедленно отправится искать оставшихся в живых двоих отморозков, а остальные наведут порядок в вестибюле, ну, и начнут уже расселяться по комнатам. Извлекут ли нас отсюда в ближайшее время, неизвестно, а жить в тесноте и толчее в вестибюле да машинах, притом, что существует огромное количество пустующих помещений, по меньшей мере, неразумно.

Вооруженные добровольцы на автобусе и джипе охотников уехали искать бандитов, а оставшиеся мужчины и женщины, кто с энтузиазмом, а кто и без, взялись за уборку и расселение, чтобы хоть как-то привести в порядок свой неказистый быт».

* * *

Илья сообразил, что уже некоторое время лежит с открытыми глазами, щурясь от яркого света. Ослепительный шарик Солнца повис в нескольких сантиметрах от верхней рамы окна, заглядывая за ширму, отгораживающую кушетку на которой он лежал. Очевидно, от его лучей он и проснулся. Проснулся? Он спал? Как он вообще тут оказался? Сейчас утро или вечер?

Подробности боя помнились четко. Уставленная машинами стоянка с, мечущимися между ними, темными силуэтами, азартно палящий по ним Славка...

Славка... его фигура на фоне открытого окна, последнее, что помнил Илья. А что же было дальше? Кажется вспышка... потом удар... Тут он, наконец, понял, что причиняло ему неудобство. Поднял руку — точно, повязка — голова туго обмотана бинтами. Неужели сотрясение? Прислушался к себе. Вроде, никаких неприятных ощущений. Повел рукой по щеке — пластырь. Ах да, щеку задело, то ли пулей, то ли осколком стекла, кровь текла. Но это ерунда. Зато все тело полно сил, словно он сладко выспался.

Странно. Если все хорошо, тогда какого черта он тут лежит? Зачем башку обмотали? Он покрутил головой. Да нет, все же что-то есть — чувство такое, словно мозг не имеет жесткой связи с черепной коробкой и плавает внутри нее сам по себе. Илья еще несколько раз повернул голову вправо-влево, проверяя странные ощущения. Странные, но не сказать, что слишком уж неприятные. По крайней мере, боли не было. Тогда чего он тут разлегся? Сделав некоторое усилие, он приподнялся и сел. От этого движения, кушетка пронзительно закрипела.

Послышались легкие шаги, и из смежной комнаты в кабинет заглянула Аня. Увидев сидящего на кушетке Илью, улыбнулась во весь свой большой рот.

— Проснулся, горе-воин? Ну, слава тебе господи! Подожди, сейчас доктора позову! — и так и не дав ему сказать ни слова, выскочила из кабинета.

Через несколько минут они вернулись вдвоем с Алексеем Федоровичем. У того в отличие от цветущей Ани, лицо было довольно хмурое.

— Что ж вы, голубчик, вскочили? Ложитесь-ка.

— Да я доктор и так все бока уже отлежал.

— Ложитесь, ложитесь! Успеете еще набегаться.

Илья нехотя повиновался. Алексей Федорович взял его за запястье и, глядя на свои ручные часы, стал считать пульс.

— Хм... восемьдесят, — он вопросительно глянул на Илью.

— Да это мой нормальный.

— Это у него нормальный такой! — поддакнула Анюта.

Алексей Федорович глянул на нее исподлобья.

— Деточка, принесите, пожалуйста, тонометр. Он в шкафу на второй полке.

Илья усмехнулся, глядя, как Анюта возмущенно дернула плечом — "деточкой" она себя явно не считала. Но, тем не менее, просьбу доктора выполнила — сбегала к шкафу и принесла тонометр. Алексей Федорович, кряхтя, долго наматывал манжету на предплечье Ильи, затем накачал в нее воздух и принялся слушать.

— Хм... сто двадцать на восемьдесят. Идеально! Голова не болит? Тошноты нет?

Илья покачал головой, ощущая опять, как мозг отстает от движения черепной коробки.

— Что-то чувствую такое в голове, а что, понять не могу. Но ничего не болит!

— Интересно... совсем, значит, не болит? А тут? — доктор, приподнял правую полу его рубашки. — Полюбуйтесь! — он повернулся к Анюте, словно призывая ее в свидетели.

— Ни фиги себе! — удивленно пробормотала девушка. — У тебя кровоподтек, такой... черный!

Илья скосил глаза на свой бок. Действительно, там красовалось здоровенное иссиня-черное синячное пятно. Бок тут же взорвался болью. Как он раньше ее не заметил?

— Ну, ребра, положим, целы, — Алексей Федорович, водил холодным пальцем по окружности кровоподтека. — Это я еще вчера выяснил. Разве, что трещины могут быть... рентгеном, я, к сожалению, не располагаю. Ну-ка, дайте-ка, — он протянул руку, к лицу Ильи, зацепил за краешек пластырь на щеке и медленно, осторожно снял. Внимательно посмотрел, и хмыкнул в третий раз.

— Пустяковая царапина! До свадьбы заживет! — Анечка, принесите, пожалуйста, йод и пластырь.

Илья провел пальцами по щеке. Запекшаяся короста. Боли, впрочем, не было. Анюта принесла пузырек с настойкой йода и упаковку бактерицидных пластырей.

— Я был уверен, что сотрясения не избежать, — сообщил Алексей Федорович, — но, судя по всему, обошлось. Любопытно! Крепкий у вас череп!

— Рядом с тобой такая доска лежала... — объяснила ему подруга, — кажется, она об твою голову сломалась!

— Видимо не об его, — усмехнулся доктор, и развел руками, — В общем, я вижу, что с вами все в относительном порядке. Ну-ка встаньте-ка.

Илья послушно встал с кушетки.

— Что чувствуете?

— Да ничего, вроде.

— Вроде, или ничего? Головокружение?

Илья пожал плечами.

— Как такового, головокружения нет... но... словно тормозит, что-то в голове. Не знаю, как объяснить.

— Ну, голубчик, тормозит, — Алексей Федорович усмехнулся, — очевидно,

баротравма... легкая. Будем надеяться, что в скором времени это пройдет, потому, как сотрясения мозга, у вас, по всей видимости, нет. Уши не закладывает? Ну, вот и чудесно! Постельный режим, я вам прописывать не стану, вы поздоровее многих будете, — его лицо снова стало мрачным. — Особенно в свете вчерашних событий. Сейчас обрабатываем царапину, и не смею задерживать. Завтра утром покажитесь.

* * *

Замок сухо щелкнул, дверь открылась. Майя на секунду приостановилась на пороге, оглядывая свое новое жильё. Комната номер двести пятнадцать, посередине галереи второго этажа, недалеко от вестибюля. Соседей нет, народ в основном поселился на первом этаже, поближе к выходу (удобства-то, по нынешнему времени, во дворе, под кустом). Майя сама ее выбрала из множества подобных, и никто не возразил. Варвара Петровна без разговоров отдала ключ.

По всему видно, недавно здесь делали ремонт — потолок и стены выкрашены свежей краской, на полу уютный зеленый линолеум, в окнах новенькие стеклопакеты с жалюзи, новая же офисная мебель.

Даже беглого взгляда хватит, чтоб понять, что двести пятнадцатая — комната женская. Мужчины если и бывали тут, то визиты их носили кратковременный характер — чай, скажем, попить или дела научные обсудить. А постоянно обитали здесь женщины. Это видно по отсутствию пыли на горизонтальных поверхностях, многочисленным горшкам с цветами на подоконнике, непременно кактусу у монитора...

Интересно, как долго предстоит здесь задержаться — неделю, месяц? Или до скончания дней? Чем будет для нее этот кабинет? У Майи в голове роились какие-то нехорошие ассоциации — камера пожизненного заключения, палата в дурдоме... Девушка тряхнула головой, отгоняя наваждение. В конце концов, это ее первая отдельная квартира, пусть и в таком странном месте.

Поставив сумку на пол, Майя прошла по кабинету, огляделась.

Итак. В ее распоряжении два письменных стола, с, увы, бесполезными теперь компьютерами, пара стульев с металлическими ножками и мечта бюрократа — мягкое, кожаное, крутящееся кресло. Не так уж плохо живут эти ученые! Еще в комнате имелись: шкафчик для верхней одежды, этажерка для книг и разных папок и большой химический стол, покрытый керамической плиткой. А не приспособить ли его под постель? Вполне себе приличное ложе получится.

Майя стала проверять содержимое тумбочек. Первое, что бросилось в глаза — лежащая на боку, фарфоровая кружка с красными сердечками, рядом пачка сухого печенья и февральский каталог «Эйвон». В следующем ящике обнаружили жидкость для снятия лака, сам лак для ногтей каких-то жутковатых цветов — один синий с блестками, другой ярко-розовый, пилка, ножнички, влажные салфетки, два тюбика помады, бумажные сердечки-валентинки.

Подумалось — сидит себе счастливая обладательница сине-розовых ногтей дома, и не знает, как грустно Майе перебирать все эти обыденные женские мелочи.

Помаду и лак точно выкинуть... Что там еще? Зеркало, щетка для волос. Майя повертела их в руках и положила на место — пригодятся. Под столом пара туфель на каблуках, на спинке стула широкий шерстяной палантин в серо-белую полоску, пахнущий духами прежней хозяйки.

Майя захлопнула дверцу и пошла ко второму столу. В его верхнем ящике оказалась куча

лекарств. Блестеры с таблетками, мультивитамины, какой-то фито-чай «выгоняющий шлаки из организма». Запасливая тетенька здесь обитала, блюла свое здоровье. Дальше: ручки, бумажки, канцелярские принадлежности, растрепанная записная книжка, крем для рук и тоник-спрей. В следующей тумбочке хранились чайные принадлежности. Беспольный, увы, электрочайник, запечатанная пачка чая — двадцать пять двойных пакетиков, полбанки растворимого кофе, чашка с кокетливыми сиреневыми цветочками. С десятков шоколадных конфет, да две засохшие профитролы на блюде. Вот это подарочек! Не пригодятся они больше владелице, зато пригодятся Майе.

На столе среди вороха бумаг стояла фотография в золотистой рамочке — молодой круглоголовый белобрысый мужчина с носом-пуговкой и торчащим вперед белесым чубом и рядом с ним мальчик лет пяти-шести — с таким же носом-пуговкой и чубом. Кто они — сын и внук бывшей хозяйки этого стола? Или разновозрастные племянники? Майе они казались не просто чужими, а совершенно нереальными существами — из прошлой, такой недоступной теперь жизни.

Так. Осмотр закончен, осталось решить, где она сегодня будет спать? На столе? Жестко. Жестко даже если постелить пальто... Майя пошла рыться в шкафу и к немалой радости обнаружила в углу свернутый в рулон коврик для занятий шейпингом. Что он здесь делает? Производственную гимнастику устраивали? Странные они, эти ученые дамы. Наверняка, он принадлежал владелице чайной кружки с сердечками — девушке с сине-розовыми ногтями. А может и не ей. Как бы то ни было — спать на этом коврике можно запросто. Тоже, конечно, не перина, но Майе не привыкать. Все. С постелью более-менее разобрались. С чувством выполненного долга, девушка села в кожаное кресло, покрутилась в нем немного.

А не попить ли чаю? Посуда у Майи теперь есть. Пакетики с заваркой и печенье, остались в наследство от прежних хозяек. В стеклянном заварочном чайнике вполне можно кипятить воду. И вода есть — практически полная здоровенная бутылка на столе возле раковины. Майя уже успела узнать — это дистиллят, можно пить на здоровье. Осталось найти спиртовку, так как спирт уже найден — двухлитровая бутылка с притертой пробкой стояла в маленьком сейфе, под столом у одной из научных дам. На бутылке написано: спиртус вини, а внизу изображен череп с двумя куриными косточками.

В дверь уверенно постучали. От неожиданности, Майя отскочила от сейфа, как будто ее уличили в чем-то преступном, чуть не разбив при этом бутылку. В комнату заглянула невысокая миловидная женщина — та самая великолепная барышня из «Ауди».

— Не помешаю?

Сегодня она выглядела совсем не так шикарно: стандартный белый халат вместо брючного костюмчика, на ногах шлепанцы-вьетнамки, некогда ухоженные волосы небрежно рассыпаны по плечам. Теперь стало заметно, что ей хорошо за тридцать.

— Слушай, — бесцеремонно сказала она, — ты ведь, кажется, путешественница, судя по твоему баулу? Значит у тебя, наверняка, имеется зубная паста? Это какой-то адский ад — нечем зубы почистить.

Майя пожалала плечами (тоже мне, нашла главную проблему современности), и, порывшись в сумке, извлекла тюбик с Колгейтом. Протянула женщине. Та повертела его в руках, хмыкнула и положила в карман халата.

— Что так смотришь? Верну, — и, не спрашивая разрешения, достала из пачки длинную сигарету, щелкнула зажигалкой. — Угостишься?

— Не курю, — сказала Майя

— Здоровье бережешь? — женщина уселась в кресло, откинувшись на спинку, глубоко затянулась, сигарета в тонких пальцах подрагивала, — Наверное, надеешься выбраться отсюда? Так это зря, — ответа она не дождалась, поэтому продолжила говорить сама с собой. — Маринка со Светкой комнату поделить не могут, всем, видите ли, надо возле главного входа. Устроили там истерику... тупые суки. Послушай... э... как тебя?

— Майя.

— А я — Альбина. Так вот, Майя... знаешь, что будет дальше? Самцы уже успели устроить войнушку... а дальше будет только хуже! Все их примитивные инстинкты лезут наружу. Пройдет совсем немного времени, и нас за волосы растащат по пещерам... будем размножаться.

— Ну, зачем вы так? — Майе стало неприятно, еще одна кликуша выискалась на ее голову, — все здесь, цивилизованные люди. От бандитов, слава богу, избавились... почти.

— Совсем еще глупенькая, — усмехнулась Альбина, — какая цивилизованность? Цивилизованность осталась там же, где осталась цивилизация! Ты знаешь... я даже ребенка рожать не стала в свое время, всю жизнь пахала как проклятая, чтоб ни от кого не зависеть... только стало получаться... и что теперь? Все напрасно? Тут, вам, пожалуйста, опять за меня решают, что мне делать, картошку чистить или посуду мыть... да пропади оно пропадом!..

Майя молча слушала этот поток сознания, ведь не советов от нее ждут. Просто поговорить не с кем. Интересно, почему эта Альбина выбрала ее в качестве жилетки?

— Ладно, тебе все это не интересно, да и не одна я плачусь, — в ее лице что-то изменилось, словно, очень постаравшись, женщина взяла себя в руки, — просто настроение такое в воздухе висит. Слушай... — вдруг сменила она тему, — тебе с такой шевелюрой, отрыв от благ исчезнувшей цивилизации грозит педикулезом.

— Да, я уже думала об этом, — Майя поморщилась, от этого отвратительного слова сразу же начала зудеть кожа по всей голове, словно там уже что-то завелось.

— Ну-у... если не жалко красоты, то могу тебе кое-что предложить, — Альбина затушила сигарету прямо об столешницу, — подожди-ка... — и выскочила из комнаты.

Майя осуждающе посмотрела ей вслед — «Надо же, пришла, нахамила, надымила, напачкала, тоже мне дама полусвета!»

* * *

Длинные, почти до пояса, густые Майины волосы расчесывались тяжело, щетка то и дело застревала и запутывалась, доводя девушку до иступления. Страдания прервала вернувшаяся, слегка запыхавшаяся и порозовевшая Альбина. В руках она держала аккуратный кожаный саквояж, который был торжественно водружен на стол.

Как ни дулась Майя на незваную гостью, а любопытство пересилило. Чего в там только не было в этом саквояже: и всякие разные ножницы, и щетки для волос, различных форм и размеров, фен с кучей насадок, какие-то разноцветные тюбики, баллончики и банки.

— Вот, все свое ношу с собой, — Альбина заулыбалась, — у меня же салон красоты... был. Сначала пахала на чужого дядю, а потом только ради удовольствия. Сейчас все будет прекрасно! — щебетала она, усаживая Майю в кресло. Даже палантин пригодился, обернутый вокруг шеи девушки, он удушливо благоухал, как будто возмущался столь недостойным использованием.

— Так... хм... ага... — Альбина внимательно оглядела лицо Майи, заведя ей волосы за уши, — хорошо! Сейчас симпатиченький креативчик соорудим... Вообще-то, помыть бы сначала не мешало, но ладно, не в нашей ситуации привередничать.

Заскрежетали ножницы и, не успевшая открыть рот Майя, почувствовала, как легко стало голове.

— Вот, смотри в последний раз, — разошедшаяся не на шутку Альбина потрясла перед ее лицом толстым пучком отрезанных волос, — жаль, конечно, но ничего не попишешь.

Интересно, что это за милая привычка такая — не спрашивать мнения окружающих? — подумала Майя, но вслух ничего не сказала. Теперь ей оставалось только довериться Альбине и ждать результата. Прикрыв глаза и полностью расслабившись, девушка сидела в кресле, прислушиваясь к быстрому щелканью ножниц, а приятно прохладные пальцы Альбины поворачивали Майину голову, то в одну сторону, то в другую, не давая до конца заснуть.

— Зацени! — наконец, объявила Альбина, торжественно вручая Майе зеркальце. — Даже представить себе не сможешь, каких бабок это стоило в прошлой жизни!..

"Как Мамай прошел!" — вспомнилась Илье старая поговорка, когда он вышел в вестибюль.

Вестибюль был разгромлен.

Закопченные потолок и стены, перекошенный взрывом турникет, повсюду битое стекло.

Изрешеченная пулями вахтерская комнатуха, слепо таращилась на него выбитыми окнами. От роскошного, некогда, тамбура, почти ничего не осталось. Только хищно торчали из металлических рам, зубья-осколки бывших стеклянных стен.

Остатки сгоревших щитов с объявлениями и кресел, ранее стоявших у входа и вдоль стен, уже успели вынести во двор. Там они и валялись возле крыльца, все еще дымящейся кучей.

Тут же рядом, чернел полностью обгоревшими боками, остов машины. В нем Илье с трудом узнал новенький "Рено" мужика в бейсболке, кажется, его звали Федором (мужика, понятное дело, а не автомобиль). Владельцы других машин, стоящих рядом и каким-то чудом не тронутых огнем, уже позаботились, чтоб отогнать своих четырехколесых питомцев, подальше от крыльца, словно это могло им что-то гарантировать.

Илье пришло в голову, что пока он шел по коридорам института, ему не встретилось ни одного человека. Залитый полуденным солнцем двор, тоже был пуст, только возле бандитской фуры наблюдалось какое-то шевеление.

Подойдя ближе, Илье увидел Бориса с Егором. Натужно пыхтя, они сгружали с фуры диван. Еще один диван и пара кресел, уже стояли рядом на асфальте. Илье захотелось протереть глаза — выходит, шестеро до зубов вооруженных бандитов охраняли всего лишь фургон с мягкой мебелью? Что ж это за мебель такая ценная? Антикварная что ли?

Подойдя ближе, он понял, что мебель, хоть и хорошая, но вполне современного вида, и вряд ли ее стоимость соответствует, столь многочисленной и экипированной охране.

На одном из уже сгруженных кресел, таращился стволом в небо, прислоненный к спинке, карабин Семенова. Рядом, чернел воронением, странного вида автомат. Он чем-то напоминал «Калаш», только очень уж короткий и изуродованный. Пистолетная рукоятка была расположена спереди магазина, который крепился под углом навстречу к ней. Сверху, над газоотводной трубкой красовался прямоугольный кронштейн. А на коротенький ствол, был привинчен надульник с крепящейся к нему снизу трубой подствольного гранатомета. Похоже, что из этого оружия и был разнесен вестибюль. Да и граната им со Славкой, досталась из него же. Там же на кресле расположилось странное устройство, напоминающее раскрытую книгу. От этой «книги» тянулся черный провод, другим своим концом подключенный к рации Семенова. "Да это ж зарядка! — сообразил Илье. — Зарядное устройство на фотоэлементах. Хитро придумано!" Слышать, о таких штуках он слышал, но увидеть довелось впервые.

— Васильев!.. — заорал Борис, заставив его вздрогнуть. — Ты чего прохлаждаешься? Ну-ка, подмогни! А то эта дура тяжеленная, боюсь не сдюжу.

Действительно, здоровяк Егор держал свой край без особого напряжения, в то время как щедушный Борис пыхтел из последних сил. Илье перехватил у него край дивана и все вместе, они спустили его на асфальт, а затем оттащили на несколько метров в сторону.

— Уф! — перевел дух Борис. — Ну и гробина! Весит, ровно сейф металлический! А

прикинь, а если такую дуру на девятый этаж тащить? Она же ни в какой лифт не влезет. Чего ж они такие тяжелые-то?

— Ну, а чего ты хотел?.. — Семенов обнаружился в кузове. Стоял, руки в боки, и взирал на них свысока, — цельное дерево, ручная работа... делали, материала не жалели. Это тебе, не магазинные, фанера с картоном! Запарились? Ладно, перекур, — он легко спрыгнул на землю. Сунул руку Илье.

— Привет! Выздоровел? — не дожидаясь ответа, подошел к креслу, где лежало оружие. Сдвинул его, удобно уселся, жестом гостеприимного хозяина показал на соседнее кресло. — Не стесняйся, присаживайся! — извлек из кармана своей камуфляжной куртки пачку сигарет и зажигалку. — Будешь?

Илья отрицательно мотнул головой.

— Не куришь? Правильно! Я вот тоже, пачку докурю и брошу. Один хрен, через пару дней все запасы кончатся, а так, все польза для здоровья, — он щелкнул зажигалкой, прикурил, морщась от лезущего в глаза дыма. — Глянь-ка, воздух стоймя стоит, ни ветерка... к дождю что ли? — он взял в руки странный автомат, задумчиво покрутил. — Не опознал ствол? Нет? И не мудрено, он не армейский. Штурмовой автомат "Гроза", патрон девять миллиметров. Оружие спецподразделений. Серьезно пацанов вооружили.

Тут Илья, которого давно уже мучил этот вопрос, наконец, счел удобным спросить:

— Как дело-то закончилось? И вообще, где все?

Семенов покосился на него.

— А я вот не знаю, закончилось ли... Может, все только начинается, как думаешь? — он так испытующе смотрел на Илью, словно тот и вправду знал ответ.

Илья только плечами пожал, что тут думать? Никто, сейчас этого не скажет.

Семенов затянулся глубоко — в пол сигареты. Помолчал немного. Лицо его стало задумчивым.

— Закончилось, брат, все печальнее, чем хотелось... есть потери в нашем коллективе. Про сержанта ты в курсе. Да еще торчок тот... Юрик — охотник бросил окурочек на асфальт и раздавил каблуком армейского ботинка. — Его тоже, как и вас — гранатой из подствольника. Окно кассы-то на первом этаже, где он сидел, прямо на театр военных действий выходит. Ему бы забиться в уголок и лежать, а он сдуру, видно, понаблюдать решил. В результате, словил гранату. Прямое попадание в голову. На кассу вашу смотреть теперь страшно — все мозгами заляпано. А вам, повезло... граната между рядами кресел разорвалась, все осколки в них и застряли. Тебе спинкой кресла досталось, а Славку только, слегка оглушило. Он вскочил, глядь, ты лежишь не шевелишься, ну и решил, что тебя того... насмерть. Так и думали, пока дружок твой не объявился. Шум поднял страшный, какие мы такие-сякие, бросили героя погибать! — Семенов усмехнулся. — Поднялись мы наверх, глядь, а ты живехонек, глазами лупаешь, да башкой крутишь... только лыка совсем не вязал... контуженый значит. Вколочил я тебе своего «коктейльчика», он хорошо в таких случаях действует, да отнесли к доктору.

Теперь по «братве»... Трех из них мы завалили... двое успели сбежать. В джип свой прыгнули и только пятки сверкнули в лунном свете. Сегодня с утра, мужики отправились их искать. Коля — прапор ими верховодит. Злой он на «братков», за сержанта своего. Славка мой тоже там, да Федька, тот который в кепке все время ходит. Он шибко за машину свою переживает... думает, это «братки» ее пожгли. Я уж не стал его разубеждать. Таксист еще с ними, Виктор его зовут. Да Андрюха... автобусник... — Семенов хохотнул, — всю ночь под

автобусом своим прятался, боялся, чтоб под горячую руку не шлепнули. Утром его оттуда достали, отряхнули, съездили пару раз по уху, чтоб не водил больше дружбу с плохими парнями, да за руль посадили — пусть искупает вину. Ну и скорбные дела надо свершить... покойнички-то, по здешней жаре долго не протянут — решили их похоронить. Но не здесь же под носом. Вот, заодно, и повезли... там и закопают, от греха. Ну а мы с ребятами, — он кивнул в сторону своих подручных, которые, воспользовавшись передышкой, отошли в сторону и закурили, — дом остались сторожить. Да, чтоб не скучать, решили в грузовичке пошебуршать, вдруг, чего полезного сыщется. Вот, кажись, про всех рассказал. Дождь, что ли собирается? — повторил он, глядя на небо. — Хорошо бы!

Небо еще было ослепительно голубым, без единого облачка, хотя далеко на западе, угадывалась темная полоска, предвестница будущего ненастья.

Илья повернулся к курившим неподалеку коллегам. — Вы Марека Новицкого не видели?

— А Марек твой, с мужиками подался, "братков" ловить, — ответил за них Семенов, — Коля его сперва брат не хотел, так он чуть ли не в драку... тоже, мол, хочу за правое дело! Ну, пусть повоюет, раз хочет человек.

Помолчали.

"Вояка, блин, нашелся! — недовольно думал Илья. — Ничего страшней рогатки в руках не держал, а туда же!.. еще под пулю подлезет..."

— Да, сбежали «братки», — задумчиво повторил Семенов, — старшему их и его подручному смыться удалось. На этот раз наша взяла. А могли и они нас, наверное... если б не Славка. Ну и тебе спасибо, пиротехник! Одного из бандюгов, кажись, подранили... кровь была возле джипа. Так что надо их, как можно скорее найти пока не очухались, да пока лес голый. Им сейчас и спрятаться-то негде. Но по такой погоде через неделю листья полезут...

— Так и что?.. — Илья кивнул на фуру, — нашли что-нибудь полезное?

Семенов развел руками.

— Вот пока, все что видишь. Мебель одна... но тоже польза.

"Тоже мне польза, — подумал Илья, — куда как полезней была бы еда, найдись она в фуре, или какое-нибудь питье, или лекарства.

— Ты брат, мысли практически! — то ли в шутку, то ли в серьез, продолжил охотник. — Попали мы на необитаемый остров. Факт? Факт! Так что, нам теперь, как робинзонам, что ни найдем, все в жилу, — он щелчком отшвырнул окурок и поднялся с дивана. — Ну что ребята, отдохнули? Давайте-ка остальное барахло вытаскивать.

* * *

Зеркало отразило незнакомку. Вот это да! Майя в жизни бы не подумала, что может так выглядеть. С затылка пряди разной длины красиво накладывались одна на другую, незаметно переходя в асимметричную челку. Волосы, освободившись от тяжести, обрели потрясающий объем. Смотрелось великолепно. Конечно, не так эпатажно, как у Светланы, но гораздо более стильно. Что ни говори, а мастером Альбина была первоклассным.

— Обалдеть! — слов у Майи больше не было.

— Стандартно оболванить может любой стригун из привокзальной цирюльни, — Альбина опять достала сигарету, — мастер же подбирает стрижку под форму лица, индивидуально. А творчество дорогого стоит! — глаза ее блестели, щеки покраснелись, она затягивалась с видимым удовольствием, выпуская в потолок тонкую струйку дыма.

— Прямо не знаю, как и благодарить вас, — Майя все никак не могла оторваться от

своего отражения, — только... жаль, что и показаться негде.

— Во-первых, давай на «ты», — Альбина уселась на стол, заложив ногу на ногу, — во-вторых, благодарить не надо. Я стресс сняла, а это немаловажно. Кстати, волосы помоешь — даже укладывать не нужно, взъерошишь слегка, сами лягут как надо.

— Хоть чаем вас... тебя напоить... только, как бы его вскипятить? Спиртовку-то я так и не нашла. О! — Майя хлопнула себя по лбу. — Вот, я тормоз! На кухню сейчас сбегая! Там на газе за пять минут закипит! Подождете?

Альбина великодушно кивнула.

— Давай. Тут веник какой-нибудь есть?.. я пока подмету.

Когда Майя вернулась с кипятком, все уже было убрано, чашки расставлены, а нехитрое угощение разложено по блюдам.

Потом они пили чай с печеньем и конфетами, болтали о жите-быте, и Майе казалось, что они знакомы уже тысячу лет. Вовсе Альбина и не противная, наоборот приятная и общительная, просто отгораживается от всех маской высокомерия.

— Когда они устроили тут заваруху, я перепугалась — жуть! — эмоционально рассказывала она Майе, — кругом стреляют... взрывается что-то!.. Кто стреляет? В кого? Ничего не понятно! Я под лестницей спряталась, в комнатушке, где уборщицы швабры с тряпками хранят. Так и просидела всю войну. Что ты смеешься?..

* * *

Мебели из фуры вытащили еще много. Но только из последнего дивана, Семенов, удивленно матерясь, извлек полиэтиленовый мешок с белым порошком.

— Гляди-ка, кажись дурь... — он взвесил мешок на ладони. — Не меньше килограмма! Во, блин! Тут этими мешками, все постельное отделение набито. Ну, дела!

— Так что же выходит?.. — начал Борис. — Это кто ж такие были?

Семенов смерил его, полным сожаления, взглядом, словно сочувствовал очевидному скудоумию собеседника.

— Курьеры это были. Наркоту переправляли. А мебель, она на вроде контейнеров... и для прикрытия заодно, на случай если гаишники остановят. Так ребятки! — он обвел своих помощников внимательным взглядом. — Про дурь пока молчим! Ни слова никому! Понятно? Не дай Бог она по рукам пойдет, хлебнем тогда горя! Сейчас занесем ее в дом и положим в какой-нибудь сейф.

Внезапно ожила рация на кресле:

— Иваныч, Иваныч! — хрипела она еле слышным голосом, отдаленно напоминающим Славкин.

— Охотнички наши объявились! — обрадовался Семенов. — А то ведь не брала ни фиги! — он укоризненно посмотрел на рацию. — Видать, они в лесу. А в лесу эта зараза больше чем на пять километров не бьет. Подай, пожалуйста! — обратился он к Илье. — Да, Славик?!

— О! Иваныч! — радостно забулькала рация. — Ну, слава Богу! Мы на просеке... помнишь?.. через которую ЛЭП проходит. Пришлось на опору залезть, чтоб до тебя дозвониться. Прием!

— Ясно! Как у вас дела? Нашли супостатов?

— Их джип тут. Брошенный стоит. Там кровищи!.. Одного, похоже, сильно зацепило... Но тела нет, значит ходячий... Колян предполагает, что они пошли в сторону садовых участков. Машину бросили, все равно на ней не проехать... Вроде целая, только ключи

забрали... Тут овраг, и через лес только тропинками пройти можно, так что мы тоже не проедем. Чего нам делать-то? Кажется, гроза собирается... весь восток уже черный!

При этих словах Семенов и все остальные посмотрели на небо.

— Вот черт! — удивленно воскликнул охотник, действительно, теперь стало видно то, что до сих пор скрывал фасад института. С востока, сгребая перед собой грязную пену облаков, напозла огромная темно-лиловая туча.

— Ёшкин кот! — присвистнул Борис, — Светопреставление грядет мужики!

— Слава, Слава! — быстро говорил в рацию Семенов. — Слышишь меня? На сегодня все! Сворачивайтесь. Скажи прапорю, что завтра продолжим... А сейчас живо назад! У вас времени, максимум, полчаса. Плато над землей на десять метров, все молнии ваши будут!

Рация согласно похрюкала в ответ и затихла. Семенов обернулся к вопросительно глядящим на него институтским.

— Это ж все диваны наши намокнут, — пробасил Егор. — Зря, выходит, вытаскивали!

— Да хрен с ними! — возразил Борис, — промокнут, высохнут! Воды бы надо набрать... за бидонами сбегать.

— Воды обязательно наберем... — согласился охотник, но мебель тоже негоже бросать под дождем... вдруг порасклеится... Может, успеем в дом затащить? — он еще раз глянул на небо. — Нет, не успеем!

— Я знаю, где пленка полиэтиленовая есть, — сказал Илья, и, увидев недоуменные взгляды, пояснил. — Накроем сверху, не намочит! В профкомовской кладовке я рулон видел.

— Точно! — поддержал его Борис. — Толик Малинин выделял для дачных участков, на теплицы

— Молодцы! — похвалил их Семенов. — Варят мозги! Сразу видно — ученые! Рулон большой? Вдвоем унесете? Хорошо, давайте. А мы с Егором тару для воды пока подготовим. По дороге кого встретите, посылайте всех сюда... нечего там расслабляться, дел полно!

Щас еще мужики подъедут, помогут.

* * *

Когда внезапно стало темно, Майя обернулась к окну, не закрылись ли сами собой жалюзи? Нет, конечно, жалюзи не умеют самостоятельно закрываться, просто небо стало черным. Оно буквально цеплялось за верхушки деревьев, а солнце даже не угадывалось. Над березами, как будто колыхалась серая стена. Она надвигалась все ближе и ближе. Вот исчезли березы, еще миг и на крышу института хлынули потоки воды.

Ливень, но какой! Майя шарахнулась от распахнутого окна, налетев спиной на крутящееся массивное кресло. Вода хлестала сплошным потоком, залила подоконник, потекла на пол. Девушка захлопнула раму — стекло мигом ослепло от текущей по нему воды. Майя пригладила мокрые волосы и бегом кинулась из комнаты. Вниз на первый этаж, дальше через двор до одноэтажного ангара — там стояли металлические бидоны, нужно успеть их вытащить, чтобы набрать воды.

Внизу в вестибюле столкнулась с Татьяниным семейством. Мальчишки — в одних трусах, с какими-то плоскам-кастрюлями, сзади мать, с ворохом белья и куском хозяйственного мыла. Похоже, собрались воспользоваться моментом и устроить помывку — постирушку. На крыльце уже была Аня и Светка с Маринкой — они ловили в ведра потоки воды, льющие с козырька. Было очевидно, что идея про дождевую воду пришла в голову не одной Майе. Девчонки хохотали, прыгая босиком по лужам. Анна скинула халат, оставшись в кружевном бюстгальтере и трусиках, остальные последовали ее примеру, причем Светлана

оказалась и вовсе в одних стрингах. Заинтересованные взоры, которые на нее бросали мужчины, раскованную девицу, нисколько не смущали. "Вот бессовестная!..» — подумала Майя, устремляясь мимо группы стриптизирующих

— Эй, куда собралась подруга? — окликнули ее.

Майя, не оборачиваясь, махнула рукой вперед.

— Воды надо набрать в бидоны!

— Ну, ты деловая! — услышала она за спиной. — Стой, заполошная! Там мужики без тебя наберут... — что-то они еще кричали ей вслед, но Майя не прислушивалась, да и шум дождя глушил голоса.

Добираться до ангара пришлось, чуть ли не по колено в воде — дождь стоял стеной, по двору текла настоящая река, мутные теплые волны захлестывали нижние ступени крыльца, и, казалось, приподнимали на стоянке легковушки. Над головой сверкало и громыхало — тяжелые раскаты проходили от одного края неба до другого.

В ангаре сутились мужчины — вода залила все помещение, пустые алюминиевые бидоны всплывали, падали, гулко стучали друг об друга. Мужики вытаскивали их во двор, открывали защелку замка, и подставляли под поток, хлещущий по водостоку с крыши ангара. Пустая тара для воды кончилась быстро, в конце концов, двадцать фляг, это не так много.

На Майю никто не обращал внимания. Ей стало обидно до слез — вот, называется, прибежала, хотела помочь.

— Ты чего здесь, маленькая? — перед ней стоял Семенов.

Майя почувствовала себя ужасно глупо. Действительно, чего приперлась, спрашивается? Она пустую-то флягу с трудом от земли оторвет, не говоря уж про полную.

— Ничего, — буркнула Майя и поспешила обратно к ступеням института, насмешливые взгляды жгли спину. Вздрогнув от очередного раската грома, вжала голову в плечи. Не по размеру большой халат, промокнув насквозь, прилипал к телу, спутывая и без того уставшие ноги. На крыльце народу только прибавилось. Не принимающая участия в общем веселье, Альбина подставляла лицо прохладным струям. Никто даже не взглянул на Майю, когда она прошмыгнула в вестибюль.

А ливень все хлестал и хлестал.

* * *

«Сиж у открытого окна. Дождь прекратился, хотя еще моросит чуть-чуть. От жары не осталось и следа. Пахнет долгожданной свежестью.

За ужином, все были оживлены, шутили, смеялись, вспоминая, так кстати, пришедшийся, небесный душ. Как же, несколько дней не мылись — жара, пот, грязь. А тут поплескались в водичке, почистили перышки, водой запаслись, чем не повод для радости.

Еще девки взяли моду прикалываться над моей хозяйственностью. Каждая сочла своим долгом пройтись на тему «девочки с бидоном». Даже Альбина, которая обычно ничего вокруг себя не замечает, вставила свои пять копеек, посоветовав мне в следующий раз взять стремянку, а то, мол, не увижу, наполнился бидон или нет. Не скрою, пару раз мне хотелось надеть на голову, какой-нибудь очередной шутнице, миску с супом, но вместо этого приходилось делать вид, что меня это тоже очень забавляет.

А потом все разошлись по своим кельям. Хотя нет, кельи — это у монахов, а монастырем тут и не пахнет. Это я, в основном, про Светку и Марину, им все нипочем. Особенно Светке — ведет себя, как, простите, шалава какая-то! Даже странно — пусть ее дружок и был наркоманом, но забыть его на следующий день после смерти... и напропалую

строить глазки мужикам?.. не по-людски это. Шушукаясь и загадочно переглядываясь, эти две девицы ушли первыми. По всей видимости, ночью они скучать не собираются.

А может, я им просто завидую, и злюсь, оттого что меня с собой не позвали?

Все, надо заканчивать, а то уже с трудом различаю буквы. Интересно, закрывать окно или нет? Наверное, надо. А то залетит, какой-нибудь гигантский комар и выпьет всю мою кровь, которой не так уж и много... или муха...

На эту тему у меня даже родился стишок:

"Залетит ко мне мерзкая муха — откусит мне нос или ухо".

Хороший стишок получился, особенно на ночь глядя. Тоже мне, поэтесса Агния Барто... не носила трусов под пальто. Без трусов ведь лихí, получались стихи, а в трусах-то — понятно, не то.

Лягу-ка спать в надежде, что завтрашний день будет лучше, чем сегодняшней!».

Прошло полчаса как она улеглась, а сон все не шел. Майя возилась, ворочалась с боку на бок, старательно жмурила глаза — все без толку. Когда ложилась, вроде хотелось спать, а теперь, даже последний намек на сон испарился. Это, наверно, от того, что жестко и душно. Да еще в голову постоянно лезли бессмысленные, не имеющие ответа вопросы. Где они? Как попали сюда? И самый главный — смогут ли вернуться домой?

"Водички что ли попить?" Майя слезла со своего ложа, налила в кружку с сердечками воды. Отпила несколько глотков, и тут вспомнила, что она, кажется, забыла запереть дверь. Подошла, подергала — нет, не забыла. Отпила еще пару глотков, поставила кружку и опять прилегла. Ей начало казаться, что вот сейчас она подойдет к окну, глянет — а там все как надо, как было — сугробы во дворе, редкие машины, озаряющие дорогу светом фар, в луче фонаря кружат снежинки... а значит, есть надежда попасть домой...

* * *

Какая-то неживая обволакивающая тишина, от нее закладывает уши и хочется кричать. Пространство вокруг плывет, изгибаясь и вибрируя. Пляшущие тени деревьев на стене. Перекрывая их, медленно ползет черная тень. В темной комнате, становится еще темнее. Взгляд с трудом фокусируется. Майя замирает, сжимаясь от ужаса. На нее смотрит глаз. Черное нечто занимает весь оконный проем. Глаз посередине. Янтарно-желтый, с вертикальным черным зрачком, смотрит не мигая...

Холодными ручейками по коже течет пот. "Это был сон?" Майя кинула быстрый взгляд в окно — ничего. На темном небе ни облачка, лишь россыпь звезд да луна, заливающая светом этот странный непонятный мир.

Мысли стали постепенно приходить в порядок. Что-то неладное с ней происходит, раз так часто мучают кошмары. Хотя, если учесть абсурдность происходящего, не мудрено получить сдвиг по фазе. Одно Майя сейчас знала точно — она больше не хочет оставаться здесь одна. Ей надо к людям.

С этой мыслью, девушка слезла со стола и, отперев дверь, вышла в коридор. По сравнению с залитой лунным светом комнатой здесь царил мрак. Ничего не видя, Майя пошла, ощупывая пространство перед собой вытянутыми руками. Остановилась лишь у боковой лестницы. Тяжело дыша, облокотилась на перила. Зачем она здесь? Куда идет?

Поднялась на пролет. Тут было немного светлее, запыленное стекло окошка пропускало мерцание звезд. Прислонившись к стене, девушка попыталась унять сердцебиение. Да что же с ней такое? Никогда не боялась трудностей, всегда держала себя в руках, а тут, раскисла.

Ну и что? Куда теперь? Майя посмотрела вверх, черным провалом на сером фоне зиял

вход на третий этаж.

Стоп. Что это? Девушка замерла, прислушиваясь. Откуда-то сверху доносились приглушенные голоса, один точно женский. Там люди! Быстрее к ним! Майя взбежала по ступенькам на третий этаж. Дальше лестница вела на чердак. Именно оттуда, с площадки между этажами, теперь уже отчетливо, доносились стоны и всхлипывания женщины. Кому-то плохо?! Порыв немедленно броситься на помощь остановил мужской голос, что-то невнятно, но страстно, бормочущий. Немедленно вслед за этим, возня стала еще более шумной — ритмичный скрип сопровождался нарастающим сопением и вскриками.

Майя, наконец-то, все поняла. Жаркая волна стыда прилила к лицу. "Вот дурища-то! Спасать хотела... А там кому-то хорошо, и не просто хорошо, а даже замечательно! Неудобно-то как... ведь, по сути, она тут стоит и подслушивает. Но любовнички-то хороши! Кто угодно может услышать, а им хоть бы что. Вот уж кому не страшно и не тоскливо, в общем, можно позавидовать.

Темнота уже не пугала. И чего это ей мерещилось? Напридумывала себе ужастиков. Надо завтра спросить у Алексея Федоровича успокоительного. Или лучше делом каким-нибудь таким заняться, чтоб к вечеру упасть без сил. Осторожно, на цыпочках, стараясь не издать не единого звука, Майя спустилась обратно на второй этаж. Постояла, подумала и решила: раз на улицу не пускают, пойти хоть на балкон, проветриться.

Вновь пройдя пустым темным коридором, девушка вышла в фойе. Дверь на балкон была приоткрыта и Майя проскользнула наружу.

Ночная свежесть опьянила, ударила в голову, унося остатки страха. Воздух, казалось, состоял из воды, до того было влажно. Майя стояла, вцепившись в перила, и размышляла о том, кто же там под крышей свил любовное гнездышко. Не то, чтобы ей это было очень интересно... так, любопытно просто.

— Эй, там, на палубе!

Девушка дернулась и оглянулась. Никого сзади не было. Сверху послышался смешок. Майя подняла голову — свесившись с балкона третьего этажа, на нее смотрела Альбина. Как всегда, с сигаретой.

— Зачем вы так? — с укоризной спросила девушка. — Умереть же можно со страху!

— Полуночицаешь? — доброжелательно поинтересовалась Альбина, свесившись еще ниже. — Мне вот тоже не спится. Удивительно, дома только голову на подушку положишь и все. А тут не могу уснуть...

— Просто скучно, — Майя решила ни за что не признаваться в своих глупых страхах, — и постелька жестковата...

Альбина, выпустив клуб дыма, удивленно скосила, на нее глаза.

— А куда же ты смотрела, когда выбирала? У меня вот, кабинет начальника, сразу видно. Диванчик большой имеется.

— Я что-то не подумала, — промямлила Майя, поражаясь собственной недогадливости, — честно говоря, думала, что самые лучшие помещения достанутся институтским.

— Они были столь любезны... Вернее, я никого не спрашивала!

Мимо Майи пролетел окурок, шлепнувшись на бетонный пол

— Да и какая разница?.. — продолжала Альбина, — здесь везде плохо! С удовольствием променяла бы тутошний шикарный кабинет, на какую-нибудь коморку в подвале... но только дома! Везде плохо, — повторила она. — И сигареты кончаются... зараза! Совсем

мало от блока осталось. Скоро придется вести здоровый образ жизни... Хотя сколько ее осталось, этой жизни?

Они помолчали.

— Ну что, может, в гости заглянешь? — тон у Альбины был преувеличенно бодрый. — Все веселее будет... Давай, поднимайся на третий, жду тебя в прихожей...

Они прошли секретарский предбанник с мягкой мебелью и офисным столом, на котором какой только техники не было, мимо шкафов, забитых папками с документами, и остановились на пороге.

Кабинет и впрямь отличался от Майиной конуры, в лучшую, естественно, сторону. Просторная комната, обшитая какими-то лакированными панелями, большой солидный стол из черного дерева с непременным монитором. Черные же кожаные кресла и солидный диван. Всякие сувенирчики на полках, вымпелы и патенты на стенах. И даже пальма в кадке в углу.

— Проходи, не стесняйся, — хозяйским тоном сказала Альбина. Она приобняла Майю за плечи и подтолкнула вперед, — теперь ты у меня в гостях.

— Как же тебе Варвара Петровна ключи дала от таких апартаментов?

— А куда б она делась? — усмехнулась Альбина, — да и просекла старая, что куковать нам здесь до конца дней. Чего ей ничейное добро беречь?

— Здорово тут! — Майя прошла по комнате. — И кресла мягкие и диван большой! Тоже так хочу! — она уже представила себе, как растянулась бы на нем во весь рост.

— погоди, это еще не все, — Альбина открыла дверцу одного из шкафчиков, — тут настоящий рай для ценителя.

Движением фокусника, она извлекла бутылку, украшенную блестящей этикеткой, — Видала ликерчик? Там еще много чего есть — вина ценные, водка, коньяк — видать, начальничек угощал нужных посетителей.

— Как еще не растащили? — удивилась Майя, — Неужели никто не догадался?

— А нам какая разница? — Альбина уселась в огромное кожаное кресло, — Никто не спрашивает, а я что дура, рекламировать? Вот теперь ты знаешь, — она извлекла из шкафчика невысокие пузатые бокалы. — Давай подруга стресс снимать! Бери посуду...

Тягучая жидкость кремового цвета пила удивительно приятно. На столе появилась небольшая коробочка шоколадных конфет. Майя забралась на диван с ногами, отпивая ликер маленькими глоточками. Естественно, не прошло и десяти минут, как она изрядно захмелела. Изнутри разливалось приятное тепло, глаза сами собой начали закрываться. Альбина, не давая ей окончательно расслабиться, и боясь потерять собеседницу, принялась задавать наводящие вопросы. Майя и так-то не отличалась скрытностью, а тут, от ликера, язык и вовсе развязался. Она принялась рассказывать Альбине о своем детстве, о родителях, и даже о романах своих, как правило, не очень удачных. Та кивала, и в ответ рассказывала, что-то о себе. В общем-то, им было все равно, о чем говорить, лишь темы их нынешнего бедственного положения обе старательно избегали. Когда бутылка с ликером опустела наполовину, Майю развезло окончательно, и она поведала Альбине о том, чем занималась неизвестная парочка на лестнице и о своих собственных ощущениях при этом. Та заливисто хохотала.

— Ой, не могу! Сейчас умру!.. Спасать хотела!..

Майя смущенно улыбалась. Действительно, ситуация — глупее не бывает.

— Как ты думаешь, кто это был? — теперь, когда страх отступил, любопытство, подогретое алкоголем, разбирало Майю все сильнее. — Голоса вроде знакомые, а кто — не поняла.

— Да кто угодно, — Альбина достала очередную сигарету, — Кто угодно мог оказаться там! Например, ты!

— Я? — пьяно удивилась Майя. — Я...

— Или я!

— Ты? Ты же была здесь...

— Правильно, что не теряются! — не слушала ее Альбина. — Для здоровья полезно. Опять же удовольствие какое-никакое... А ты?.. не приглядела еще мужчинку?

— Я?.. Обойдусь! — Майя насупилась, икнула и закончила, — А сама? Мне говоришь, а сама?..

Альбина не ответила. Она откинулась на спинку кресла с сигаретой в одной руке и бокалом в другой, и взгляд ее стал мечтательным. Будто она вспоминала что-то очень-очень приятное.

Майя тоже была не прочь вспомнить что-то приятное, но глаза ее сами собой закрылись и по-детски безмятежный сон, наконец, сморил девушку.

Ночь прошла без происшествий. После ливня заметно посвежело — столбик термометра не поднимался выше двадцатиградусной отметки. Окна и форточки открывать было категорически запрещено, во избежание возможного проникновения здешних летучих и ползучих гадов. Данные предосторожности были вызваны вот чем. Вчера еще до дождя, Фатима — одна из женщин, работавших с Анютой, была укушена за ногу какой-то местной насекомой сволочью, вроде гигантской многоножки. Причем произошло это в десяти метрах от крыльца института, в кустах боярышника, где бедная женщина собиралась справить малую нужду. На визг и крики сбежались все находящиеся поблизости мужчины, чем доставили несчастной еще и моральные страдания. Отвратительное насекомое было казнено, а раненую отвели к Алексею Федоровичу.

Укушенная ступня распухла и болела, а Алексей Федорович цокал и качал головой. Ранку промыл перекисью. Пришел Семенови предложил сделать разрез, чтоб яд вытек с кровью, даже достал свой страшный кинжал. Но Фатима подняла такой крик, что охотник счел за лучшее оставить ее в покое и ретироваться. В итоге Алексей Федорович поставил ей что-то рассасывающее и противоаллергенное и, замотав ногу бинтом, оставил в лазарете.

Каким образом кусачая тварь сумела так скоро добраться до института и сколько товаров привела с собой, осталось неизвестным, поэтому всем было рекомендовано за пределы асфальта выходить непременно обувшись.

Поскольку сохранялась и угроза возвращения бандитов, на ночь решили выставить охрану. Дежурили по трое. Один постоянно сидел на вахте, а двое других каждые два часа обходили институт по периметру, а в остальное время играли в карты или дрыхли в кабинете Отдела кадров.

Илья, заступивший на дежурство в четыре часа утра, клевал носом за вахтёрской стойкой, героически борясь со сном. Когда становилось совсем уже неважно, он выходил из-за стойки, делал несколько энергичных движений руками, разминая затёкшие мышцы, потом некоторое время слонялся по вестибюлю, смотрелся в чудом уцелевшее зеркало, а затем выходил в тамбур и, открыв, наспех заколоченную фанерой дверь, вглядывался в черноту снаружи. Ни черта там не было видно. Через затянутое тучами небо не пробивалось ни одной звезды. Илья закрывал дверь на ключ, опять усаживался за свою стойку и через некоторое время, снова чувствовал, что засыпает.

— А часовой-то спит! — по стойке постучали. — Эй, проснитесь, пожалуйста! Здорово же нас караулят.

Илья вскинул голову, сонно вытаращив глаза. Казалось, он закрыл их лишь на секунду, а за окнами уже стоял рассвет. Молоденькая девушка возле стойки, насмешливо смотрела на Илью. Кажется, ее зовут — Майя. Странно, вроде у нее были длинные волосы, а сейчас короткая стрижка". Все эти мысли вихрем пролетели в голове, а Илья все смотрел на нее, словно первый раз видел. С новой прической ее, пожалуй, можно даже назвать хорошенькой, если б не безразмерный мятый халат и зимние боты на ногах.

— Проснулись? — участливо поинтересовалась девица. — Мне бы выйти наружу, нельзя ли отпереть дверь.

— Сейчас, сейчас... — забренчал ключами Илья, с трудом выползая из-за стойки, задница совсем онемела. — А куда это ты... вы собрались? — спохватился он

останавливаясь.

— Да, как вам сказать?.. — несколько смутилась она. — Э — э... Надо в общем...

— Так ведь... — начал Илья, наконец, догадавшись, что ей нужно. — Вчера же решили.

По одному не ходить. Опасно ведь...

— Это что же?.. — развела руками девица, — мне тут сидеть компании дожидаться? Да открывайте же вы скорее, сил уже нет. Если хотите, пойдёмте со мной, постоите, покараулите.

— Ладно, ладно, иди, — сдался Илья и пошел открывать дверь. Девушка семенила следом.

— Далеко только не отходи! — сказал он, выходя на крыльцо и ежась от утренней свежести. — Я буду здесь стоять. Если что, кричи, я прибегу. И кругом смотри, прежде чем... А то цапнет кто-нибудь, за что-нибудь...

Девчонка смущённо заулыбалась. Илья, поняв, что она ищет, куда бы направиться и стесняется его. Он демонстративно отвернулся, и принялся расхаживать по крыльцу, зевая и почесываясь. "Это, конечно, не дело, — размышлял он, — рисковать быть укушенным, каждый раз, когда... И это только начало, следует ожидать целого нашествия подобных тварей! А мы еще не знакомы со здешним животным миром. Нет, надо срочно оборудовать отхожее место во внутреннем дворе института... если б еще каким-то образом соединить это дело с одним из туалетов первого этажа, было бы вообще здорово! Надо, надо! Все надо! Тысяча разных неотложных дел и надобностей навалилось на них. Ладно, водой запаслись вчера и, вдобавок, она оказалась совершенно безвредной... это конечно плюс. Зато потопом смыло весь снег в лесу, а это понятное дело — минус! Хотя жить этому снегу оставалось, максимум, дня два, так что можно сказать, что минус гипотетический. Зато экспедицию к реке можно отложить на неделю, и это скорее плюс, но вот основные продукты на исходе, на завтра уже не хватит, и это жирный минус! Придется разведывать садовые участки с их погребами. Само наличие на плато этих участков — несомненный плюс, но вот то, что бандиты спрятались, судя по всему, где-то там — это минус! Плюс, минус... плюс, минус! Обычно в природе плюсы и минусы уравнивают друг друга, но здесь не та природа и какое ей свойственно равновесие — один бог знает... Бог, которого здесь, может, даже и нет. Который, интересно, час? Не пора ли сменяться? Хоть поспать пару-тройку часов нормально. Дадут ли поспать? Что у нас сегодня намечается? Опять поиск недобитых "братков", пропади они пропадом! Семенов собрался, все имеющиеся силы на это бросить и покончить с ними сегодня же. А если они не окажут сопротивления? Что тогда? Расстрелять без суда и следствия?.. или с судом и следствием? Или каторжные работы, сроком десять лет без права переписки? Какой ужас, до чего мы докатились?.."

Его размышления прервало появление еще одной женщины. Мимо него царственной походкой, даже не глянув, прошла светловолосая дама. Та, которая смотрит на всех свысока. Хоть бы поздоровалась, что ли для приличия! Имени ее Илья не знал, разговаривать им не доводилось. Эффектная тетка, даже, несмотря на ставший для всех униформой халат, да растоптанные кроссовки. На этой, правда, все смотрелось куда лучше, чем на девчонке. Одного взгляда хватило, чтоб оценить — на ней и мешок из-под картошки смотрелся бы.

— Майя — солнышко, — окликнула она девчонку, — что ж ты не разбудила меня?

— Ты так сладко спала, — отвечала та, — да и немудрено после вчерашнего...

У Илья глаза на лоб полезли. "О чем это они?"

— Я от себя и не ожидала... — продолжала, меж тем, Майя, — давно со мной такого не

было!

Илья вытер, мигом взмокший лоб. Искушение оглянуться и посмотреть, чем это они там заняты, было почти нестерпимым, но он сдержался, все своим видом изобразив равнодушие. "Только лесбиянок тут не хватало. Долго они там еще будут лазить по кустам?"

Наконец, женщины вернулись. Причем, блондинка снова прошла мимо Ильи, словно его тут и не было. Вот, стерва!

Следом за ней прошмыгнула смущенная Майя. Илья посмотрел ей вслед. "Интересно, какие у нее ноги? Обычно у азиаток они не шибко-то стройные... извилистые. А у этой? Она ведь, вроде, как полукровка... ни черта не видно из-за этого дурацкого халата! Хотя до блондинистой воображалы, ей, как до Китая кверху попой... Так, о чем это я? Что сегодня намечалось? О! Сегодня же хотели запустить дизель-генератор! Отличный дизель-генератор нашли на складе. Можно будет зарядить аккумуляторы для различных девайсов.

Эхе-хе... а еще у нас шесть трупов, которые вчера так и не удалось похоронить из-за начавшегося дождя. Вдуматься только — шесть трупов за неполную неделю... Еще кондукторша, так и лежит полумертвая... еще Фатиму укусили, не дай бог чего... еще Марек вчера ногу подвернул — костыляет теперь с палкой... героическая личность. Тьфу ты черт, где эта смена?"

* * *

Шел одиннадцатый час утра. Небо вновь разъяснилось, но громада институтского здания пока закрывала встающее солнышко, от чего во дворе было не жарко. Обмундированный, как на войну, Семенов, расхаживал перед автобусом. Его войско собиралось неторопливо, своей недисциплинированностью нервируя полководца. Поздний завтрак, или скорее ранний обед из остатков провизии, закончился уже с полчаса назад, а народ все тянулся и тянулся. В бой, похоже, никто не рвался и воинской славы не жаждал. Наконец, возле автобуса собралось все мужское население Института. Кто-то расселся на ступенях крыльца и лениво курил, кто-то вяло обменивался односложными репликами. Марек зевнул и пихнул Илью локтем в бок, кивая головой на собравшихся.

— Инвалидная команда в сборе.

— Это ты на себя намекаешь? — поинтересовался Илья, Марек после вчерашнего мероприятия ходил с палочкой.

— Нога-то заживет... — парировал тот, — а вот инвалидность духа, не лечится! Видел рожи? Нет в них героизма! Хоть сейчас в утиль!

— А ты герой, ага? Здесь тебе не отряд космонавтов! Люди ехали себе по делам никого не трогали...

Марек посмотрел на друга с сожалением, и снова смачно с завыванием, зевнул во весь рот.

— Пасть-то прикрывай, — посоветовал ему Илья, — а то залетит, какая-нибудь местная бабочка... Где шлялся-то всю ночь?

— А чего? — Марек опять едва удержался от зева. — Я в монахи не записывался. Тут у нас цыпки интересные, чего им пропадать без мужской ласки?..

— И тут ты в своем репертуаре, осеменитель хренов!

Марек покосился на него.

— Тоже мне, мать Тереза...

— Ну что ребята?.. — обратился к собравшимся Семенов, — надо нам напрячься еще разок и устранить одну известную всем проблему.

— А может не надо? — отозвался кто-то.

— Точно, — поддержали его. — Пусть сидят себе в лесу, кому они мешают?

— Это кто здесь такой умный? — хищно воззрился на сомневающийся, прапорщик Николай. — Где эти умные были, когда мы с отморозками воевали?

— Подожди, Коля! — Семенов поднял руку, гася готовую начаться ссору. — По мимо моральных причин, есть существенное обстоятельство, которое по любому нельзя игнорировать — к сожалению, остатки граждан бандитов, сидят не в лесу, как некоторые думают, а на территории садового товарищества, где мы с вами, между прочим, собирались харчеваться. А запасы наши закончились, если кто не знает. Так что? — он обвел собравшихся вопросительным взглядом, — позволим сожрать нашу еду бандитам? В общем, чтоб не разводиться антимоний... кто есть не хочет, может не ходить. Поднимайте руки... и свободны.

— Да ладно... чего ты, Иваныч!.. — заговорили вокруг. — Надо, так надо! Никто ж не против!

— Ну и отлично! — кивнул Семенов. — Дом оставим охранять тех, кто имеет травмы и, так сказать, недееспособен... Вот Илюха, например, у него голова еще не прошла...

— Я? — удивился Илья.

— Ага! — подтвердил охотник. — И друг твой пускай остается, все равно он не ходок. А чего вы кривитесь? Вам задача не менее ответственная — женщин, с детьми охранять. А остальных милости прошу разбирать инвентарь.

— Извините... — подошел к нему Штерн, — я, э-э... видите ли, никогда не держал в руках оружия...

Семенов усмехнулся.

— А лопату?

— Что, извините?.. — растерялся технолог.

— Лопату в руках держать приходилось?

— Да, конечно... у меня же э-э... дача, некоторым образом...

— И где же находится ваша дача?

— Дача?.. э-э... садовое общество "Радуга", это там, собственно, куда вы... мы собираемся...

— Ну вот! — лицо охотника выражало крайнюю степень довольства. — Видите, какой вы ценный кадр! Будете нам там, все показывать! А оружие я вам и не дам... — он широко улыбнулся, — его все равно на всех не хватит. И вы доктор, — обратился он к стоящему рядом Петренко, — на этот раз с нами поедете... не дай бог зацепит кого, поможете... но в первые ряды соваться, ни-ни! Нам без вас тут никак.

Алексей Федорович пожал плечами.

— Я разве против? Только хочу напомнить, у нас есть больные. За ними нужен, какой-никакой уход.

— Ничего! — обезоруживающе улыбнулся Семенов. — У нас девчонок много, приглядят! Верно? — подмигнул он, наблюдающей за ними с балкона, Аняте.

Девушка не слышала его вопроса, поэтому не ответила, только сделала недоуменную гримаску.

— Давайте ребята, грузимся! — махнул рукой охотник. — Бодрее, веселее!.. до вечера надо успеть обернуться...

* * *

Крюк вынул из рюкзака, найденный в одном из домов, моток бечевки. Отмотал с метр, подергал и с сомнением покачал головой — дрянь — веревка, что твой шпагат. Но если свернуть вчетверо, должна выдержать. Он подошел к обрыву и посмотрел вниз. До земли метров десять. Оценил моток взглядом — вроде должно хватить. Да если и не хватит пары метров, тоже ничего страшного — земля внизу ровная, как газон. Лес в этом месте был раздвинут поймой реки. Сама же река оказалась перегороженной возникшим тут плато. Ее пересохшее русло превратилось в пунктир илистых болотцев. До ближайшего из таких болотцев было метров триста. В оптический прицел "Грозы", отчетливо были видны его пологие берега, поросшие чем-то наподобие осоки. В этом умирающем водоеме копошились бывшие речные обитатели. Ничего похожего, Крюк никогда раньше не видел, даже в террариуме Новосибирского зоопарка, куда его пару раз затаскивала подруга Ирка. Это были не рыбы, и не раки, а какого-то странного вида звери. У них имелись клешни, панцири, длинные змеиные шеи, и такие же длинные чешуйчатые хвосты. Несмотря на то, что реку, перегородило четыре дня назад, они все еще не желали умирать. Кто-то пытался закопаться поглубже в высыхающий ил, кто-то, наоборот, карабкался на берег, пытаясь переползти в соседние водоемы. Эта оставшаяся без защитной среды жизнь, не могла не привлечь внимания местных сухопутных хищников. Крюк наблюдал за болотом со вчерашнего дня и уже на глаз мог определить некоторых, из них. Он уже знал, кого внизу следует опасаться более всего. При их появлении, все остальные моментально исчезали с открытого пространства. Эти пернатые твари не были особо крупными и страшными. Так, ростом со знатного индюка или, наоборот, мелкого страуса, которому зачем-то вдруг понадобилось оснаститься длиннющим голым хвостом и вытянутой зубастой пастью. Периодически из леса выскакивали сразу по три-четыре таких тварюки, и начинали носиться вдоль берега, высматривая добычу. А бегали они не хуже страуса. Иногда, делая резкий выпад, ловко выхватывали кого-то из болотной жижи и тут же рядом начинали рвать верещащую жертву на части. Однако, разорвав, не жрали, а с добычей в зубах, стремительно уносились обратно в лес.

Воздух над болотом постоянно чертили другие странные существа — на птиц они были похожи только тем, что летали. С их классификацией Крюк особенно затруднился. Почему-то вспоминались фильмы про вампиров — хотя те, вроде, превращались в летучих мышей. Эти "птицы-мышь" время от времени снижались к поверхности воды и планировали над ней, высматривая, чем поживиться. На всплывшей посреди болота туше расселось несколько этих тварей. Они пиروвали, время от времени взмахивая крыльями и задирая головы, отпугивая норвящих присоединиться к ним сородичей. Однако не всегда падальщики оказывались хозяевами положения — иногда, не рассчитав своих сил, или промахнувшись с выбором жертвы, они сами оказывались схваченными за лапу или крыло огрызающимися обитателями болота. Зрелище было одновременно и захватывающим, и отвратительным.

Крюк уселся на край обрыва, свесив ноги в зимних ботинках. Угораздило же их клочку земли, свалиться прямо на речное русло. Интересно, где теперь течет река? А, впрочем, не интересно. По крайней мере, сейчас, его интересует только одно — собственная жизнь. А она, вполне возможно, может оборваться уже совсем скоро, если, конечно, не удастся перехватить инициативу. Крюк задумчиво почесал синюю, с крестом, колокольню на груди. Достал сигареты, закурил. Настроение было паршивое — "Хер с ним со всем! Будь, что будет... Другого выхода, кроме, как лезть вниз, в этой нездоровой канители все равно не просматривается".

Получается, что они сами себя загнали в ловушку — забрались в этот чертов дачный поселок. Справа от поселка была низинка, которая из-за быстро растаявшего снега и вчерашнего ливня, превратилась в настоящее озеро. Конечно, завтра вода, скорей всего, уже спадет. Но это будет завтра, а сегодня там и на ходулях не пройти. Крюк с утра уже успел полазить по затопленным зарослям и отбросил эту идею — не хватало еще утопнуть сдуру. Идти влево — означало, угодить прямо в лапы преследователей.

То, что погоня продолжится, он нимало не сомневался. Вчера шакалам помешал ливень. А сегодня на небе ни облачка. Значит, уже к полудню, фраера доберутся до поселка. Теперь, когда он остался один, идти против десятка вооруженных мужиков, из которых несколько, вполне себе, матерых волков, было чистым самоубийством! А умирать ему совсем не хотелось, тем более так бездарно.

Швырнув бычок вниз, Крюк поднялся на ноги. Пора было заняться делом. Он размотал веревку, зацепил за ближайшую к обрыву осину, и начал скручивать ее в жгут. Мысли его были печальны: "Эх, вчера надо было валить отсюда, прямо под ливнем, отпугнувшим фраеров. Да, если бы не Гриня... Знать бы, что он все равно ласты склеит... А теперь только вниз, мать его... к этим чертовым тварям из болота. Понизу пройти вдоль края, до тех пор, пока не отыщется место, где можно забраться обратно. Пока его ловят тут, вернуться к институту, прихватить одну из баб, а лучше нескольких... вот тогда и можно будет поговорить по душам с мусором и бородатым хером.

Эти черти, конечно, найдут веревку, но вниз за ним, стопудово не полезут. Да и он бы ни в жизнь не полез, если б не напороли косяков. Как же так вышло? Взяли б мента в заложники, расклад был бы наш. А, этот бивень Кот, зарезал его, как барана... долбаный отморозок!.. и никакого толку! Всегда был беспредельщиком — чуть что, за пику да за ствол. Вот и грохнули его, что, впрочем, закономерно. Да если б только его, хер бы с ним, а то всех парней положили. И миром уже не разъехаться. Все теперь не в цвет!"

Вздыхнув от безрадостных мыслей, Крюк подергал привязанную к осине веревку — вроде держит. Закинул за спину рюкзак с припасами, на шею повесил "Грозу". "Ну, с богом!" Перевалив через край, он стал осторожно спускаться по отвесной стене плато, вниз к проклятой чужой земле.

Дневник Майи 21.03.200...

«Сейчас около двух часов. Хочу рассказать о странном, возможно, знаковом событии, которое произошло сегодня утром. Оно случилось, когда охотники уже грузились в автобус. Тревогу подняли не люди, а вороны. До сегодняшнего дня они вели себя довольно тихо, вроде бы даже решили начать вить гнезда, раз все равно тепло. А тут подняли такой ор, даже через закрытые стеклопакеты было слышно. Я, естественно, выскочила во двор смотреть. Вороны гоняли какую-то странную птицу. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что это "нечто", птицу совсем не напоминало, а было, скорее, похоже на воздушного змея. По крайней мере, хвост у нее был длинный и с ромбиком на конце. Летело это существо неровно, ныряя то вверх, то вниз. Так летают скорее летучие мыши, а не птицы. Зато настоящие птицы, то бишь вороны, носились и орали вокруг этого «змея» как оглашенные.

Кто-то из охотников, недолго думая, пальнул в непрошеного гостя — тот, кувыркнувшись в воздухе, свалился в кусты ольшаника за ангаром. Все, кто был в это время во дворе, кинулись бегом смотреть на «дичь».

Я кое-как протиснулась через толпу, и стала вместе со всеми рассматривать это странное существо. Первое впечатление было — как нелепо оно смотрится в кустах ольхи. Второе, что гость наш похож на вывернутый наизнанку зонтик — пара кожистых крыльев, полностью закрывали небольшое тело. Славка (это он стрелял) стволом винтовки приподнял крыло и выругался — тельце непонятого зверя было покрыто редкими рыжеватыми волосами, узкая длинная морда оканчивалась нехилой пастью, в которой виднелись острые зубы.

— Ни фига себе! Это ж птеродактиль! — сказал кто-то у меня за спиной. Действительно "ни фига себе" — руку могу дать на отсечение, еще ни один охотничий трофей в мире не рассматривался с таким ужасом и любопытством.

Я слышала возбужденные голоса окружающих, как сквозь сон, и постепенно, медленно, но отчетливо, у меня сформировалась одна единственная мысль — если допустить, что это действительно птеродактиль, то есть, летающий ящер, то вряд ли он здесь жил один... Значит, где-то неподалеку должны быть и другие? Я посмотрела на озадаченные лица Славки, Семенова, Ильи — похоже всем им в голову пришла примерно та же мысль».

Майя с тяжелым вздохом отодвинула от себя тетрадь с записями, потерла лицо ладонями. То ли голова болит, то ли плакать хочется, не поймешь. А, может быть, это у нее акклиматизация началась? Или приступ аллергии на летающих ящериц?

— Чего сидишь, вздыхаешь?

Девушка вздрогнула и обернулась. В дверях ее комнаты стояла Варвара Петровна.

— Давай пошли, пора ужин готовить! — как всегда напористо начала бывшая вахтерша. — Вставай, вставай. Сидеть некогда. Тем более что нам последние крохи собирать придется.

— Баб Варь, а можно я не пойду? А? Что-то мне нехорошо. Голова болит...

— Голова — это не беда. Голова пройдет. А если совсем худо — сходи к Алексею Федоровичу — он тебе клизму сделает, разом полегчает.

— Какую клизму? Вы чего, баб Варь?

— А такую, разве не знала, что клизма от начальства повышает рабочую активность?

Вот знай! Нечего тут сидеть и киснуть. Пошли на кухню, я тебя чаем напою, попьешь горяченького — отпустит!

* * *

— Эх, думаешь у меня, старой, ничего не болит? — Варвара Петровна шла впереди, время от времени оглядываясь, проверяя плетется ли за ней Майя. — У меня и сердце, и печенки-селезенки и вообще весь ливер изнылся! И за всех наших, и за тех, кто остался там... — она махнула неопределенно рукой, но Майя поняла, что женщина имеет в виду «прошлый» мир. — Это у меня ни детей, ни внуков, деда своего прошлой осенью схоронила... Знаешь, как говорят? Одна голова не бывает бедна! А у людей, семьи там остались! Только если бы я так вот легла, и лежала, как Антонина Михайловна лежит...

— Какая Антонина Михайловна?

— Как, какая? Да кондукторша ж с автобуса... я к ней заходила, лежит, аж губы синие. Ни с кем не разговаривает. Боюсь, что и помрет скоро! Так вот, если бы я рядом легла, да вот Алексей Федорович рядком... а у него, между прочим, жена да две дочки там остались... да еще кто-нибудь под бок привалился — мы бы так считай, все и померли. И ящериц никаких не нужно! Только вот что я тебе скажу, девочка моя, до тех пор, пока шевелишься, хоть шажок да делаешь, значит, ты живешь. Как только лег — значит, считай, что помер! А ты еще молодая, это мне тут век доживать, а вы, может, и выскочите!

— Что вы такое говорите? — возмутилась Майя. — Какой век! Неужели вы думаете, что нам обратно не выбраться!

— Да что тут думать-то? Думай, не думай... Не своей волей мы сюда попали, и никто нас не спросит, сколько мы хотим тут сидеть! Может, еще сверху смотрят, да в кулак хихикают!.. Жить нам здесь, обживаться нужно. Ни на кого не оглядываясь!

Они, наконец, добрались до буфета. Там у плиты уже возилась Наталья, одна из институтских, женщина лет сорока пяти.

— Ну вот! — заявила Варвара Петровна. — Давай девочка, мой руки, повязывай фартук...

— А чай? — кисло осведомилась Майя.

— Сейчас будет тебе чаек! — вахтерша зажгла конфорку. — Все тебе будет! А знаешь, что мы с Натальей придумали? Мы сегодня пироги стряпать будем! Из кисельного концентрата... знатные пироги будут — как с ягодами! С утра уже и тесто завели... мука-то осталась!

* * *

За возней и стряпней настроение действительно поднялось. Да и с выпечкой Майя всегда любила возиться.

Постепенно в буфете собрались почти все женщины. И независимая Анна и лентяйки Светка с Маринкой и неприступная Альбина и даже охающая Фатима со своей распухшей ногой приковыляла. Что ни говори, а вместе не так страшно и тоскливо в огромном пустом здании. Варвара Петровна всех привечала, всем находила дело, всем придумывала занятие.

Первая партия пирогов была готова. Их разложили на большом противне и уже собирались сунуть в духовку — когда дверь в столовую неожиданно распахнулась и на пороге появилась Татьяна. Едва взглянув на нее, все поняли, что стряслось что-то очень неладное — волосы всклокочены, глаза заплаканы, подбородок дрожал, а саму колотило так, что пришлось опереться о дверной косяк двери, чтобы не упасть.

— Таня, что стряслось? На тебе лица нет! — кинулась к ней Варвара Петровна.

— Мальчики... я нигде не могу их найти... — она начала сползать вниз по косяку. Ее подхватили, усадили на стул, дали глотнуть воды.

— Говори толком, что случилось? — побросав дела, женщины столпились вокруг нее.

— Да я им... — Татьяна всхлипнула, — я же им... я запретила не то, что на улицу выходить, а и в окна высовываться... мало же какая нечисть залетит... они вроде бы послушались, только притихли как-то так. Я и в голову не взяла... Усадила их книжки смотреть, да пошла по делам... меня попросили разобрать там, на складе...

— Ты про «разобрать» потом расскажешь, ты про мальчиков...

— Ну вот!.. Через час прихожу — нету! Я уже все комнаты вокруг обежала... нигде нет! Ну, куда они могли деться? — она обводила окруживших ее женщин, затравленным тоскливым взглядом, словно требовала ответа на свой вопрос.

— Ты у Ильи спрашивала? Он же все время у входа торчит...

Татьяна подняла на Анюту полные слез глаза.

— Спрашивала... не видел он.

— Вот же бесенята, прости меня, Господи! — Варвара Петровна хлопнула себя ладонями по могучим бедрам. — Где ж они делись? Может, где по институту лазят? Из института-то им не выйти...

— Ага, — вмешалась Наталья, — держи карман шире... не выйти... Любое окно на первом этаже откроют и вылезут как миленькие! Я даже знаю где! В туалете!

— Ох, девоньки!.. — запричитала Татьяна, — ой, что же делать-то?

— Может они за ангаром? Так и сидят, эту летучую тварь смотрят?

— Да нужно еще в институте поглядеть, может, влезли куда, да уснули!

— Да закрыты ж все комнаты! Куда им лезть?!

— Ой, сыночки мои родненькие! Ой, сожрут же их! Твари кругом, летучие, ползучие!

— Да что ты болтаешь? Кто сожрет? Этот птеродактиль никого тяжелее мыши не утянет!

— Стойте! — тонкий голос Майи перекрыл общий гомон. — Вспомнила! Сегодня, когда разговор был про то, что продукты кончилось... мальчишки рядом со мной стояли и шептались... вроде что-то про рыбалку... Кажется они...

— Ой, мамочки!

— Ясно! Героями решили стать, от голодной смерти нас спасти.

— Да неужто ж они с обрыва решаться лезть?

— Там не надо с обрыва... там говорят, речка прямо под ним течет.

— Все, баста! — топнула ногой Анята. — Раскудахтались! Может, они рыбы хотели наловить... может еще чего. Мало ли что им в головы взбредет! Искать надо везде! Все, давайте живее! Пошли к мужикам!

* * *

— Что? Где? Да вы что?.. — Илья был растерян. Женщины обступили его со всех сторон и галдели. — Да подождите вы! — наконец, разозлился он. — Устроили базар, понимаешь! Куда сбежали? Когда?

— Да кто ж их знает, оглоедов?! — заполошно голосила Варвара Петровна. — Мать хватилась, а их как корова языком слизала!

Анята вытолкнула вперед Майю.

— Вот она слышала!

— Рассказывай! — обрадовался Илья. — А остальные замолчите ради бога!

Девушка, смущаясь и сбиваясь, пересказала ему, то небольшое, что знала. Илья лихорадочно соображал. "Вот черт, что же делать? И Марек, как назло, куда-то запропастился! Бежать искать пацанов? Где, куда? Девушка говорит, что может, к реке подались... Рыбку им вздумалось половить, засранцам!"

— Так, дамы, подождите, не напирайте, дайте сообразить!

— Да чего соображать-то? Надо идти искать! Давай открывай двери!

— И куда идти? Где искать?

— Как куда? — удивилась Майя, а про себя подумала — "Такой здоровый, а не соображает!" К реке, конечно! Они ж туда собирались...

— Ты была там у реки? Знаешь хоть, где это? В какую сторону идти?

— Там! — наугад махнула девушка куда-то на юг.

— Там... — передразнил ее Илья. — Там лес! На машине не проедешь. Через лес надо идти... пешком!

— Васильев! — тон у Анюты был презрительный. — Я от тебя не ожидала! Бабы не боятся, а ты испугался... червяков с летучими мышами! Открывай дверь, мы сами пойдем. А ты сиди тут... охраняй... — она внезапно перегнулась через стойку и схватила связку ключей. Обернулась к женщинам и победно потрясла ей в воздухе. — Пойдемте девки! Обойдемся без этих горе — воинов!

— Аня! Ты чего, дура, что ли? — разозлился Илья. — Положи ключи на место!

— Щ-щас! — она сложила из своих длинных пальцев изящную фигу и помахала у него перед носом. — Пойдемте девчонки! — и направилась к выходу, издевательски покачивая бедрами. Женщины, загалдев, двинулись следом. Одна Майя в растерянности топталась возле турникета. Не таким она видела развитие ситуации. Действительно, топтать голыми ногами, фактически по болоту, в которое превратились, после стремительного таянья снега, участки леса, куда-то на другой конец плато, даже неизвестно точно в какую сторону, теперь представлялось ей в высшей степени неразумным. Искать мальчишек, конечно, нужно, но не так как предлагает эта заполошная Анна, которую, кстати сказать, она сама же и спровоцировала. "Неужели я опять в роли провокатора? Да нет же... я-то тут причем, это мальчишки..." В голове у девушки словно что-то перещелкнуло. Она смотрела на женщин, высыпающих на крыльцо и что-то там обсуждающих, на Илью, который что-то говорил в мигающую огоньками рацию, и в душе у нее нарастало ощущение какой-то неотвратимости и необратимости грядущих событий. Их маленький социум приближался к очередной грани, через которую суждено перейти не всем.

Внезапно она поняла, что Илья уже некоторое время, что-то говорит, обращаясь к ней.

— Эй! Ты оглохла что ли?

— Что? — Майя потрясла головой, силясь отогнать от себя наваждение.

— Скажи им... женщинам скажи, чтоб никуда не расходились, я пробую связаться с Семеновым.

— Хорошо, — кивнула Майя и поспешила к выходу.

— Стой!

— Стою...

— Здесь рация не ловит ни черта! Я поднимусь на этажи, попробую оттуда. Останови их, я тебя умоляю! Не дай в лес уйти!

Чувствуя себя китайским болванчиком, Майя кивнула еще раз. Она совершенно не представляла, каким образом сможет удержать возбужденных женщин.

Илья, прыгая через две ступеньки, помчался на третий этаж. "Хоть бы дождались, вот же стадо бешеных овечек! А Анька-то хороша, дура и дура! Что на нее нашло?" Он пробежал коротким коридором и выскочил к торцевому окну. Одного взгляда хватило, чтоб понять, что ничего у него тут не выйдет. Именно то направление, которое было ему нужно, загоразивал Корпус моделирования. Выругавшись и, от души стукнув кулаком по подоконнику, он решил все-таки попробовать, включил рацию. "Василий Иванович! Василий Иванович, слышите меня?" — переключил на прием, с надеждой вслушался в шипение эфира. — Нет ничего. Не берет сигнал. Что же делать? Лезть на крышу, вот что! Только бы чердак не был заперт! И эти клуши не разбежались".

По закону подлости, дверь на чердак, конечно же, оказалась закрыта. Илья затравленно огляделся. Ничего тяжелого, такого, чтобы помогло вышибить эту чертову дверь, вокруг не было. Попробовал плечом, осмотрел замок — хлипкий, но держит. И самое отвратительным было то, что дверь открывалась наружу. Чтоб выбить ее — придется разломать буквально в щепки. Он скептически посмотрел на свои, обутые в легкие сандалии, ступни. Да, подбитые кирзачи здесь были бы более к месту. Но что есть, то есть. Он вытащил из-за пояса Стечкин, чтоб не мешал, и аккуратно положил на подоконник. Отступил к краю площадки и с размаху пнул дверь ногой, целясь в район замка. Что-то затрещало, но и только.

Илья опять отступил и нанес удар другой ногой. Еще раз и еще. Толстая фанера держалась. Его охватило исступление. Не чувствуя боли, он бил снова и снова. Проклятый замок, проклятые обстоятельства, проклятая жизнь! Лопнул ремешок, и сандалия отлетела в сторону, но дверь, наконец, стала поддаваться. Еще один отчаянный удар, и нога, выбив кусок фанеры, провалилась внутрь. Он еле удержался, чтоб не упасть. Не хватало еще ногу сломать. Шипя от боли в горящих огнем пятках, Илья просунул руку в дыру, и немного пошарив на ощупь, открыл, так и не поддавшийся грубой силе, замок.

Чердак встретил его тьмой египетской — в нескольких шагах уже ничего не было видно. Пришлось потратить несколько драгоценных минут, пока глаза более-менее привыкли к темноте. Он огляделся — в обе стороны от двери, уходили, теряясь в темноте галереи, ряды двигателей вытяжной вентиляции. "Где же окно на крышу?" За все время работы в Институте, Илья оказался на чердаке в первый раз. "Вон вдалеке, кажется, что-то отсвечивает, слабое пятнышко света за одной из вентиляционных труб. Там окно!" Прихрамывая на обе ноги, и ощупывая темноту вытянутыми руками, Илья двинулся к нему.

* * *

Женщины сошли с крыльца и совещались, размахивая руками, в сторону предполагаемой реки. Майя поспешила к ним.

— Дотуда, с километр наверно будет, — говорила Наталья, — охотники рассказывали, что там стройка брошенная. Я это место знаю — грибы там всегда собираю в августе.

— Это где Лисьи Горки? — уточнила Варвара Петровна, и, получив утвердительный ответ, обрадовалась. — Так туда, даже я, старая раскоряка за полчаса дойду. Делов-то...

— Подождите! — вмешалась в разговор Майя. — Илья просил подождать! Он сейчас по рации свяжется с мужчинами...

— Бог с тобой, девонька! Да зачем же нам мужичков отвлекать? Они, небось, не грибы собирают, важным делом заняты! Нам бы лишь мальчишек найти...

— Неужели женщины сами ни на что не способны? — сказала Альбина неприязненным тоном.

— Действительно! — поддержала ее Анна. — Сами ходим и вернемся. Я думаю,

больше часа это не займет. Заодно и посмотрим на реку эту. А ты, если боишься, можешь тоже оставаться... под охраной. У нас охранники смелые! От любой летучей мыши защитят, — она насмешливо прищурилась.

— При чем тут "боишься".. — Майя начала раздражаться. Что за бестолковые курицы. Неужели они ничего не понимают? В душе у нее крепло странное ощущение чего-то непоправимого, что должно произойти с ними. Словно маленький снежок, родоначальник будущей лавины, уже покатился с горки. — Я просто предлагаю подождать десять минут!

— Жди, — равнодушно сказала Анна и отвернулась от нее. Остальные тоже перестали ее замечать, увлекшись обсуждением деталей будущего похода. Кажется, эта идея им уже начала нравиться. Лица у всех, кроме Татьяны, были довольные. Как же, ощутили, наконец, свою нужность и смысл существования.

Майя беспомощно молчала, глядя, как женщины, направились к лесу.

С холма дачный поселок, был как на ладони. Представлял он собой рассеченный оврагом массивчик из нескольких десятков разномастных строений, от вполне приличных домиков из кирпича и камня, до покосившихся фанерных сараев. Вокруг них чернели пятна огородов в чахлой окантовке голых кустов и остовов плодовых деревьев, отделенные друг от друга хилым шпакетником или мощными заборами. Вымощенные битым кирпичом и щебенкой дорожки разбивали поселок на несколько кривых геометрических фигур, назвать которые прямоугольниками можно разве что спьяну.

— Слышь, Иваныч! — Слава осторожно дотронулся до рукава Семенова. — Глянь туда... кажись дымок, или я ошибаюсь? — он показал на самый край поселка, где на отшибе, на взгорке, стоял маленький домик из красного кирпича.

— Сейчас проверим, — охотник навел бинокль. — Глазастый ты, Славка! Нет, не ошибаешься... похоже костерок жгут на огороде... — он замолчал, напряженно всматриваясь. — И кажись, в окнах что-то мелькает... Походу, там они!

— Что делать будем?

— Да что?.. Ничего пока, полежим, понаблюдаем...

Они полежали. Семенов убрал от глаз бинокль и о чем-то напряженно размышлял.

— Слышь, Славка?.. — охотник смущенно кашлянул в кулак.

— Иваныч! Ты опять?!..

— Да что опять? Куда жмурики-то делись?

— Ну, сколько можно уже?! Что ты хочешь от меня услышать? Я уже десять раз рассказывал: положили всех шестерых рядом в тенечке... Андрюху — автобусника, поставил могилку им копать... ну, не успел он, конечно. Попробуй, на шестерых-то вырой. Тут дождь... ну, не обратно же их везти? Все равно ж на следующий день собирались вернуться.

— Да ты успокойся Славка, я ж тебя не виню... Я просто понять хочу, куда они могли деться... что, встали и ушли?

— Я же говорю: бандиты унесли...

— Да за каким чертом, им это нужно — жмуров таскать?

— Я-то откуда знаю? — ярился Славка. — Что я им в голову залезу, этим отморозкам? Может, они их похоронить хотели по своему обычаю? Какому-нибудь, мусульманскому...

— И торчка с сержантом?

Слава только руками развел, мол, ничего добавить к вышесказанному не могу.

— Я вот, что думаю... — сказал после паузы Семенов, — их какие-то звери унесли...

— Да какие тут звери? Крупнее крысы никого нет...

— Не перебивай! — одернул его охотник. — Сам знаешь, что я не про земных зверей говорю!

— Да думал я про это... стены отвесные, по десять метров... что они, скалолазы что ли, звери эти?

— Во-первых, не везде десять — есть гораздо ниже, и ты это знаешь. Во-вторых, мы же с тобой спускались и поднимались... подожди не перебивай! И, наконец, в-третьих... сколопендры эти и как их... птеродактили, к нам уже проникли! Теперь очередь за остальными в гости пожаловать.

— Да звери, их тут же на месте жрать бы начали! Зачем тащить куда-то?

Семенов хмыкнул.

— Знать бы что, про здешних зверей...

— Слушай, Иваныч, а может все проще... смыло трупы ливнем в ближайший овраг... ведь потоп какой был, мама родная! Мы ж толком-то и не искали.

— Вот и я про то! Надо поискать... Следы поискать. Зверье оно всегда следы оставляет...

Сзади послышался громкий треск и невнятная ругань. Семенов поморщился.

— Славка, иди, скажи мужикам, чтоб потише себя вели, а то ходят чисто лоси. Пусть падают и отдыхают.

Внезапно ожила рация.

— Василий Иванович... — неся из динамика взволнованный голос, — слышите меня? Василий Иванович... слышите? Прием, прием!

— Илья? Слышу тебя хорошо! Что случилось?

— Слышите?! — обрадовался Илья. — Я уж думал, не дозвонюсь до вас! Не берет и не берет... пришлось аж на крышу залезть! Как у вас дела?

— У нас-то хорошо... А у вас, что такого стряслось, что ты по крышам лазишь?

— ЧП у нас!

Охотники переглянулись.

— Что за ЧП?

— Мальчишки сбежали! Женщины слышали, что они на реку, вроде собирались...

— Вот же черти мелкие, чего удумали! — Семенов в сердцах повернулся к Славе. — Нет, ты понял? Как некстати! — и в микрофон. — Что предпринимаешь?

— Да ничего пока... вот посоветоваться хотел... но хуже другое!

— Ну?

— Да женщины тут, как с цепи сорвались!.. непременно хотят идти их искать!

— Ты их не пускай!.. слышишь Илья? Не пускай! Скажи, мы немножко освободимся и сами...

— Да говорю, они не слушают! Что мне их привязывать что ли?

— Ты не суетись! Слышишь меня? Не суетись, Илюха, сейчас что-нибудь придумаем...

— Слышу... я думаю...

Внезапно голос Ильи пропал заглушенный громким шумом и треском.

— Что такое? — Семенов потряс рацию. Включил, выключил, покрутил настройку. Помехи были на всех диапазонах. — Что за притча? — он повернулся к напарнику. — Ты чего-нибудь понял?

Тот пожал плечами. Они посмотрели на ясное небо, без каких-либо признаков приближающейся грозы.

— Что за помехи? Откуда они взялись? Он что с крыши упал?

— Слушай, Иваныч!.. — Слава посмотрел на часы, — а я ведь вчера, что-то такое уже слышал, только значения не придавал, думал — рация барахлит. А теперь гляжу... а время-то, тоже самое! Час семнадцать! И, главное, минут пять или десять так бухтела. А потом, ничего, снова заработала.

— Ладно, с рацией потом... Сейчас, быстро разбираемся с урками и назад к Институту... что-то у них там неладное. Давай, беги к Коле, выдвигаемся!

— Так может, подождем? Зарботает связь... узнаем толком...

— Славик, Славик, некогда ждать! — Семенов подтолкнул напарника. — Что-то сердце

у меня не на месте... боюсь, беды бы не было! Давай бегом!

* * *

Включив рацию на прием, Илья услышал только громкое шипение, перемежающееся, похожими на разряды, щелчками. "Блин, как же не вовремя!" Он постучал рацией по колену, и посмотрел на небо. Не то чтобы ни тучки — ни облачка! Ясная лазурь разлилась от одного горизонта до другого. Он глянул на дисплей — с аккумуляторами все в порядке, заряд почти полный... А это что такое? Индикатор входного сигнала зашкаливал. Причина помех была не в рации. Где-то рядом вдруг включился мощный коротковолновый передатчик. Бормоча проклятия неведомым глушилкам, Илья выключил рацию и сунул ее в карман. "Интересно знать, откуда тут мог взяться источник такого мощного сигнала?" Он поднялся на ноги и огляделся. Женщины так и стояли на краю стоянки, что-то обсуждая. Внезапно его привлекло какое-то движение. Что-то стремительно пересекло просеку теплотрассы метрах в трехстах от Института. Это было так неожиданно, что взгляд сперва скользнул дальше. И только потом пришло понимание, что двигаться в той стороне совершенно нечему и некому — люди уехали в противоположном направлении. А те, кто остался... Илья напряженно всматривался. Вот еще... и еще. Стремительные силуэты один за другим выныривали из одной стены леса, чтоб через несколько секунд раствориться в другой. Толком ничего не разобрать. Он скорее интуитивно, чем взглядом определял направление, в котором двигались неясные тени, то проявляясь, то опять сливаясь с тенями деревьев, снова выныривая уже ближе к Институту. Они идут сюда, и это не люди... Лишь спустя несколько минут, когда продолговатые силуэты непрошенных гостей показались в полосе редкого березняка, Илья, наконец, смог их разглядеть. От осознания увиденного, ему показалось, что мозг сейчас вскипит у него в голове, а глаза вылезут из орбит. Это были...

* * *

Майя вздрогнула и закрутила головой, пытаясь определить, откуда кричат. Мужчина на крыше. Стоит у самого края. Кричит и машет руками, пытаясь привлечь ее внимание. Да это же Илья. Что он так разоряется? Краем глаза, Майя заметила, что и остальные женщины повернулись и смотрят на него. Она попыталась разобрать слова, которые из-за порывов встречного ветра звучали неразборчиво.

— Внисти-т, внисти-т!.. ре-е!

"В Институт" — наконец, скорее угадала, чем расслышала Майя. Он кричит — "В Институт! Скорее!" Им угрожает какая-то опасность. Иначе он не стал бы так орать и махать руками, рискуя свалиться с крыши.

В следующую секунду Майя, как стороны, увидела себя кричащей что было мочи. Она просто дублировала слова Ильи, который к тому времени уже исчез с гребня крыши:

— В институт! Скорее, скорее!

Женщины, разинув рот, смотрели на нее, но почему-то не двигались. И тут Майя завизжала. Так, что чуть сама не оглохла. Как ни странно, это подействовало. Первой потеряла самообладание Марина. Она пробежала мимо Майи, испугано косясь на нее, словно та была опасной сумасшедшей. Следом кинулись остальные. На месте осталась только Анна. Встретившись взглядом с Майей, она покрутила пальцем у виска. "Идиотка!" — прочитала девушка беззвучные движения ее губ. И тут же забыла обо всем. За спиной у Анны совершенно беззвучно, как в кошмарном сне, показалось чудовище. Секунду назад его еще не было, а вот оно уже здесь. Не очень огромное такое чудовище — не четырехметровый монстр. Так — метра полтора в холке. Почему же оно казалось таким

ужасным? Против воли, размышляя об этом, Майя начала пятиться, не отводя от него взгляда. Чудовище стояло на двух мускулистых ногах, слегка помахивая длинным толстым хвостом. В длину оно было гораздо больше чем в высоту. Непропорционально большая для поджарого тела голова, слегка приоткрытая пасть с кинжалами зубов. Болотного цвета шкура, усыпанная темными пятнами, напоминала военный камуфляж. Короткие когтистые передние лапы сжимались и разжимались. Наконец, Майя сообразила, что вызывало у нее такой ужас. Взгляд! Чудовище смотрело на нее, слегка повернув голову, одним глазом. Неподвижный взгляд янтарного глаза с вертикальным зрачком. Это его она видела сегодня во сне. А теперь видит наяву.

Майя продолжала пятиться. Ей казалось, что прошли минуты, пока продолжалась эта дуэль взглядов, хотя на самом деле пронеслось всего несколько секунд. В этот момент она встретила глазами с Анной и увидела там отражение своего ужаса. И весь мир вокруг, как будто замер. Ни шороха ветра, ни птиц, только удары сердца, отдающие в висках. Как в замедленной в десятки раз съемке, Анна начала оборачиваться. Она оборачивалась, казалось, целую вечность, а оборвалось все в долю секунды. Почти неуловимый глазом прыжок и там, где только что стояла девушка, уже копошится на асфальте нечто бесформенное, рычащее, хлещущее воздух толстым хвостом. А во все стороны летят кровавые клочья. И, тогда Майя закричала. Закричала так, что казалось, сейчас вывалятся из рам остатки стекол!

Никогда она не бегала так быстро. словно какая-то неведомая сила толкала в спину, в два, в четыре раза ускоряя движение. В голове была только одна мысль: "Только бы не упасть, только бы не упасть!" Спиной она ощущала погоню и понимала, что, если бег продлится еще несколько секунд, ей не уйти. И тут буквально влетела в дверь, умудрившись захлопнуть ее за собой. Сзади грохнуло так, словно в дверь ударили кувалдой. Ее преследователь, не ожидал такого коварства от глупой дичи, и не рассчитал скорости.

Майя в три прыжка преодолела вестибюль, и обернулась только возле турникета. Увиденное, заставило ее сердце в очередной раз сжаться от ужаса. Наспех забитая фанерой дверь не стала серьезной преградой, для чудовищ. И хотя одно из них, ошалело трясло башкой, пытаясь прийти в себя после таранного удара, другие уже спокойно, по-хозяйски входили в, пробитую их собратом, брешь.

Куда теперь? Тех нескольких секунд пока она думала, чудищам хватило, чтоб освоиться в незнакомых интерьерах и одно из них, прямо от входа сигануло к девушке через весь холл. Это так Майе от страха показалось, что через весь. В следующий миг она уже неслась вверх по лестнице. И вот тут-то удача, наконец, отвернулась от нее. Правая нога соскользнула со ступеньки, и девушка со всего маху распласталась посередине второго пролета. Хорошо еще руки успела подставить, не разбила лицо. Однако, когда она попыталась вскочить, чтоб продолжить бегство, тело пронзила такая боль, что слезы хлынули из глаз. Правая нога совершенно не слушалась. Майя застонала и, ухватившись руками за перила, попыталась подняться. Но и это ей не удалось — при падении отбила левый локоть. При попытках двигаться, поврежденные конечности взрывались острой болью. Сквозь перила девушка увидела, как запрыгнувшее на лестницу чудище, потеряло равновесие и свалилось обратно, чуть не сбив второго монстра. Огромные птичьи лапы с чудовищными когтями явно не были приспособлены для подъема по слишком узким и гладким для них гранитным ступеням.

"Неужели спасена?" — мелькнуло в голове у Майи. Но нет, упавшая тварь, ловко вскочила на ноги и, перекинувшись шипяще-рычащими звуками со своим сородичем, снова

ступила на лестницу. На этот раз, она была куда более осторожна и терпелива. Отчаянно балансируя длинным хвостом, хищник шаг за шагом поднимался к первой лестничной площадке. Майя отчаянно завозилась, словно попавшая в паутину муха. Цепляясь здоровой рукой за перила и отталкиваясь от них же здоровой ногой, ей удалось подняться на несколько ступеней. Одновременно в голову пришла безнадежная мысль — даже если она преодолеет пролет, это ничего не даст — на одной ноге от мерзкой твари не ускачешь! С ней и на двух здоровых пойдешь, побегай наперегонки! Неужели ж помирать? Она вспомнила Анну. Нет, только не так!

В этот момент хищник ступил на площадку, отразившись в большом зеркале. Несколько секунд он озадаченно разглядывал свое отражение. Но затем, по-видимому, вспомнив о вкусной и здоровой пище, что ожидает его всего в нескольких метрах, развернулся к девушке. Сверху он напоминал огромную, вставшую на дыбы собаку без шерсти. Странный разрез пасти — напоминающий приветливую улыбку. И хвостом он махал вполне дружелюбно. Вот только глаза. Он опять смотрел на Майю одним глазом, повернув голову. Как тетин волнистый попугайчик, когда он хотел что-то рассмотреть. Мертвый остановившийся взгляд... по-змеиному мелькает перепонка века.

Тут только Майя сообразила — да это ж динозавр. Настоящий хищный динозавр, единственная цель для которого — поймать и съесть незадачливое плацентарное млекопитающее, которое имело наглость или глупость, встать у него на пути за миллионы лет, до назначенного ему срока! Как их там звали в разных фильмах и книжках? Аллозавры? Велоцирапторы? Господи, какие глупости лезут в голову! Что же, она и умрет здесь на лестнице института, с каким-то непроизносимым названием, в зубах у доисторического ископаемого? Ох! Кто бы его сначала закопал, чтобы оно стало ископаемым!

Майя дернулась, пытаясь подтянуться еще на одну ступеньку вверх, и застонала от боли и ужаса, понимая, что жить ей осталось меньше минуты. Слово получив сигнал к действию, хищник возобновил восхождение к своей законной добыче. Он был нетороплив, и неотвратим как кошмар, и кажется, уже готов был приступить к трапезе.

В этот момент ее подхватили под мышки, и потянули куда-то вверх.

— Чего расселась, дура? — бормотал над ухом знакомый голос, а сама она стала быстро удаляться прочь от зубастой пасти и огромных когтей.

* * *

Пока Илья спустился с чердака, пока добежал до центральной лестницы, прошла пара минут. В основном, конечно, время ушло на передвижение по самому чердаку. Царящая там темень, не способствовало скорости бега. Да какой там бег? Илья, ушибаясь всеми частями тела, об, торчащие отовсюду, острые углы, продирался сквозь несчастные тридцать метров чердачного коридора, минуты полторы. Те, кого он видел с крыши, двигались в десятки раз быстрее. То, что они нападут, не вызывало у Ильи никакого сомнения. Весь вопрос был только в том, восприняли ли женщины всерьез его предупреждение. А если восприняли, успели ли спрятаться? О том, что будет, если они останутся во дворе, он не хотел даже думать.

Институтский коридор встретил его пустотой — ни людей, ни их тел, ни динозавров. И даже звуков не было никаких — тишина. И хотя это внушало некоторый оптимизм — надежду на то, что чудовищам не удалось пробраться в здание — спускаться на первый этаж он остерегся. Мало ли что. Попадешь всей этой орде прямо на обед, тут и пистолет не поможет. Так рассуждал он, идя коридором второго этажа, пока вдруг не понял, что тяжести

за поясом он не чувствует. Его бросило в жар. По вискам и по лбу потекли ручейки пота. Пистолет... он его забыл на подоконнике у двери на чердак... идиот! Он уже хотел развернуться и бежать назад, как вдруг услышал слабый стон. Как ошпаренный, Илья метнулся к центральной лестнице. Затормозил, чуть не упав, возле пожарного щита. Пробежал глазами по инвентарю. Выдернул, выкрашенный в пожарно-красный цвет, лом. Может лучше топорик? Нет, лом поувесистей и в три раза длиннее.

Открывшаяся картина, бросила его из жара в холод. Пот мгновенно высох — по коридору повеяло ледяной какой-то стужей. Зрелище было вполне сюрреалистическое — пятящийся задом Марек, тянул вверх вяло барахтающуюся девчонку — эту, как ее... Майю. А жуткая тварюга — одна из тех, кого он видел с крыши, только многократно приближенная в прямом и переносном смысле слова, следовала за ними, всего парой метров ниже. Целая вьюга мыслей пронеслась у Ильи в те несколько секунд пока он оцепенело наблюдал, как Марек с девчонкой, пятытся от разъяренно шипящего чудовища. Что делать? Попытаться убежать? Но он видел, как бегают эти монстры — на автомобиле не сразу обгонишь, стало быть, шансов убежать с полумертвой девицей на руках, нет никаких. От них и налегке-то вряд ли убежишь. Спрятаться в какой-нибудь комнате? Не факт, что открыть не смогут... как-то же в институт пробрались. Бежать за пистолетом? Догонит, мать его... Остается одно — дать твари бой, уповая на старую поговорку, что против лома нет приема.

— Илюха! — в голосе Марек была неподдельная радость. — Ты, кстати! Ходить хоть чуть-чуть можешь? — обратился он уже к девице. — Не пускай его! Не пускай!..

Но Илья, и сам уже сообразив, что монстра ни в коем случае нельзя пускать на ровное пространство, отчаянно тыкал ломом, целясь в оскаленную морду. Тот, стоя на узких ступенях внизу, терял все свое преимущество в скорости и вооружении и мог только злобно пязгать зубами, уклоняясь от тычков лома. Противники попали в патовую ситуацию — динозавр не желал отступать, но и двигаться вперед у него не получалось, а Илья в свою очередь не мог попасть своим, слишком тяжелым оружием в увертливого гада. Оставалось только использовать выгодную позицию. Спасенная девчонка всхлипывала и сопела.

— Что делать будем? — заорал сзади Марек.

— Пистолет! — не оборачиваясь, крикнул ему Илья, лихорадочно пытаясь сообразить, как объяснить другу местонахождение забытого пистолета.

— Что? Что, ты говоришь?

— Где дверь на чердак, знаешь?

— Какой чердак? Ты про что?

— Пистолет... пистолет я там забыл, возле двери на подоконнике...

— Ты забыл?

— Да!!!

— Чего ты там делал?

— Неважно! Беги туда, тащи пистолет! А то сожрут на хрен! — обливаясь потом, Илья чувствовал, как быстро устают руки от тяжелой железяки.

Марек побежал, но тут же вернулся.

— А где это?

Илья уже хотел обложить непонятливого друга по всем правилам русского матерного, заодно объяснив, где лежит этот чертов Стечкин, но в этот момент сообразил, что динозавр уже некоторое время не делает попыток подняться, а отступив на пару ступеней вниз, издает какие-то странные свистяще-шипящие звуки и кажется... ему отвечал кто-то невидимый.

Снизу послышалось приближающееся клацанье когтей, и вторая зверюга, очевидно прилично разогнавшись, буквально в секунду проскочила лестничный пролет и оказалась на площадке между первым и вторым этажами. Соотношение сил изменилось не в пользу людей.

— Блядь! — заорал Илья. — Что делать? Стоять, суки! — лом описывал веерообразные движения. — Стоять, гандоны! Марек, я не могу уже их держать! Марек!

— Щас!

Над ухом раздался скрип, а потом громкое шуршание. Илья только успел отдернуть голову. Прямо в оскаленную морду динозавра ударила ледяная струя углекислоты. Илья таки получил время оглянуться. Возле его головы маячил красный баллон огнетушителя ОУ-3. Марек водил раструбом, старательно обрабатывая, тщетно пытающегося увернуться, хищника. Три секунды, пять, восемь. Все, заряд иссяк. Монстр ошалело мотал головой. Похоже, он ничего не видел и не соображал. Тут Илья изловчился, и со всего маха двинул его ломом по заиндевевшей башке. Динозавра снесло вниз по лестнице, как куль с отрубями, прямо под ноги, начавшему восхождение, собрату. На этом все и закончилось. Поверженный монстр, визжал и шипел, дрыгая ногами, наполнив всю лестничную площадку своим, бьющемся в агонии, телом.

Отшвырнув пустой огнетушитель, Марек схватил Майю в охапку и, пробежав десять метров коридора, буквально вломился в двери какого-то кабинета. Следом заскочил Илья, с грохотом захлопнув дверь, так что с потолка осыпалась штукатурка. Вместе они задвинули проход, стоявшим рядом тяжеленным шкафом с книгами, который, в свою очередь, подперли столом с копировальным аппаратом. Все, бой окончен. Непонятно чьей победой. Но здесь, по крайней мере, они в безопасности... пока...

Майя сидела на полу, там, где ее отпустили.

— Они больше не придут? — вопрос не предназначался никому конкретному.

— Вот выйди и спроси у них, раз такая любознательная...

Девушка посмотрела на Марека, лицо у того было бумажно-бледное, а глаза, напротив, казались неестественно темными, совершенно дикими. У Ильи была разбита губа и кровь текла на рубашку. Майя уже собиралась ему сказать про испачканное лицо, когда у нее началась «сухая» истерика. Не было ничего — ни голоса, ни слез — ее колотило крупной дрожью, заставляя биться спиной о стеллаж с книгами. Ей было бы легче, если бы удалось заплакать, закричать в голос. Но ничего не получалось. Марек помог ей очень простым и действенным способом, присел рядом и ударил по щеке — хлестко, жестко. Так, что дыхание на несколько секунд остановилось, а когда вернулось, то с ним пришли и слезы, и плач. И ненависть. Бешеная ненависть захлестнула Майю с головой. Да как он смеет? Он не может, не должен... она не хочет, не хочет здесь больше оставаться. Она хочет домой. Обратно домой к маме! Примерно что-то такое она и попыталась крикнуть в лицо Мареку. А он стал соглашаться с ней — обнял, стал гладить по голове и уговаривать как маленькую, что все будет хорошо, что все будет просто отлично, что он лично со всем разберется...

— Тсс — с, тише ты, балбес! Спугнешь ведь...

— Все, все, молчу... А помнишь...

— Блин, да засохни ты!

— Ну-у, Гриш... а, круто мы придумали — на стрекоз ловить?

— Да круто, круто... Ух ты!.. Глянь, какие рыбины! Ни фига себе!.. здоровенные! Да вон там, смотри! Видишь? Так и ходят кругами. Парочку бы таких выловить! Хватило бы и на обед, и на ужин.

— Красивые они.

— Кто? Рыбины?

— Не-е... стрекозы. Крылья такие разноцветные, блестящие... Надо засушить парочку. Дома пацанам покажу, прикольно будет.

— Да... блин, опять сожрала наживку, гадина. Дай-ка мне еще одну... жалко даже, такой красоте хвост отрывать. Ты молодец, Жека, что удочку нашел. А то, что бы тогда делали? Ни компа, ни телека... Хоть порыбачим...

— Да я же смотрю... — шурясь от удовольствия, в сотый раз начал рассказывать Женька, — дядя Слава багажник освобождает... под продукты, наверное... всякого барахла повытаскивал. Вижу, у них там спиннинг! Он шмотки в кладовку отнес, типа, спрятал... а спиннинг завернул в какие-то тряпки и поставил в уголок, — Женька хохотнул, — я думаю, класс, как раз нам и пригодится. Они уехали, я и взял.

— Во, лыбу — то до ушей растянул, — усмехнулся Гриша. — Не зазнайся теперь, добытчик. Стырил у людей удочку и радуется.

— Ну, Гриш... я же...

— Все, сказал же — припухни!

Несколько минут царило молчание. Оба сосредоточенно буравили взглядом поплавок.

Сидели мальчишки верхом на стволе поваленной ветром сосны. В этом месте река текла прямо под обрывом и уже успела основательно подмыть склон, тем самым, не оставив сосне никаких шансов удержаться на краю. Ее вывороченные корни, продолжали цепляться за землю, не давая дереву окончательно упасть в реку. Погруженная в воду колючая крона, шевелилась, словно живая, омываемая ленивыми струями. Женька болтал ногами метрах в четырех от воды. Ниже спускаться побоялся — тонкий, ближе к верхушке, ствол неприятно раскачивался под ногами и казался ненадежным.

Гришка сидел немного выше, сквозь смешно торчащие уши просвечивало солнце, отчего они казались почти прозрачными. Охваченный охотничьим азартом, он поминутно ерошил короткостриженую макушку

Противоположный берег, густо поросший деревьями и кустарником, был надежно укрыт от любопытных взглядов. Сладковатый запах прелой листвы и влажной земли, доносимый легким ветерком, так и манил, не давая Женьке покоя. Его мало интересовала рыбалка. Он уже строил планы, как пробраться на тот берег и разведать обстановку. В очередной раз, потянув носом воздух, мальчик покосился на брата. Гришка, наморщив лоб от усердия, следил за поплавком. Тот лишь слегка подрагивал на поверхности воды, покрытой легкой рябью.

Вот он дернулся — раз, другой, и ушел на глубину.

— Смотри! Ничего себе! Тяни, тяни... — азартно руководил процессом Женька, — давай, ну...

Гришка вел нешуточную борьбу с неведомой речной обитательницей. От напряжения на лбу выступили капельки пота, он старался подвести «рыбешку» как можно ближе к себе. Удилище изогнулось дугой.

— Женька, сейчас подтяну ее! Отходи! — закусив губу, он изо всех сил дернул удочку, из воды вместе с россыпью брызг вылетела рыба. Тут же засунутая в пакет, она продолжала биться и трепыхаться своим скользким телом.

— Хороша рыбка! — довольный Гришка снимал с груди и живота серебристые чешуйки. — Килограмма на три потянет!

— Да ну? — усомнился Женька.

— Точно тебе говорю! Еще пару таких поймем и уха будет зашибись!

— Ты как думаешь, — Женька при помощи ладони замерял длину затихающей рыбины, — она взрослая или еще бы выросла?

— Не знаю, — брат покачал головой, — теперь уже точно не вырастет... главное, чтоб съедобная была.

— Слушай, — наконец, решился Женька, — а давай, пока ты будешь ловить, я сплаваю на тот берег, разведая что там? Я мигом, — начал канючить он, предвидя возражения старшего брата, — заодно и искупаюсь... а то жарко очень.

Но тот, против обыкновения, спорить не стал.

— С течением-то справишься?

— Какое тут течение? Где ты его видишь? — полный решимости, Женька начал раздеваться.

— Ну-ну... — Гришка деловито насаживал на крючок следующую порцию наживки. — Смотри, я не полезу тебя доставать,

— Ты лови, лови, — Женька снял кеды и, связав их шнурками, повесил на ветку, чтоб не упали в воду. Стащил майку с шортами и, сверкая исцарапанными коленками, встал ногами на ствол сосны, готовясь нырнуть. — Интересно, глубоко тут? Башкой об дно не ткнусь?

— Зассал? — предположил старший, — сам придумал, а теперь ссышь?

— Дурак ты! Сам нырни, попробуй! — голос Женьки звенел от обиды, — Слабо?

Их перепалку прервал негромкий всплеск. Из воды медленно всплыла голова странного животного — заостренная пасть с множеством зубов, похожая на крокодилию, только короче. Жуткая тварь появилась и тут же скрылась в темной воде, продемонстрировав серое мясистое тело с плавниками на лоснящихся боках и длинным змеиным хвостом.

Братья испуганно переглянулись.

— А если б ты прыгнул? — загорелое Гришкино лицо стало серым.

— Может, он не хищный? — судя по тону, мелкий, сам не очень-то верил в свое предположение.

— Ты че, слепой? Зубы его видел? Он ими траву жрет, да?

— Чего орешь на меня? — возмутился Женька. — Сам подбивал: нырни да нырни!

— Я? — удивился Гришка. — Да ты же сам придумал!.. На тот берег, на тот берег!.. искупаться ему захотелось! — приложив руку ко лбу козырьком, он пристально всматривался в обманчиво безмятежную рябь на воде.

Разыгравшееся Женькино воображение, рисовало ему картины, одна страшней другой. Он беспокойно озирался по сторонам, опасаясь, что неведомое чудище выскочит из воды и,

ухватив за ногу, утянет в пучину. Ну и что, что до воды метра четыре, может они прыгают, как дельфины.

— Может, пойдём, Гриш... а? — он натянул штаны, балансируя и обдирая ноги, обул кеды. Накинул на плечи рюкзачок со всякими необходимыми вещами, — этот крокодил все равно всю рыбу распугал.

— Хорошо гундеть, не терпится за мамкину юбку уцепиться? — первый шок прошёл, и Гришка храбрился, не мог он детским испугом подорвать свой авторитет перед младшим братом. — Давай ещё полчаса посидим... может гадина уплывёт, ещё рыбки наловим.

— Ты как хочешь, а я на берег, — Женька стал карабкаться вверх по сосне. — Там лучше посижу.

— Ну, и лезь! Без тебя обойдусь! Ссыкло!

— Ну, и сиди, лови крокодилов — парировал Женька, забираясь все выше. — Тоже мне, Данди нашелся...

— Фиг с тобой, — пробурчал старший.

Женька подтянулся на корнях, и, перебравшись через них, оказался на ровной земле. В этот момент лопнули последние, удерживающие сосну, корни и ее основание медленно заскользило вниз по склону.

— Гришка! — истошный крик брата звенел в ушах.

Сосна, громко шурша ветками, погружалась в реку. Земля комьями падала вниз. Женьке оставалось беспомощно наблюдать, как его брат, сдирая в кровь руки и ноги, карабкается вверх по уходящему в воду стволу. В какой-то момент падение замедлилось. Добравшись до корней, Гришка лег на них грудью. Дальше пути не было — отвесный склон. Дерево вздрогнуло еще раз и замерло. Разделенные несколькими метрами, мальчишки лежали, глядя друг на друга.

— Гриша, не дергайся, — севшим голосом сказал Женька, — она на одной сопельке висит.

Гришка посмотрел вниз — до воды всего ничего и поднял глаза на младшего. — Мне не подняться, высоко очень... — он говорил спокойно, стараясь не выдать своего страха и не напугать еще больше младшего брата.

Женька, всхлипнул, вытер выступившие слезы, размазав грязь по лицу.

— Гриш, я сейчас какую-нибудь палку найду, вытащу тебя!

— Нет, — покачал головой тот, — тут не палку, тут целое дерево надо... не вытянешь... Позови кого-нибудь из взрослых...

— Ты подожди тогда, я мигом, ладно? Держись, ага? — Женька поднялся на ноги, огляделся и побежал в заросли березняка. Дорогу обратно к институту он помнил весьма приблизительно.

* * *

Когда эта противная девчонка Майя, завопила, что есть силы, сердце у Наташи оборвалось в первый раз.

Когда уже забегала в Институт, в дверях, что-то заставило оглянуться, и сердце у нее оборвалось во второй раз — за спиной у Анны стоял динозавр — Наталья видела таких на картинках, в книжке своего семилетнего племянника — двуногий, с оскаленной пастью и длинным извивающимся хвостом. Немедля больше ни секунды, она развернулась и помчалась в вестибюль.

— Ох, моченьки моей нет... что ж там приключилось? — Варвара Петровна тяжело

дышала и держалась за левый бок, — крик-то подняла, аж сердце заходится...

— От кого мы убегали-то? Это ж надо так напугать! — Татьяна беспокойно оглядывалась, — Как же теперь сыночки мои? Что же делать-то?..

Из-за угла выскочила Наташа, глаза у нее были совершенно безумные.

— Что там, Натусь?

— Ключ! Скорее!

— Господи, Наталка, ты что как припадочная?.. — глядя на ее перекошенное лицо, Варвара Петровна утерла испарину.

— Дверь открывай! Ты меня понимаешь, дура старая? Сдохнуть хочешь? — Наталья вцепилась в ее руку, — Где ключ?

— Да подожди, не трясина ты меня, окаянная, — свекольно-красное лицо вахтерши покрывали мелкие бисеринки пота, — всю душу вытрясешь, и так еле на ногах держусь, — она стала шарить по карманам фартука в поисках ключей.

Послышался дробный стук каблуков, затем грохот, сопровождающийся треском, словно сломалась деревянная доска. Яростное рычание наполнило вестибюль. В коридор, высунулась зубастая морда, показавшаяся Варваре Петровне, невероятно огромной. Следом еще одна. Досматривать она не стала. Безошибочно выхватив в связке нужный ключ, воткнула в замочную скважину. Теперь в поле ее зрения было только лицо Татьяны, бледнеющее на глазах. Сзади, сдавленным голосом, пискнула Наташа. Варвара Петровна спиной чувствовала приближение зверя. Замок спасительно щелкнул. Распахнув дверь, вахтерша влетела в буфет, пропихнув вперед окаменевшую от ужаса Татьяну. Трясущаяся Наталья, заскочила следом и помчалась куда-то дальше, на кухню. Вахтерша захлопнула дверь прямо перед носом зверя, ключи с громким лязганьем упали на пол.

Глухой удар заставил ее отшатнуться. Еще один. Трясущимися руками, наваливаясь всем грузным телом, она придвинула к двери тяжелый стол и рухнула на пол.

— Господи, что же это делается?.. Господи, спаси и сохрани... Богородица Дева... Благодатная Мария, Господь с тобою... благословенна ты в женах... и благословенен плод чрева твоего... Усердно к тебе прибегаю, скорая помощница и молитвенница о душе моей... Избави мя от бед и напастей...

Сыпалась шпукатурка, трещали косяки. И чем сильнее скребли когти по толстому дереву дверной обшивки, тем истовей молилась женщина:

— Царица Преплагающая, богородица матушка... защитница сирых и убогих, узриши мою беду... услыши мою скорбь, спаси и помилуй... спаси и помилуй!..

Внезапно удары прекратились. Теперь было слышно только ее шумное, со свистом дыхание. В глазах все двоилось и расплывалось. Ставшие бесцветными, на фоне пылающего лица, губы, продолжали двигаться уже беззвучно.

Женщина попыталась подняться с пола, но не смогла, устало прислонилась спиной к ножке стола. Голову давил железный обруч, боль зазубренными лезвиями полосовала мозг.

— Девоньки, милые... воды дайте, — язык повиновался ей с трудом. — Кажись, ушел он, проклятый... дай... пересохло все.

Воды она так и не дождалась.

* * *

— Твою же мать! — сказал Семенов.

Бывший бандит Гриня сидел привязанный к стулу. Над его правым ухом имелась аккуратная дырочка, вторая столь же аккуратная, была в оконном стекле.

— Выходит, ты по жмурику стрелял? — язвительно поинтересовался прапорщик.

— Выходит так, — развел руками охотник.

Слава присел возле трупа на корточках.

— Смотри-ка, все брюхо в кровище, а вокруг нет ничего...

Семенов хмыкнул.

— Этот гаврик еще вчера окочурился.

— Думаешь?

— Чего тут думать? Его кровь в джипе была... видать, пока они досюда добирались он, и помер от потери крови. А второй не будь дураком, использовал дружка своего, чтоб, нас подзадержать. И ведь ловко придумал мерзавец! Стекло грязное, в домике темно... а он окошко с дверью приоткрыл — сквозняк... занавесочка колышется... вот и казалось, что этот шевелится. Пока мы покойничка высматривали да окружали — минут двадцать потеряли... Обманул гад!

— Интересно... — прапорщик щелкнул зажигалкой, прикуривая, — а сам-то он куда делся? Может в погреб, какой залез? Эдак мы его неделю выковыривать будем!

— Вряд ли, — Семенов тоже вытянул сигарету из пачки, — дай-ка прикурить, Коля... — он затянулся, шурясь от дыма. — Ты бы Славка поосторожней со жмуром, — заметил он возящемуся возле трупа напарнику, — вдруг он его заминировал...

— Ну, ты Иваныч нашел душмана, — усмехнулся Слава. — Чем он его заминирует, какашкой, что ли? Нет на нем ничего.

— Ну-ну, — Семенов снова повернулся к прапорщику. — Я говорю, вряд ли... не будет он прятаться, не тот тип! А что там за галдеж на улице?

Они вышли наружу. Метрах в пятнадцати, возле соседнего домика, стояли и что-то оживленно обсуждали Штерн с Алексеем Федоровичем.

— Эй, Славка, — крикнул в дом Семенов, — бросай своего покойника, он не убежит... пойдем, там мужики, похоже, что-то нашли.

Все участники облавы, числом семеро, скопились у осины, к которой была привязана веревка. Другим свои концом, она свисала со стены плато.

— Ну, что я говорил? — Семенов выглядел удовлетворенным. — Не станет он прятаться по погребам... мужик рисковый!

— А может, он так просто... веревку для отвода глаз привязал? — усомнился Алексей Федорович.

— Э нет, батенька! — охотник подошел к краю плато. — Вон, видно, как он по стенке ногами шурудил, когда спускался. Или думаете, он сперва спустился, а потом обратно залез, чтоб только нас запутать? Так нет, вон и следы его внизу имеются... — он достал бинокль. — Угу... направо пошел. Чуешь, Славка?

— Неужели к оврагу? — удивился тот. — Там, конечно, стена пониже, чем здесь... но метров пять все равно будет... Так просто не запрыгнешь! Скорее, он попробует где-нибудь по дереву взобраться. Может спуститься, да по следам его пройти?

— Ты Славка всегда, верно, рассуждаешь! — кивнул Семенов. — За что тебя и уважаю. Но спускаться мы не будем, ни к чему нам эта канитель. А овраг проверим, тем более нам это почти по пути.

— Разрешите господа вмешаться в ваш важный разговор? — встрял Борис Колбасов. — Мне кажется, мы теряем время! А если он уже забрался обратно?

— Вот! — поднял толстый указательный палец Семенов. — Чтоб не терять время в

дальнейшем, надо разобраться в текущем моменте. Вы ребята, веревку обратно смотайте, — обратился он к институтским. — Вернуться этим путем у него не выйдет. Таким образом, остаются три варианта. Первый — на плато он возвращаться и не собирается, второй — он хочет вернуться, но пока не нашел подходящего места для подъема, и, наконец, третий — он уже на плато.

— Первые два варианта мне нравятся больше, — сказал Алексей Федорович.

— Особенно самый первый! — поддакнул прапорщик.

— Но надеюсь, э-э... — лицо Штерна было довольно кислым, — мы не столь наивны, чтоб э-э... на них рассчитывать.

— Не столь, — согласился с ним Семенов, — Итак, поскольку число наших противников уменьшилось до одного, не вижу необходимости бегать за ним всей толпой. Поэтому, сейчас мы разделим наши силы. Тему голода ведь никто не отменял, верно?... а значит часть наших бойцов, под вашим Михаил Аркадьевич, чутким руководством, останется здесь и подробненько изучит содержимое погребов. А ваш участок здесь имеется?

— К сожалению, а может к счастью, нет, — ответил Штерн, — наш домик был в соседнем товариществе и на плато не попал. Но очень многих я тут знал.

— Ну, и отлично! Проверьте самых зажиточных. Кого хотите в помощники?

Штерн пожал плечами.

— Ну, тогда берите институтских ребят. С ними у вас будет полное взаимопонимание. Не возражаете? — обратился он к Егору с Борисом. Те дружно кивнули, мол, какая разница, где послужить родине, в погребах, так в погребах.

— Втроем, я думаю, справитесь. Автобус мы вам оставим... вместе с шоферюгой. Ну, а остальные прошу за мной... поспешаем господу, времени у нас маловато!

* * *

С момента боя на лестнице, прошла, казалось, вечность, хотя на самом деле, вряд ли больше пяти минут.

Пока Марек успокаивал девчонку, Илья осмотрелся по сторонам. Комната, в которую они вломились после короткой схватки с динозаврами, оказалась читальным залом институтской библиотеки. Он попытался прислушиваться к тому, что происходит в коридоре, но от Марека с девицей было столько шума, что Илья бросил эту затею и, раздраженно глянув на них, подошел к окну. Отсюда со второго этажа, двор выглядел совершенно пустынным — так и стояла накрытая пластиковой пленкой мебель, разбросанные по стоянке машины, томились брошенные своими хозяевами. Динозавров тоже не было видно. Сзади подошел Марек, положил руку ему на плечо.

— Ну, что скажешь, уважаемый друг, откуда это свалилось на нашу голову?

— Откуда свалилось, сейчас неважно! Скажи лучше, где ты, блин, целый день шлялся?

— Ничего и не шлялся... — буркнул Марек, убирая руку с плеча. — Подумаешь... уже полчаса вздремнуть нельзя.

— Ты мне уши не крути! Полчасика... Как мужики уехали, так я тебя больше и не видал... Тебя за каким хреном тут оставляли?

— Ну, начинай, начинай!.. — вид у Марека был страшно обиженный.

— Вы его не ругайте Илья! — неожиданно подала голос Майя. — Если бы не он...

— Ладно... — вспомнив проявленную его другом храбрость и смекалку, Илья смягчил тон. — Откуда ты, кстати, на лестнице нарисовался?

— Ты прикинь! — бодро начал Марек, обиженный вид с него как ветром сдуло. —

Встал я, значит, думаю: пойду, проведу, как там друг Илья вахту несет. Тебя ж на полчаса оставить нельзя... ладно, ладно, не испепеляй меня взглядом, шучу! И тут эти две телки навстречу несутся... Светка крашенная... и подруга ее... забыл, как звать. Глаза у обеих по пять рублей. Орут в два голоса, понять невозможно, то ли пожар, то ли, наоборот, потоп... похоже сами толком ничего не знают. Ну, я их в комнату затолкал, велел дверь изнутри запереть и никому не открывать, а сам побег до тебя. Бегу по третьему этажу... слышу — крики, визги... спускаюсь на второй, а там эта, — он кивнул на девушку, — лежит на лестнице, отдыхает. А к ней лезет такое!.. Слушай Илюха, я, когда его увидел, чуть не обосрался... пардон, мадмуазель! Ну, думаю — спасать надо малую. Подхватил ее под микитки, тащу, значит, и думаю: а куда ж потом? И, прикинь, не могу найти ответа на этот простой вопрос. А тут ты, слава богу, подоспел с ломиком, — лицо Марека приняло мечтательное выражение. — Слышь, Илюша, а здорово ты его охреначил по кумполу!.. Только я не понял, что это за чудо-юдо такое было?

— Динозавр, — хором ответили Илья и Майя.

Лицо у Марека вытянулось.

— Вашу мать!.. Точно! А я все думаю, кого он мне напоминает. Я, понимаешь, в фас его не узнал... Слышь, отец, у меня когнитивный диссонанс!

— У всех диссонанс, — задумчиво сказал Илья, — давайте решать, что будем делать дальше. У присутствующих идеи есть? Ясно, идей нет. Тогда я пошел за "Стечкиным". Пройду через библиотеку и выйду через дверь возле правой лестницы.

— Я с тобой! — тут же сказал Марек.

— И я! — пискнула Майя.

— Нет уж, — покачал головой Илья, — вы, милая барышня, останетесь здесь, и будете сидеть тихо, как мышка, пока все не устаканится!

Майя отчаянно замотала головой.

— Одна я не останусь! — она попыталась вскочить, но тут же со стоном опустилась обратно. — Я не могу, остаться, правда! Я очень боюсь...

— Ладно, — констатировал Илья, — Марек, ты остаешься с ней.

— Вот еще! — возмутился тот. — Чтоб Марек Левицкий друга бросил? Одна посидит, ничего с ней не сделается, тоже мне, кисейная барышня... — он наткнулся взглядом на умоляющие глаза девушки и замолчал.

— Вот-вот, — усмехнулся Илья.

— Да тебя ж одного сожрут и не подавятся! Вспомни, как на лестнице!..

— Не сожрут! И ты мне в этом поможешь...

— Интересно знать, как я тебе помогу сидя здесь?

— Сейчас все объясню, идем ко второй двери... Спокойно девушка! — повернулся он к встрепенувшейся при этих словах Майе, — Марек сразу вернется! Так вот, идем ко второй двери, осторожно открываем и смотрим... если зверюга в коридоре, ты возвращаешься в читальный зал и начинаешь лупить в дверь, орать... в общем всячески привлекать его внимание! Я в это время постараюсь быстренько проскочить на лестницу...

— А если он тебя заметит?

— Даже если и заметит, не страшно. От читального зала до двери, метров пятнадцать, а мне всего пару-тройку метров проскочить до лестницы, а там ему за мной не угнаться. Ты главное, дверь не забудь запереть!

— Ох, Илюха, Илюха... — Марек с сомнением качал головой, — боязно, мне тебя

одного отпускать...

— Не дрейфь! — Илья хлопнул друга по плечу. — И не спорь, только зря время теряем.

— Тоже мне командир выискался! — бурчал Марек, плетясь за Ильей вдоль бесчисленных стеллажей с книгами. — Раскомандовался тут!

Коридор оказался, на удивление пуст.

— Ну, вот и отлично! — обрадовался Илья. — Все даже проще, чем мы думали...
Короче, я побежал, а ты запишись и жди...

Когда Наташа опасно выглянула из кухни, Татьяна сидела на полу, обхватив колени руками, и только бессмысленно хлопала глазами. Наташа подошла к сидевшей возле стола вахтерше, потрогала за плечо.

— Варвара Петровна! Ты чего? — она принялась тормошить ее, зачем-то дуть в лицо. От ее толчков голова вахтерши, безвольно моталась из стороны в сторону. Наталья кинулась к буфетной стойке, схватила чашку, зачерпнула из бака воды и бросилась обратно. Некоторое время тщетно пыталась влить воду ей в рот, стуча краем чашки по намертво сжатым зубам, пока, наконец, не поняла. Отшатнулась.

— Ох, что это... ой, батюшки! Померла! — чашка, выпав из рук, с громким стуком разбилась о кафель, а вода плеснулась на ноги. — Что же это делается?! Люди! Кто-нибудь... помогите! — заголосив, Наталья, кинулась к столу, забралась на него коленями, подползла к двери, прижалась ухом к деревянной поверхности. Ничего. Покосившись на Татьяну, она открыла защелку замка и немного приоткрыла дверь, пытаясь рассмотреть коридор.

Мощный удар оглушил ее, Наташа кувырком полетела на пол. Сидя на полу и держась за ушибленный лоб, она некоторое время безумно тарасилась на треснувшую дверь, ошалело тряся головой. Последовал еще более сильный толчок, дверь прогнулась, полетели щепки. С ужасающим скрежетом тяжелый стол поехал по шершавому кафелю.

Опомнившись, Наталья заверещала, как схваченный заяц, и, вскочив с пола, бросилась бежать, не разбирая пути и ударяясь об острые углы столов. Хлопнула дверь на кухне, Татьяна, наконец-то, очнулась и вскинула глаза — в образовавшийся узкий проем уже просунулась зубастая пасть и когтистые лапы. Женщина рванулась прочь, упала, поскользнувшись на мокром полу, поползла, не обращая внимания на разбитые колени, лишь бы быть подальше от страшной оскаленной морды. Обогнув буфетную стойку, Татьяна завyla от отчаяния — дверь на кухню оказалась запертой. Сзади слышалось утробное рычание. Куда бежать? Где прятаться? Женщина судорожно распахнула створки шкафа для хранения продуктов, и забралась в него, стараясь забиться в самый дальний угол, стать маленькой и незаметной. Запоздало задалась вопросом, а живы ли вообще ее дети...

В зале что-то с грохотом упало, и Татьяна услышала приближающееся клацанье когтей. Чудовище все-таки ворвалось в буфет. Заходясь в беззвучных рыданиях, женщина перекрестилась и закрыла глаза.

* * *

— Там... там... — Наталья пучила глаза и тыкала пальцем в сторону буфета, затем вдруг припустила вверх по лестнице. Илья даже не успел схватить ее за руку.

— Куда?! Стой! Что там?

Торопливый стук каблуков был ему ответом.

Он осторожно заглянул на кухню, и тут же отшатнулся от знакомого яростного рычания. Торопливо передернул затвор АПСа, перевел флажок предохранителя в положение непрерывного огня.

На кухне никого не оказалось. Рычание раздавалось из столовой. Стараясь ступать неслышно, Илья подкрался к двери. Заперта на английский замок с защелкой, открывается наружу. Очевидно, Наталья, убегая, захлопнула ее за собой. Некоторое время, он пытался по

звукам понять, сколько в столовой динозавров. Хорошо если один. В обойме "Стечкина" двадцать патронов, а перезарядить он наверняка не успеет. На одного зверя хватит, а ну как их двое или трое? Интересно, насколько они живучи? Илья однажды читал, как охотились на гигантского крокодила-людоеда — всадили в него несколько разрывных пуль, потом проткнули колом, а он все равно удрал. От этих мыслей по спине пробежал холодок, захотелось оказаться от буфета подальше. А может снова забраться на крышу, да попробовать еще раз связаться с мужиками? Интересно, заработала ли рация? Илья даже не уловил момента, когда, рассуждая сам с собой, начал пятиться обратно, к выходу на лестницу. В самом деле, чего ему тут ловить? Наташка сбежала, значит, в столовой никого нет. Но тогда что там делает динозавр? Да мало ли, что он может там делать — нашел что-то из продуктов и жрет себе.

Илья уже готов был покинуть кухню, когда по ушам резанул отчаянный женский визг.

Пока он тут занимается самоуспокоением, в буфете кого-то убивают.

Илья сорвался с места, от удара ногой отлетел хилый замок, дверь в столовую распахнулась настежь. Время замедлилось, как в фильме "Матрица", где пули по пять минут булькают из одного угла экрана в другой. В паре метров от Ильи, в позе испуганного страуса, стоял динозавр. Его голова и передние лапы были скрыты в недрах большого ящика, так что наружу торчала только задняя часть туловища. Длинный хвост, толстый у основания и тонкий в конце, как бич хлестал воздух. Когтистые ноги скребли кафель, силясь засунуть тело еще глубже внутрь ящика. Вновь закричала женщина, на этом замедленная съемка и закончилась. К тому времени палец уже выбрал свободный ход курка и этот истощенный, полный смертной тоски, вопль, сработал как спусковой механизм. Грохнула длинная очередь, ствол повело, пули пошли веером. Зазвенела разбитая посуда, что-то упало и покатило громко брэнча. Пистолет дернулся, выворачивая руку, словно был крайне недоволен стрелком. Динозавр, как ужаленный выдернул башку из ящика и уставился на Илью. Тот с удивлением понял, что умудрился ни разу не попасть. Игра в гляделки длилась недолго, хищник прямо с места заскочил на стол. Илья, шарахнувшись назад, ударился об косяк и выдал новую очередь. На этот раз попал.

Когда, выпущенные в упор, три девятимиллиметровые пули в течение одной секунды попадают в тело, это создает определенный кинетический эффект — зверь свалился со стола и опрокинулся на спину, разметав при этом посуду. Яростно визжа, он дрыгал ногами и бил хвостом, но встать не мог.

Поглощенный этим зрелищем, Илья не заметил стремительное движение слева. Второй динозавр, перемахнув через стойку, со всего маху врезался в дверь, за которой укрывался незадачливый стрелок. От могучего удара парень полетел кувырком, а когда вскочил на четвереньки, с ужасом понял, что потная ладонь больше не сжимает рукоятку пистолета.

Нервы у Ильи сдали, и он, не вставая с четверенек, устремился к выходу из кухни — победа обернулась позорным бегством.

Но и убежать оказалось делом непростым. Динозавр, одним прыжком преодолел разделяющее их расстояние. Только какая-то животная реакция заставила Илью закатиться под стол для разделки мяса. Лязгнули о кафель когти, в том месте, где секунду назад была его спина. Динозавр сунулся, было, за ним, но пролезть не смог. Илья, выкарабкавшись из-под спасительного стола с противоположной стороны, оказался в узком пространстве между краем столешницы и стеной, настолько тесным, что двигаться здесь можно было только боком, укрываясь от лязгающей пасти динозавра, за чанами и котлами. Зверь несколько раз

пытался запрыгнуть на стол, но поскользнувшись на гладком металле, валился на пол. Илья боком, боком отодвигался от него вдоль стены, пока не понял, что дальше некуда — стало слишком узко, да к тому же горячо. Пару секунд он соображал, чем это так припекает грудь и живот, пока, наконец, не понял, что стоит прямо за плитой, на которой в огромной кастрюле кипит вода. Ее около часа назад, поставила на газ рачительная Варвара Петровна. В связи с произошедшими событиями, про кастрюлю все забыли, и вода успела нагреться до кипения, в чем Илья и убедился, отдернув обожженную ладонь. Боль ускорила мысли и он, что есть силы, толкнул кастрюлю от себя. Плеснулся кипятком, ошпарив руки и грудь. Пятнадцатилитровая кастрюля заскользила днищем по конфоркам, на что-то наткнулась, накренилась и опрокинулась прямо под ноги маячившему за плитой динозавру. Последовавший за тем визг, не уступил бы хору десятка побитых собак. Как тварь исчезла из кухни, Илья заметить не успел — в это время он выбирался из раскаленного тупика — ноги жег разлившийся по полу кипяток, от плиты начала дымиться рубашка.

Когда он минуту спустя, вооруженный тесаком для разделки мяса, заглянул в столовую, там было пусто. Пистолет, оказывается, лежал всего в шаге от двери. Быстро нагнувшись, Илья подобрал оружие.

Подстреленный им динозавр, валялся в углу возле кассы, под ним натекла кровавая лужа. Глаза его были закрыты, но задние лапы и кончик хвоста все еще судорожно дергались, чудовищные когти сжимались и разжимались.

Второй хищник бесследно исчез. Обойдя буфетную стойку, Илья, наконец, увидел, чем тот занимался до их встречи. От этого зрелища, рот моментально наполнился горячей слюной. Его рвало безостановочно минут пять, казалось, что вместе с остатками пищи и желудочным соком выходит из него весь испытанный за сегодня страх, так мучительно содрогалось тело, и выворачивался наизнанку желудок.

Когда все, наконец, закончилось, Илья вытер губы, смахнул с глаз выступившие слезы и, без сил, опустился на ближайший стул. На изуродованное тело Варвары Петровны, он старался больше не смотреть.

Шорох, внезапно раздавшийся со стороны буфетной стойки, заставил снова схватиться за пистолет. Сначала Илья подумал, что это ожил динозавр, но, когда к шуршанию добавилось тихое всхлипывание, наконец, сообразил, что в пылу схватки, совсем забыл про несчастную, ради спасения которой явился сюда. Жива, слава богу! Илья осторожно постучал стволом пистолета по дверце.

— Эй! Кто там? Вылезай, приехали...

* * *

Как она оказалась в своей машине, Альбина не поняла — волна страха окатила с ног до головы, заставив тело действовать быстрее разума. Только что разрушилась последняя хрупкая преграда, отделявшая их земное прошлое от страшной реальности. Ужас из самых кошмарных снов, стал явью. Порождением этой новой реальности были твари, рвущие на части то, что уже перестало быть человеком.

Здесь, в уютном маленьком мирке салона пахло ванилью и нежными цветочными духами.

Куда она едет? Что с людьми? Смог ли кто-нибудь выжить, или монстры убили всех? Если так, то остается единственный вариант: по сильнее разогнаться и в дерево. Жаль, что все так глупо — только начала жить по-человечески, так много не успела. Долбанная Инга, со свои абонементом в Оперный!

Стоп! Как она могла забыть — в лесу есть люди! Надо срочно их найти и предупредить! Быстрее! Она вжала педаль газа. На повороте машину занесло, чуть не опрокинув в кювет. Облившись потом, Альбина стала вести осторожней. Напряженно всматриваясь в дорогу, женщина молила: лишь бы с ними все было в порядке, что угодно, лишь бы живые. Странное чувство заполняло ее — почти нежность к этим некогда таким чужим и неприятным людям.

Навстречу неслась серая лента дороги. Слезы горячими ручейками стекали по лицу. Нет, она не рыдала — это было помимо воли — смотрела вдаль и облизывала соленые губы. От прежде любимых запахов, мутило. Теперь ваниль всегда будет ассоциировать у нее со смертью и липким ужасом.

* * *

Крюк глянул на часы и перешел на рысцу. Без четверти два — значит в его распоряжении еще, минут двадцать — полчаса, не больше.

Как ни странно, пока все складывалось удачно. Во время его путешествия вдоль стены плато, ни одна из местных гадин не попыталась с ним познакомиться поближе. Это было очень кстати, иначе пришлось бы стрелять, а значит, привлечь внимание охотников.

Обратно на плато удалось попасть без проблем. Овраг, тот самый, через который они с Гриней перебирались позавчера, размыло вчерашним ливнем. Высота стены в этом месте не превышала полутора метров. Правда, добираться туда пришлось по колено в жидкой грязи, нанесенной вчерашним потопом. Пока брел по грязевому озерцу, пока карабкался на плато, весь вывозился в липкой глине. Но это ладно — грязь, слава богу, не кровь, лишний раз испачкаться не страшно. Напрягло Крюка совсем другое: глинистое дно оврага, по которому до сих пор тек небольшой ручеек, было испещрено странными трехпальными следами. Выходит, кто-то уже успел воспользоваться проходом, а значит, мог быть где-то рядом.

Следы напоминали птичьи. Вернее, как напоминали — два крайних пальца были нормальными длинными, а вот средний подкачал — был он совсем короткий, но зато оставлял самый глубокий отпечаток. В остальном же в точности, как птичьи. Вот только размеры... сопоставил глубину следов со своими, Крюк присвистнул — выходило так, что весили эти "птички" не меньше, а то и больше, чем он сам. Может, конечно, это были какие-нибудь здешние мирные страусы, но почему-то сразу вспоминались пернатые любители речной живности, в чьей хищности сомневаться не приходилось. В общем, палец с курка Крюк не убирал всю дорогу, а глаза настороженно шарили по краям оврага. Лишь когда выбрался на более-менее ровную местность, вздохнул свободней. Время, по всем прикидкам у него еще было. Когда пробирался по оврагу, выглянул возле мостика. Автобус и джипы уже стояли там. Значит, охотники прибыли и ушли к поселку. Возле автобуса терлись два фраера, типа, охраняли. Можно было, конечно, попытаться их грохнуть и забрать джип, но в планы Крюка это не входило. Ведь до сих пор, как ни крути, крови на нем не было. Лично он никого не убивал. Мента завалил Кот, а пострадал ли с той стороны еще кто-нибудь, Крюк не знал.

"Эхе-хе!.. — размышлял он на ходу, — Вот так и бывает, свяжешься с отморозками, потом жизни не рад. Из всей бригады только Гриня и был человеком — его и жалко. Остальные бивни тупорылые!" Как такому коллективу доверили сопровождать важный груз, Крюк понять не мог. Наркотой он раньше не занимался и, если бы не личный должок перед Калимом, никогда б на такое не подписался.

До цели оставалась еще пара километров, когда со стороны института послышался шум двигателя. Крюк едва успел залечь на обочине, когда из-за поворота вылетела серебристая

"ауди". На огромной скорости, она пронеслась мимо, но в следующий момент вдруг резко затормозила. Визг покрышек резанул по ушам. Крюк вскинул, было, автомат, но тут же опустил — машина остановилась явно не по его душу.

Ха! Удача сама перла в руки.

* * *

Тошнота накатила внезапно. От резкого торможения, машину занесло и развернуло почти поперек дороги. Распахнув дверцу, Альбина склонилась над асфальтом и ее вырвало. Мучительные спазмы не отпускали с минуту. Наконец, стало лучше, она вытерла губы и устало откинулась на сиденье. В этот момент сзади негромко хлопнула дверка. Обернуться Альбина не успела — волосы больно сжала сильная рука. Вторая легла на горло.

— Дернешься, шею сверну!

Голос был грубый, но без злобы. Альбина скосила глаза, в зеркало заднего вида.

Короткий ежик волос. Внимательные голубые глаза под кустистыми бровями.

Выражение лица не угрожающее, а скорей усталое. Один из бандитов, кажется главный.

— Ног убрала с газа и ключ быстро сюда!

Она, молча, выполнила его требования.

— Умница, — похвалил бандит и убрал руки. Затем выбрался из машины, обошел сзади, открыл дверцу и легонько толкнул оцепеневшую Альбину в плечо. — Перелазь на соседнее сиденье. Да резче, некогда мне! — он плюхнулся в освободившееся водительское кресло и спросил почти ласково. — Ну, и куда красotka, собралась?

— Я... я ищу наших... мужчин, — смотря на его многодневную щетину, Альбина почти физически ощутила, какая она, должно быть, колючая.

— Мужчин? — с пониманием усмехнулся бандит. — Ну, считай, что нашла. Поехали назад.

Он завел мотор, и машина начала разворачиваться.

— Туда нельзя... — Альбина сама поразилась своему голосу, какому-то хриплому и неживому. Бандит покосился на нее.

— Я прошу тебя!.. там... — она не решалась продолжить, опасаясь, что ее примут за сумасшедшую.

— Ну?

— Динозавры... — выдохнула Альбина. — Правда! Женщину разорвали... на моих глазах... Это ужасно... Я не знаю, откуда они взялись...

— Динозавры? — бандит вдруг заржал. — То-то ты неслась, как в бампер трахнутая.

Машина, ускоряясь, помчалась в обратном направлении.

— Тебя как звать? — неожиданно спросил он.

— Меня? — женщина растерялась. — Альбина. Я прошу тебя... вас...

— А меня Виталя! — перебил ее бандит. — Вот и познакомились!

— Очень приятно... — только и смогла сказать Альбина.

Тот хохотнул.

— Будет еще приятнее! Альбина, значит? Немка что ли?

— Почему немка? Русская... Послушайте, Виталий... там действительно очень, очень опасно!

— Динозавры значит? А может Змей Горыныч? С тремя головами и огнем из пасти? Нессы Альбинка, теперь все будет ништяк!

* * *

Когда мужчины добрались до мостика через овраг, Семенов подозвал Славу.

— Славик, ты вроде собирался овраг проверить? Вот и давай... Для подстраховки возьми Федьку, он парень боевой. Справитесь вдвоем?

Слава хмыкнул.

— Естественно! Я бы и один справился.

— Нет, — поморщился Семенов, — по одному мы здесь ходить не будем... минимум, по двое! Рацию я тебе оставляю. Если чего найдешь интересного, сообщишь...

— Как скажешь. А ты уверен, что я тебе не понадоблюсь там? — он мотнул головой в сторону института.

— Ну, ты даешь Славка, — усмехнулся охотник, — Уверен?.. Я ни в чем не уверен! Просто кроме тебя здесь оставить некого. Остальные следопыты говна от пули не отличат, не то, чтобы следы разобрать. Илью-то вызываешь?

— Да каждые две минуты! Достало уже!

— Молчит? — поинтересовался Семенов, скорей для проформы, чем надеясь.

— Шума больше нет... но и не отвечает.

— Ладно, минут через десять, сами там будем... Я с тобой свяжусь. Ну что ребята, по машинам...

Гришка висел, обхватив руками и ногами злосчастные корни, боясь пошевелиться. "Жаль, что удочка пропала, — невпопад думал он, — да и рыбу жалко... Ну, вы и лошары — скажет теперь дядя Слава — и будет прав, облажались они по полной! Порыбачили, называется..." Эти мысли смущала его куда сильнее, чем кровь, струящаяся из распоротой сучком лодыжки. А зря. Алые капли, срываясь с босой ступни, падали в реку, растворяясь в темной воде.

Когда он в следующий раз глянул вниз, то обомлел — прямо под ним, совсем близко от поверхности воды, кружил хоровод серых теней. Хорошенько разглядеть их не получалось, но он почти не сомневался, что это именно те «крокодилы», один из которых "улыбался" им с Женькой пятнадцать минут назад. И приплыли они сюда по его, Григория Иванова, душу, а он ничего не может сделать. Только замереть и ждать, ждать. И надеяться, что дерево вместе с ним не упадет в воду.

В том, что брат будет бежать изо всех сил, Гришка не сомневался, но если просто не найдет дорогу, заблудится? Оба пропадут ни за что, ни про что. Маму жалко. Она, бедная, всегда за них так беспокоится...

Мерзкая заостренная морда высунулась из воды, щеря пасть полную кинжалов-зубов.

— Пошел на фиг, крокодил уродский! — голос мальчика сорвался на всхлип, — я тебя не боюсь, гадина!

Страшилище убралось обратно в воду. Ты гляди — понятливая тварь. Интересно, сколько прошло времени? Кажется вечность, а на самом деле, может, и полчаса всего. Где же брат?

* * *

Быстрее, быстрее... Женька бежал, огибая деревья, не всегда успевая заслоняться от хлещущих по лицу веток. Так, скоро эта лесопосадка должна закончиться. Вон и поваленный тополь справа, значит, он немного уклонился от правильной дороги. Заколело в боку, пришлось немного сбавить скорость. Впереди показался просвет между деревьями. Вот и широкая просека, где они умудрились наловить стрекоз. Пересекая ее, Женька краем глаза, заметил какую-то тень, на секунду заслонившую солнце.

Продолжая бежать, он повернул голову... и тут же забыл про усталость и боль в боку. Слева на него падало что-то большое, рассекавшее воздух резкими движениями крыльев. Заорав во все горло, он вдруг понял, что машет руками и ногами уже в воздухе. Оглянувшись, он увидел хлопающие над его головой грязно-серые кожистые крылья и облезлый клюв. Мальчишка дергался изо всех сил, мешая твари набрать высоту и орал дурным голосом. Внезапно сообразив, что когти летучей гадины держат всего лишь его рюкзак, Женька изловчился и вывернулся из натянутых лямок. Приземление было жестким. Проще говоря, он покотился кувырком. Одураченная тварь, пролетев по инерции несколько десятков метров, бросила никчемный рюкзак и взмыла вверх, разворачиваясь на новый заход. До спасительных деревьев, где гадине со своими крыльями не развернуться, оставалось каких-то метров пять. Женька преодолел их не вставая, прямо на четвереньках. С мерзким клетотом, тварь влетела вслед за мальчишкой в стену деревьев, и стала биться, запутавшись в тонких стволах и кустарнике. Во все стороны полетели ветки. Тварь барахталась и хрипло визжала, пытаясь выбраться. Женька не стал этого дожидаться, и рванул напрямик, через

лес. Когда он уже удалился на добрую сотню метров, в голову вдруг пришла неприятная мысль — ведь птеродактиль или как его там, может так просто и не отстать. Ну ладно, в лесу с Женькой ему не справиться, но ведь там дальше, снова открытое пространство. А самое страшное, что этот гад может напасть на его беспомощного брата...

Придется вернуться... как не страшно, но надо. Приняв решение, Женька подобрал палку поувесистей, и помчался назад. Успел как раз вовремя. Цепляясь когтями за ветки, птеродактиль продирался сквозь заросли кустов. Еще чуть-чуть и будет на свободе. Скосил на подбегающего мальчишку желтый глаз, радостно, как показалось Женьке, заклекотал. Еще бы, сбежавшая дичь сама возвращалась к нему в пасть.

— Получи гад! — палка опустилась на голову незадачливой твари. Еще раз и еще. По шее, по крыльям, по спине... Птеродактиль визжал и дергал головой, но ничего не мог поделывать — мальчишка не давал ему выбраться на оперативное пространство.

Женька молотил врага до тех пор, пока палка, хрустнув, не сломалась. Он не стал проверять, сдохла ли гадина, а побежал к дороге, которая виднелась сквозь стволы березок и осин.

Выскочив на пустынное шоссе, мальчик остановился, озираясь в растерянности — куда бежать-то, в какую сторону? К реке они шли вроде не здесь. Как там Гришка? Сколько времени прошло?

Он побежал наугад. Подошвы мягко шлепали по асфальту, и это был, пожалуй, единственный звук, который он слышал. Болела расцарапанная спина, саднили разбитые руки. Едкая грязь щипала кожу.

Сначала он подумал, что показалось. Но нет, нарастающий шум мотора — навстречу ему ехала машина.

— Стойте! — хотел крикнуть Женька, но дыханье прервалось, и изо рта вылетел только невнятный хрип. Он встал на дороге и согнулся, упершись руками в колени. Сил больше не было.

Красивая серебристая машина принадлежала той тетеньке, которую мама называла «чья-то любовница». Из салона выскочили сама хозяйка и коротко стриженный дядька. Да это же главный бандит! В голове у Женьки мелькнул вихрь мыслей. Он, наверняка, взял ее в заложницы, а сейчас и его похитит.

Не раздумывая больше ни секунды, мальчишка развернулся и припустил назад.

Женщина кричала, ему, чтобы остановился, а бандит просто побежал вдогонку. Далеко Женьке удрать не удалось. Железная рука схватила его за шиворот, так что рубашка затрещала.

— Да стой ты чертенок!

Женька принялся брыкаться, пытаюсь развернуться и укусить дядьку за руку.

— Он еще кусается, подгон босяцкий! — бандит поставил его на ноги и хорошенько встряхнул, — Да не ори ты, оглохнуть можно!

— Где твой брат? Вы хоть подумали, что с матерью будет? — это уже разлохмаченная тетка накинулась.

— Гришка... там... спасите его, — тут у Женьки не выдержали нервы, и он разревелся как последний сопляк.

* * *

Солнце немилосердно припекало макушку. Темные силуэты все так же кружили у самой поверхности, время от времени высовывая хищные пасти. Кажется, их стало, больше. Кровь

на ноге запеклась бурой коркой, натягивая кожу, а в горле пересохло так, что даже сглотнуть невозможно. Но Гришка уже не обращал внимания на эту ерунду. Мысли путались, усталость навалилась тяжелым ватным покрывалом, и незаметно он провалился в состояние между сном и явью, когда действительность обманчива. Только бы не сорваться... не упасть в воду...

— Эй, шкет! Ты живой? — громкий мужской окрик, — слышишь меня?

— Он весь в крови, — к мужскому голосу, присоединился обеспокоенный женский.

— Гришка! — это голос брата.

Собственное имя стучало многократным затухающим эхом в мозгу. Что-то прощуршало и шлепнулось у головы. Голоса наверху продолжали совещаться. Он с трудом разлепил веки и открыл глаза — белые блики скакали, мешая разглядеть людей наверху. Рядом лежал конец веревки. Проследив взглядом по нему, он увидел, что другой конец держит какой-то дядька. Рядом с ним женщина и младший братишка. Собственно видны были только головы и руки, все трое лежали на краю и на разные голоса кричали ему хватать веревку.

— Если не сможет сам, кому-то придется спускаться, — мужик покачал головой. — Эй, пацан... обмотай вокруг пояса и держись крепче.

Гришка возился, казалось, целую вечность. Занемевшие руки, плохо слушались, были словно чужие. От его ерзаний, сосна сдвинулась с места и медленно поползла вниз. Наверху охнули сразу в несколько голосов. Крону подхватило течением и это ускорило паденье. С громким плеском ствол рухнул в реку, распугав "крокодилов". Вода, пенясь, поглотила его, но вскоре он всплыл уже дальше по течению. Тут только Гришка сообразил, что все это время он провисел под обрывом, а жгучая боль вокруг живота — от веревки, впившейся в кожу.

— Успел-таки, — удовлетворенно констатировал голос сверху, и его начали быстро поднимать.

На последних полметра мальчика подхватили под мышки и втянули на осыпающуюся кручу.

— Ничего страшного, — бегло осмотрев ногу, вынес вердикт дядька, — до свадьбы заживет! Идти сможешь? — обратился он к Гришке.

Тот неуверенно покачал головой.

— Не знаю, смогу, наверно... медленно только...

— Медленно не годится! — мужик легко подхватил его, перекинул через плечо, и зашагал прочь от обрыва.

— Сейчас, сейчас... — женщина семенила следом, — до машины только доберемся. Потерпи милый!

Сияющий Женька шел рядом, то, забегая вперед, то, отставая на полшага, заглядывал в лицо брату. Ему не терпелось поведать о своих приключениях, но он сдерживался.

* * *

Дневник Майи 21.03.200...

"Боже, неужели этот страшный день, наконец-то, закончился? Сил нет совершенно, вдобавок, зверски болит нога. Алексей Федорович дал мне "фастум гель". Марек усиленно втирал его мне в колено, но пока что не очень помогает. Честно говоря, я сначала смущалась, не каждый день мужчины наглаживают мне колени. Но потом ничего, привыкла. Все-таки приятно, когда о тебе кто-то заботится. Возьтятся с тобой, как с ребенком, бормочут, что-то успокаивающее, ласковое. Как мне этого не хватало здесь...

Локоть тоже болит, но терпимо, просто кожа содрана.

Писать в дневник нет никакого желания, но заставляет непонятное чувство долга. Да, собственно, и заняться больше нечем. Спать не могу. Страшно представить, что останусь ночью одна. Не дай бог, то, что я видела наяву, вернется во сне. Это как тогда в детстве... когда утонул в реке сосед с первого этажа. Все ходили смотреть на него, и я тоже. А потом мама три ночи сидела у моей постели, потому что стоило закрыть глаза, и я вновь видела раздутое синюшное тело. Так и сейчас, никак не удастся прогнать страшное видение.

Альбина поступила просто — напилась с Марекон коньяка, устроила небольшую истерику и теперь дрыхнет на диванчике. А у меня не получается. К сожалению, тот вкусный ликер закончился. Пробовала пить коньяк — лезет обратно. Даже запах спиртного отвратителен.

Марек ушел минут десять назад. Ему нужно быть с Ильей. Оставил мне самодельную лампу. Состоит она из обычной спиртовки, на которую одета стеклянная трубка. Налит в спиртовку не спирт, а какая-то вонючая жидкость. Не знаю, как она называется, но пламя дает яркое. Правда и расходуется жидкость довольно быстро — за то время пока мы сидели, осталось меньше половины.

Постоянно задаю себе вопрос: продолжаю ли я верить в то, что нас кто-нибудь спасет, и мы сможем вернуться назад в свой мир? Раньше мне казалось, что это возможно, или, по крайней мере, я заставляла себя верить. А теперь? А вот теперь, я должна себе признаться — совсем уже не верю. С каждым прошедшим днем ситуация становится только хуже. Сегодня пятые сутки нашего пребывания здесь и следует признать — если убыль нашего населения сохранит те же темпы, очень сомневаюсь, что нам удастся прожить хотя бы еще столько же.

На сегодня из списка живых вычеркнуто еще четыре человека. И пусть один, вернее одна из них — кондукторша, с самого начала была одной ногой в могиле, а второй при жизни был бандитом... все равно их жалко до слез. А остальных двух и вовсе!

А знаете, что самое неприятное? В определенные моменты времени (надо сказать — в самые драматические моменты), я словно знаю, что произойдет дальше. Словно этот кошмар порождение моего разума. Так было и перед заварухой с бандитами, и накануне встречи с динозаврами. Может, я просто сошла с ума и у меня комплексная галлюцинация? Или какая-нибудь ложная память? Что я знаю про шизофреников? Паранойяльный бред, обрыв сознания... Негусто. Но даже мне ясно, что если такие сложно наведенные галлюцинации и существуют, они никак не могут возникнуть ни с того ни с сего. Тогда остается признать, что я в добром... нет, слово добрый тут не подходит... просто в душевном здравии, и все что с нами случилось, произошло наяву. Ох, лучше бы я свихнулась!

Итак. Динозавры явились в час восемнадцать. Это сказала Альбина, она в машине умудрилась посмотреть на часы. Мне-то в тот момент было не до замеров времени. Первой погибла Анна — она ближе всех была к пролеску. Впрочем, что я говорю... тела ее так и не нашли, только следы... Это дает формальный повод считать ее не погибшей, а пропавшей без вести, но, кажется, кроме Ильи, в это никто не верит. Ну и пусть, если ему так легче. У меня не хватило духу рассказать, что видела, и Альбине строго настрого запретила. Только дура Наталья, успела что-то такое вякнуть, хотя сама ничего толком не знает. Но потом, увидев, как меняется лицо Ильи, прикусила язык. Ее быстренько вывели в коридор от греха подальше и объяснили, что к чему. Она ведь помимо прочего, умудрилась сбежать из буфета, заперев там Татьяну. Сейчас эта идиотка клянется, что захлопнула дверь машинально, в состоянии аффекта. Может, так оно было, но друзей от этого у нее не прибавилось. Очень

жаль Варвару Петровну, хотя Наталья утверждает, будто померла она еще до того, как динозавры ворвались в буфет. Алексей Федорович, осмотрев тело, сказал, что это возможно, судя по отсутствию следов борьбы и еще чего-то там... не помню. На этом вопрос и закрыли. Как мы теперь без нее, даже не представляю. Ведь она была заводилой и душой компании, объединившая нас и институтских женщин в одну команду.

Теперь о забавном, хоть и грешно в таких обстоятельствах. Учудила Фатима. Самовольно напившись успокоительного, умудрилась почти все проспять. Проснулась только от выстрелов Ильи. Выползла из медпункта и чуть ли не нос к носу столкнулась с удирающим из буфета динозавром. Грохнулась в обморок. По счастью, ошпаренная Илеей зверюга не удостоила ее вниманием (этот факт немедленно стал предметом насмешек Марека — дескать, нашей красавицы Фатимы, даже доисторическое ископаемое испугалось).

Потом приехали Семенов и еще трое охотников. Что-то такое Семенов видимо подозревал, судя по тому, как они с оружием наготове ворвались в вестибюль. Не стану тут описывать, как вытягивались их лица по мере узнавания подробностей произошедшего. Оставив с нами милиционера, Алексея Федоровича и таксиста, Семенов на своем джипе помчался обратно, чтоб предупредить Славку и людей в дачном поселке. Тех, что искали продукты.

Продукты, кстати, нашли. Всякие соленья-варенья и десять мешков картошки.

Закрадываются сомнения. Ведь если б никто не поехал туда, все остались бы живы. А так... Поменяли десять мешков картошки на двух человек... По пять мешков за человека. Такой вот обмен...

Следующим актом драмы, стало появление странной компании из Альбины, беглого главаря бандитов и Татьянинных мальчишек. Немая сцена была покруче, чем в "Ревизоре". Некоторое время я думала, что мужчины сейчас начнут стрелять друг в друга, такие у них были лица. Особенно кривился милиционер — автомат у него в руках так и ходил ходуном. Альбина мне потом сказала, что она готова была встать впереди Виталия (так зовут бандита), чтоб не начали палить. Ситуацию разрядила Татьяна, которая, преодолев столбняк, кинулась к своим детям, начав их обнимать, целовать и одновременно колотить. Тут уж мало кто смог сдержать улыбку.

Все познается в сравнении. Какое мне было дело до этих малолетних негодяев еще четыре дня назад? А теперь, я буквально счастлива, что мальчишки оказались живы и здоровы. Сказать честно, мы уже не чаяли их увидеть. У старшего распорота нога, но ведь это такая ерунда, по сравнению с тем, что могло с ними случиться. Судя по рассказу Альбины, юным балбесам сильно повезло, злодейка-судьба, за один час погубившая двоих взрослых, отчего-то оказалась к ним милостива — старшего не сожрали жутковатые речные зверюги, а младший не достался на обед птенчикам огромного птеранодона. Интересно, отбила ли у них эта история охоту к сомнительным приключениям?»

Конец первого тома.

Больше книг на сайте - Knigoed.net